
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1989
АНЖЕЙ ВАЙДА: НУЖНО ОЧЕЛОВЕЧИТЬ НАШИ ОТНОШЕНИЯ
КУЛЬТ КРАСОТЫ
ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ ДЕПУТАТА
РЭКЕТ. КАК С НИМ БОРОТЬСЯ?
ТОННЕЛИ СТРОЯТ НАСТОЯЩИЕ МУЖЧИНЫ
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА А. БОНДАРЬ:
«ИЩУ РАБОТУ»...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (3210)

28 ЯНВАРЯ — 4 ФЕВРАЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Ситуация, в которой оказался Герой Социалистического Труда А. Бондарь, типична для многих бывших строителей БАМа. (См. в номере материал «Голубые города» во сне и наяву».)

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 09.01.89. Подписано к печати 24.01.89. А 08806. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 5. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

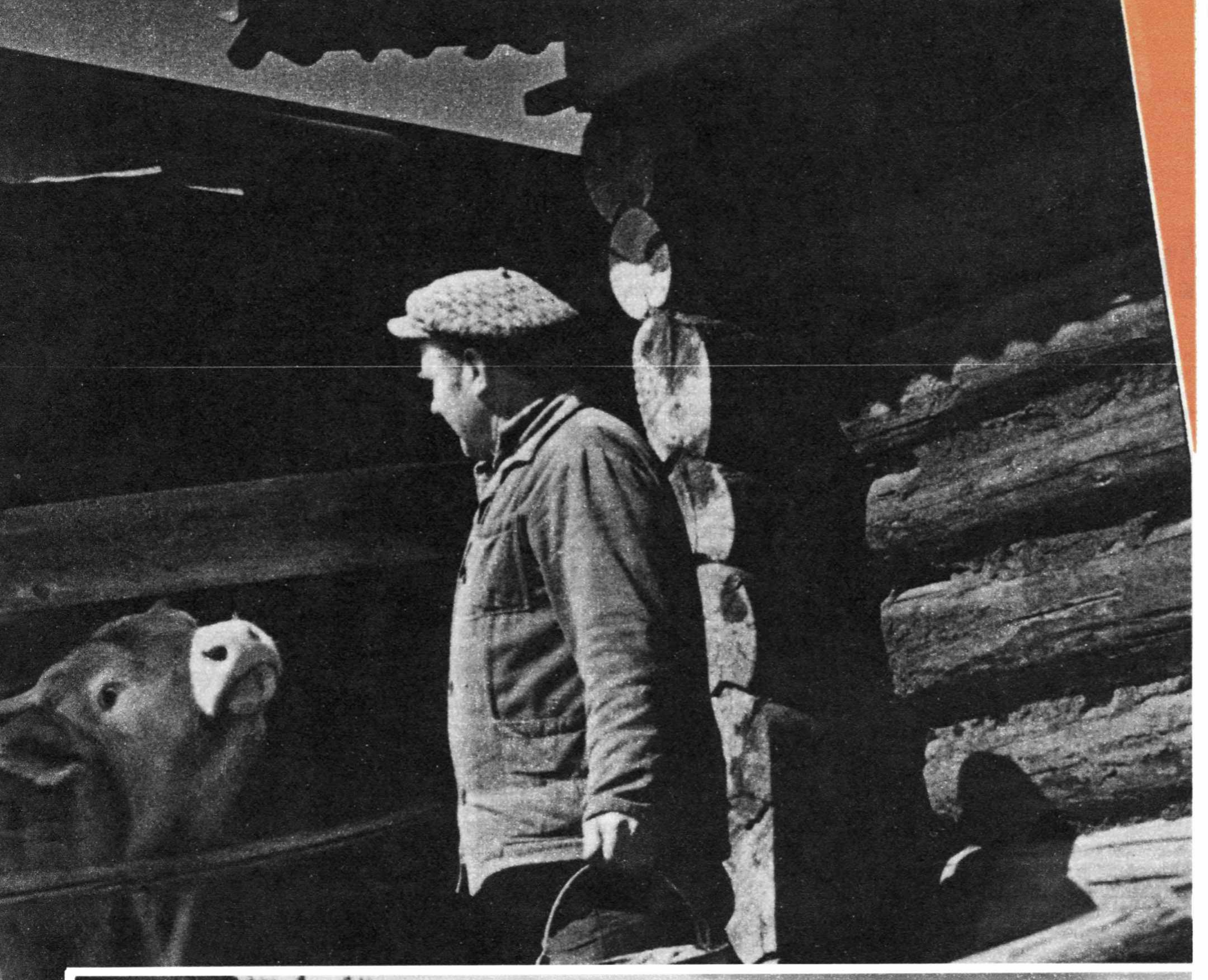
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПЕРЕХОД НА АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, НА ХОЗРАСЧЕТ ПОДРЫВАЕТ БАЗУ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ, ПРАКТИКУ НЕОПРАВДАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, А МНОГИЕ НАШИ КАДРЫ УЖ ОЧЕНЬ К ЭТОМУ... ПРИВЫКЛИ, А НЕКОТОРЫЕ ПО-ДРУГОМУ УЖЕ ВООБЩЕ И РАБОТАТЬ НЕ МОГУТ.

М. ГОРБАЧЕВ
Из выступления на совещании в Орле 15 ноября 1988 года

УТЫ ДЕНЩИНЫ

Николай БЫКОВ

Фото Георгия АРКАНТОВА, Бориса КУЗЬМИНА и Бориса МИХАЛЕВКИНА

Хозяин земли — кто он? И есть ли у нашей земли, у поля хозяин? Работник совхоза, конечно, не хозяин, а ведь у нас десятки тысяч совхозов, и, значит, в каждом сотни нехозяев? Может быть, колхозник — хозяин земли? Нет, и он не хозяин. Хотя мы с некоторых пор обрадованно называем — хозяева земли, хозяева фермы. Так кто же из миллионов, оставшихся жить в деревне, сегодня подлинный хозяин земли? Никто. Госагропром? Не похоже... Обком партии? Он так и думает... Но вот возникли на селе, в сельских районах кооперативы, возрождаются арендные отношения; арендатор — хозяин? Напротив, он лишь арендует, то есть берет на время в свое пользование поле, скот, машины, плантацию; но не он хозяин. Так не будем же всуе поминать это великое, жизнеспособное, многообещающее слово! Дело — в отношении к тем, кто в поле; пользуется ли человек земли доверием, оставлено ли за ним право на свободный труд? Учитывает ли государство его личные интересы? Гарантирует ли оно труженику независимость, право выбора в ведении хозяйства, защиту от произвола со стороны любителей ломать судьбы людей и отеческих нив?..

ИТАК, ПЕРВОЕ В МИРЕ социалистическое государство медленно, но верно возвращается к ленинскому пониманию аграрной политики. Шестидесятилетняя попытка управлять сельским хозяйством обернулась такими потерями человеческих и природных ресурсов, интереса к бытованию на земле и преимуществ деревенской жизни, что проблема продовольствия на каждый день потеснила все прочие проблемы, вызвав цепную реакцию послеапрельских реформ, как социально-экономических, так и политических. Трогательные разговоры о судьбах деревни длились годами по инерции, пока не стала очевидной катастрофа — разрушен сам уклад сельской жизни, так и не ставшей за шестьдесят лет ни более привлекательной, ни престижной.

Все ли осознали необходимость вернуть интерес к жизни, право на жизнь селянам — тем, кто нас кормит? Раскрепощение — иного не дано; и государство должно пойти на это, на демонтаж сталинской модели.

Прах расстрелянного провидца Александра Чаянова стучит в мое сердце: «...нужно сделать так, чтобы крестьянину не за чем было бежать из деревни, чтобы в деревне он мог безбедно жить». Жить безбедно труженикам села — главное условие благополучия страны. Его игнорировал план сталинского приобщения крестьянства к социализму.

Я только что с Кубани. Хотя и было оговорено на ноябрьском совещании в Орле: «Можно было поехать на Кубань, где даже в самый плохой год есть что показать». Показатели есть — даже в минувший, очень и очень неблагоприятный для Кубани год. После беседы с заведующим отделом крайкома партии Иваном Яковлевичем Назаренко записал некоторые рекомендованные цифры. На коллективных подрядах уже работают около двухсот тысяч жителей станиц и хуторов, за ними закреплены 93 процента пашни, 80 процентов коров, столько же свиней, почти все овцы... Чем не победная цифирь?

В ста семидесяти двух хозяйствах края «внедрена» аренда — так и сказано — в н е д р е н а. Как стахановское движение. И даже есть хозяйства, в которых арендаторов объединили в кооперативы по отраслям — таких пока шестнадцать. Они-то и поманили меня. Если в станице зарегистрированы кооперативы, то что же осталось от былого колхоза?

«КТО ВЫ, Анатолий Андреевич?» — так мне хотелось назвать репортаж из павловского колхоза «За мир и труд». Дело в том, что председатель Анатолий Андреевич Завгородний фактически вовсе не председатель колхоза в устоявшемся понимании этой якобы выборной должности. А «За мир и труд» никакой не колхоз, а скорее всего некая ассоциация десятка отраслевых кооперативов, объединивших арендаторов части станицы Павловской. Есть в станице еще и колхоз «Комсомолец», но соседи остались колхозниками, тогда как хозяйство «За мир и труд» разобрали арендаторы. Не в том смысле, что растащили по домам и приусадебным участкам, а каждый арендовал, взял на себя, на свою личную ответственность кто трактор, кто мельницу, кто автомашину, кто группу коров или свиней, кто маслобойку... Единоличники? Нет. Чтобы объединиться, надо размежеваться? Колхозники колхоза «За мир и труд» прежде всего размежевались. Каждый, кто пожелал, арендовал ту часть хозяйства, где он до того годами ходил в работниках, которая ему более привычна и по силам. И по душе. А потом вновь испеченные арендаторы объединились в кооперативы по отраслям — в растениеводстве, животноводстве и т. д.

— Так кто же вы теперь, Анатолий Андреевич?

— Считаюсь председателем колхоза, так привычнее...

— Но можно ли считать кооператив колхозом, вкладывая в это слово прежнее содержание?

— Нет, конечно, нет! — уверенно ответил председатель.

— Вы председатель — чего?

— Только не колхоза!.. У нас некий штаб по координации производственной деятельности отраслевых кооперативов. И тут же ФРЦ, так называемый финансово-расчетный центр, в общем, обновленная бухгалтерия и плановики. Думаю, самое время в границах бывшего колхоза создать сельхозкооператив. Некую ассоциацию, хотя это громко сказано, отраслевых кооперативов, связанных между собой технологией и самыми разными интересами, общей жизнью в станице... Мы уже и устав свой приняли — общий для отраслевых кооперативов. Общий устав — гарантия против центробежных сил, юридическая защита от набегов райoнщиков.

Не любят в Павловской вспоминать поездку в Латвию и как там, будучи в знаменитом кооперативе «Адажи», спросили, еще не поняв главного, как, мол, они ведут учет каждодневных удоев? На вопрос им ответили обидным вопросом: «Откуда приехали, товарищ? Ах, с Куба-ани-и!..». Сказано было так, будто экскурсанты из глухой глубинки... Былая житница Кубань, что же с тобой сделали?..

В зале для собраний Анатолий Андреевич в то утро принимал делегацию наиближайших соседей, одностаничников из павловского колхоза «Комсомолец». Отовсюду приезжают к Завгороднему — даже из далекого далека, а сосед Олег Алексеевич Примак только теперь, в декабре.

— Что же вас заставило наконец-то посетить соседа? — спросил я председателя колхоза «Комсомолец».

— Нужда заставила... Мы знаем свой потенциал, могли бы не хуже, чем они, жить... А пока у нас отдачи никакой. Хотели раньше приобщиться, да не решились... Я, например, убедился, что аренда — хорошо, но пока есть и хозяин района. Как он посмотрит на самоуправление в кооперативах?.. Реальная трудность перестройки на селе в том, что нет реакции на слова, на призывы начать все заново. Годами за нас думали. Точнее, не думали, а решали. За нас!.. И сейчас ждем, а вдруг хозяин района иначе решит с арендой? То ж будет трагедия?..

— Риск — благородное дело,— подсказал соседу Анатолий Андреевич.— Только начни, и заговорят личности! Разве для вас не стимул, что в нашем райкоме партии больше нет сельхозотдела? Убрано главное препятствие — орган управления и согласования. Железная узда!.. А тут вообще наш первый как-то сказал, что вмешиваться не будет... Слово не воробей!

МЕСТНЫЕ газеты печатали биографии только что избранных первых секретарей райкомов партии на Кубани, и кто же они? Василий Петрович из Ленинградского района родился в крестьянской семье. Ейский секретарь Борис Петрович родился в крестьянской семье. Из семьи крестьян и Анатолий Николаевич из Щербиновского района, и Федор Афанасьевич, первый секретарь Славянского горкома. Крестьянские дети и октябрьский секретарь Каладжерий Исмагилович, и Федор Васильевич из Новопокровской... Разумеется, есть и выходцы из семей рабочих. Но все же руководители районов — не только на Кубани — чаще всего дети крестьян. Так что же так худо, несвободно жилось и живется колхозникам в третьем-четвертом поколениях? Как случилось, что глобальный процесс раскрестьянивания проходил не без активного участия крестьянских сыновей, достигших районной власти? И — постов повыше?.. Анатолий Андреевич рассказал о своем конфликте с первым секретарем райкома партии (был он когда-то председателем райисполкома). Так вот первый с ходу постарался подмять его под себя, подчинить своей воле, своему принципу «что хочу, то и ворочу». У Завгороднего к тому времени уже был двенадцатилетний стаж совхозного директора. И он диктатуре хозяина района не поддался, почувствовал уже тогда, в 1983 году, что представителю Советской власти в районе не к лицу молча сносить замашки партийного феодала. «Разводиться» в крайком партии поехали вместе — по-честному. И там их в кабинете с высоченным потолком развели: хозяин остался хозяином, Анатолий Андреевич согласился на колхоз.

— Здесь я сразу почувствовал ветер перемен. Люди — за! Жили в общем-то безбедно. Приусадебные участки большие, скот многие держат, а денежная оплата в колхозе гарантирована. Кубанский чернозем голодным не оставит. О более высоком качестве жизни мало кто задумывался... Но такие были! Думал и я после апреля восемьдесят пятого, как бы это жить более достойно? Как освободиться от районных управляющих, людей не то чтобы не компетентных, но абсолютно не заинтересованных в улучшении жизни на селе, экономически оторванных от сельскохозяйственного производства, ретивых исполнителей любых указаний сверху?..

Завгородний рассказал, как постепенно вызревала идея аренды — через опыт коллективных подрядов. Ему, коммунисту, сыну своего времени, нравилось, что в новой для колхоза форме организации труда оставался принцип коллективизма. Коллектив — тот самый «ребенок», которого нельзя выплеснуть с водой из кооперативной купели! Так считает Анатолий Андреевич. За шестьдесят лет, что ни говори, станичники вольно или невольно в той или иной степени стали коллективистами. И эта мысль дорога Завгороднему. Он и по настроению колхозников чувствовал, что об единоличном ведении дробных хозяйств никто речей не заводил. Подряжались на знакомую работу, но — коллективом. Даже не звеном, а бригадой. Еще лучше — семьей. Люди, конечно, попадались разные, но все же притирались друг к дружке. И работа на общий котел сразу сказалась на колхозных прибылях, на заработках от валового дохода.

— Что такое аренда? — спросил я.

— Естественный шаг к самостоятельности, даже к самоуправлению. Аренда,— загорелся Анатолий Андреевич,— философия! И — политика! Новая политика. Заметили? Не сразу, не с весны восемьдесят пятого заговорили об аренде. А если говорили, то как о несбыточном. Ждали команды! Опять ждали... Если, мол, аренда, то как же быть с социализмом? Аренда в колхозе — не смешите. Колхоз давно стал обычным госпредприятием.

МОГ ЛИ я не согласиться с Анатолием Андреевичем! Что колхоз, что совхоз — формы подневольные, ибо умерла мечта об освобожденном труде. Немало написано о невозможности одолеть в колхозе-совхозе отчуждение исполнителя от его продукции. О невозможности в колхозе — детище сталинской коллективизации — ликвидировать наемный труд, заменить его трудом на себя! Мы давно знаем, какова производительность труда работающих за «палочки», за девальвированный, пусть и гарантированный рубль... В бывшем колхозе "За мир и труд" теперь знают и другое — какова производительность труда скооперировавшихся арендаторов!

Выработка на человека в 1987 году здесь, на дерзнувшей высвободиться половине станицы Павловской, составила 16 тысяч 286 рублей. Это в среднем, а производительность труда более умелых и удачливых подрядных коллективов еще выше.

В минувшем 1988 году выработка арендатора достигла более 18 000 рублей. С чем сравнить? Приведу средние показатели. По краю в прошлой пятилетке производительность была почти вдвое ниже, в позапрошлом году поднялась до 10,8 тысячи рублей, нынe будет, очевидно, повыше, хотя 1988 год на редкость неудачный. Но арендаторы Павловской все равно сработали почти вдвое лучше, эффективнее среднекубанского нехозяина земли и ферм.

Производительность — главное. И еще — прибыль. Прибыль — оселок экономики, на котором поверяется зрелость и руководителя, и производственника. О прибыли научил меня спрашивать нижегородский председатель колхоза Михаил Григорьевич Вагин. И я стал спрашивать то одного, то другого встречного-поперечного на Кубани: «Скажите, пожалуйста, какова цель вашего предприятия, вашего колхоза, вашего совхоза?» Ответ чаще всего, как и предсказывал Вагин, был не в яблочко: «Цель? Накормить народ!» Или — лучше пахать. Или — побольше заготовить кормов. За всем этим — неумение мыслить экономически. И наоборот — заботы о прибыли ничего общего не имеют с управлением сельским хозяйством, с накачками в райкоме партии, беспредметными совещаниями в крайкомах партии или агропрома. Богатство создает только экономика, а не «давай-давай». Если бы хозяева края в свое время думали о прибылях, они бы отвергли авантюру с кубанским рисом. Рис на Кубани убил пшеничную ниву, бахчи, сады, лучшие богарные земли; яды из-за него дошли до моря и убили рыбу...

— Хозяин земли — он кто, арендатор? — поинтересовался я у Анатолия Андреевича.

— Не уверен, то есть я так не думаю,— признался Завгородний. Оказалось, что мы и по этому вопросу с ним единомышленники.

— Мы только сейчас, решившись на аренду, столкнулись с жизнью такой, какая есть. Разве мы жили! Разве был колхозник хозяином?.. Даже коллективный подряд, принятый нами в лоно хозрасчетного колхоза как противозатратный метод ведения дела, не дал ожидаемого эффекта. Не преодолел противостояния антиэкономики. «Довели» структуру посевных площадей — и нет кормов!.. Это лишь один пример. Арендатор — нет, и он не хозяин. Район, верстает так называемый госзаказ — он и хозяин. Конечно, арендатор не наемный работник; но и по договору он берется выполнить все тот же навязанный ему госзаказ, то есть делает план, за которым комитет АПК, все тот же райком...

КОМИТЕТ АПК? В самом деле — я только что утром видел эту новую для меня вывеску. Я когда-то сильно ратовал за РАПО, за областные и краевые объединения: идею РАПО, родившуюся еще в 1978—1980 годах, я тогда же воспринял как возврат к здравому смыслу, к ленинскому пониманию кооперации. Именно — объединение всех производственников района! Кооперация аграрно-промышленных сил во имя лучшей жизни всех, кто в районе живет. Не успел оглянуться, как ключевое слово "объединение" заменили на державное тавро «комитет». Против комитета не попрешь. Какая уж тут самостоятельность, какая аренда, если директива имеет гриф «Краевой комитет АПК». А в нем сидят никакие не отцы кооперации, а — комитетчики. Те же чиновники, давно смирившиеся с тем, что кубанская корова дает всего-навсего 3263 килограмма молока за год. И не на Кубани ли в договорах, заключенных с семьями арендаторов, ничтоже сумнящиеся записывают: «...надоить согласно хозрасчетного задания на фуражную корову 2580 кг молока». Очевидно, под «фуражной коровой» на Кубани имеют в виду козу...

— Попробуйте войти в операционную во время операции! — горячился Анатолий Андреевич.— А колхоз как был, так и остался проходным двором для уполномоченных и управителей. Полигоном для экспериментов. Отменив прибавочную стоимость в теории, наши горе-руководители никогда о ней не забывали на практике — ее изымали! И основные фонды подгрызали, лишали хозяйства даже ничтожных корешков, связывающих с землей, питающих хоть какой-то интерес жить в селе... Губила уравниловка! Для себя держали на длинном поводке два-три хозяйства-маяка, а остальные не высовывайся...

Он считает, что еще ни разу за всю его сознательную жизнь многоопытного человека установка сверху — какая бы она ни была — ни к чему хорошему не привела. Где же выход? Кого слушать? Завгородний считает: слушать надо коллективный разум одностаничников, тех, кто в поле и на ферме, кто производит, кто своим личным трудом создает ценности, дает (или не дает!) продукцию: хлеб, мясо, молоко, овощи, фрукты... И он, Анатолий Андреевич, спрашивал их, кто на фермах и в поле. А верно ставить вопросы ему помогали нужды колхоза и социологи. Он от имени правления заключил договор с хозрасчетной группой из Краснодарского сектора института социологических исследований. Вопросы самые разные! Ибо арендные отношения, к которым подбирались основательно, с крестьянским недоверием,— это отношения психологические прежде всего. И — экономические. Как проявит себя личность в условиях небывалых производственных отношений?

Итак, решились. Колхоз «За мир и труд» в начале 1988 года перешел на арендные отношения. Каждый — арендатор, но все вместе — кооператив арендаторов. Так подтолкнули людей к самостоятельному ведению хозяйства, к работе на себя.

Все затраты на себя. Все решения на себя. Слово «зарплата» тут забыли. А в колхозе? Зачем брать на себя, если всё от начальства? Такая позиция «крестьян» на зарплате вполне, очевидно, устраивает и районщиков, и тех, кто в крайагропроме. Согласившиеся на безынициативную жизнь в станицах нуждаются в начислении зарплаты, планировании сверху, распределении полученной краем техники... Тем более что начисляющим зарплату конкуренция не грозит: они занимают место под кубанским солнцем согласно штатному расписанию. А те, кто мог бы их потеснить благодаря знаниям и благодаря

опыту, природному интеллекту, остаются в райцентрах, Краснодаре. Это они в нарушение постановления партии и правительства от 20 марта 1986 года по-прежнему требуют три шкуры с одного барана: отдай обязательно, отдай сверх плана, отдай сверх обязательства! И никаких там постановлений!.. «Крестьяне» на зарплате вяло ссылаются на хозрасчетные отношения и опять же на долгожданное постановление от 20 марта 1986 года — гарант, каких не было. Но люди с асфальта грозно напоминают о кубанском патриотизме, о том, что народ надо кормить!.. О собственном банкротстве ни слова. «Придавить» — сегодня самое мягкое слово, но аргумент в борьбе с селянами безотказный.

«Бермудский треугольник» — такое услышал на Кубани. Три противостояния: кооператив арендаторов, райком (горком) партии и комитет АПК. Лебедь, рак и щука. Только не ловите на слове, это — метафора, и я не знаю, кто есть кто. Просто сегодня действуют три разновеликих вектора.

— Согласен,— поспешил консолидироваться с прогрессивными процессами на селе заместитель председателя крайкома АПК Николай Иванович Горовой,— но вы не по адресу пришли. Краю по-прежнему спускают планы. И мартовское постановление, на которое вы ссылаетесь, никакая не гарантия — есть партийная дисциплина. Госзаказы краю такие, что их нельзя счесть реальными. Например, госзаказ на подсолнечник можно выполнить лишь при урожае двадцать восемь центнеров с гектара, а край собирает фактически шестнадцать. Откуда же прибыль ждать? В чем тут стимул? Я хочу сказать, что в планы заложены убытки, в планы!.. Выход? Может быть, и аренда. Но ведь Кубань — это сто двадцать шесть культур! Пока госзаказ — закон. И спрашивают не с тех, кто в поле, на ферме, а с крайкома партии; а крайком с нас, кто в агропроме...

Недавно в крайкоме АПК сократили почти половину людей (не хочу всех огульно называть чиновниками), то есть оставили в разбросанных по городу зданиях пятьсот человек. Пятьсот!

— Скажите, пожалуйста, Николай Иванович,— спросил в заключение беседы,— многие ли из освобожденных от кабинетных служб устремились в степь лазоревую, где открылся такой простор для всех, кто здоров, умен и деятелен?

— Ни один... В городе растворились.

Вот тебе и крестьянские дети. А в анкетах: окончил СХИ, окончил Ростовскую ВПШ, работал колхозником, механиком, зоотехником, агрономом, инструктором, инспектором, замзава... Четыреста сорок не пожелавших реализовать себя как личности, как специалисты... И это на Кубани, где аренда сулит золотые горы. Но и то правда, зов земли надо уметь услышать! Надо быть не только политически выдержанным и морально устойчивым, но и экономически грамотным. Собирать информацию по телефону, писать докладные и справки — ума не надо.

— Чему учат арендные отношения? — спросил я Анатолия Андреевича.

— О психологии, мышлении я говорил. Повторюсь, мы все только сейчас столкнулись с настоящей жизнью — крахом в нашем сельском хозяйстве. Много копий сломано в дискуссиях об оплате труда. И тут шоры спали. Никто у нас не начисляет. Арендатор сам формирует оплату — от продукции и от ее качества. Теперь арендатор думает: за что я плачу? Сколько? Идет в течение года бурная производственно-экономическая жизнь; наши отраслевые кооперативы, естественно, нуждаются во взаимных услугах, но именно в услугах, которые оплачиваются незамедлительно. В хозяйстве у всех арендаторов есть внутрихозяйственные расчетные чеки. Невзрачные такие талоны на рубль, три рубля, пять, десять, пятьдесят, сто — до тысячи рублей. В общем, кооперативные деньги, которые имеют хождение только на нашей половине станицы Павловской. Арендатор семь раз подумает, покупать ли услуги и прочее? А поскольку он не единоличник, а член своего отраслевого кооператива, он застрахован и от излишней скупости во время посева ли или ухода за скотиной, и от расточительства, и от неверного шага в процессе купли-продажи. Я слышал мнение, что арендатор может изнасиловать поле, сад, бахчу... Хапнул прибыль — и был таков! В жизни вряд ли так получится: человек в селе на виду, он член кооператива. Во главе отраслевых кооперативов — специалисты, люди авторитетные и знающие. Их сами же арендаторы и выбрали. Более того, с ними после избрания заключили договор; платят им от валового дохода. Так что им тоже ни к чему насиловать землю; напротив, они проводят стратегию повышения плодородия. На фермах начали вести настоящую селекционную работу. И прежде всего, несмотря на окрики районщиков, выбраковали негодных животных...

Так и в поле, так и в гараже или тракторно-комбайновом парке. Водители арендовали автомашины, трактористы арендовали тракторы. Не расценки, но расчетные цены! За все — горючее, смазочные материалы, запчасти... Более того, и механизаторы, и шоферы покупают поросят, корма и откармливают! Задал с утра пойла или отрубей, а сам — в рейс. Вернулся — проведал, покормил, попоил; а через несколько месяцев продали мужики мясо. Привесы у подопечных свиней, между делом, превысили пятьсот, а у некоторых и шестьсот граммов за сутки!

Небывальщина — я перестал записывать. Вот он, интерес! Сработал наконец-то. Оказалось, что первыми взялись откармливать свиней специалисты и конторские служащие. Быстренько уяснили, что к чему, наладили дежурства, кормили поросят дешево, но сердито. В результате сдали каждого питомца весом до ста тридцати килограммов! Деньги получили и поделили. Хорошо! Еще бы, да замучили проверяющие из райконтор. Ревизия за ревизией. Конечно, надсмотрщиков (слово экономиста Николая Шмелева; он утверждает, что в стране над селянами три миллиона надсмотрщиков) не очень-то боялись, защищали договор с председателем А. А. Завгородним и квитанции на купленный корм. А вот поросята могли от частых проверок похудеть — нервничали сильно; и все равно за три тура конторские вырастили 45 тонн!

Ну, и последнее. Аренда помогла хозяйству выполнить госзаказ по мясу еще в октябре. Всего же за год продали государству без малого тысячу тонн мяса — вдвое больше, чем в докооперативный век, как говорится, при колхозе. Важно и другое — почти все это мясо получили у себя дома, в кооперативе животноводов и других кооперативах по интересам. А как было? Еще два года назад колхоз отвозил свой молодняк на откормочный комплекс, там получали неплохие прибыли, но лишь доля малая перепадала колхозу «За мир и труд» — план засчитывали, а живые деньги тю-тю.

— Анатолий Андреевич, об аренде, о вновь рожденном кооперативе арендаторов вы рассказали достаточно подробно. И все же, как бы это одним словом или двумя-тремя подвести итог беседе и, разумеется, вашему хозяйственному году?

— Утроение. Вот вам одно слово.

— Прибыль выросла втрое? — ахнул было я.

— Нет, втрое больше стало работы! Особенно у нас, кто остался в правлении, главном штабе кооператива. И у специалистов. Они теперь не советчики и даже не руководители отделений или цехов; они обслуживают непосредственных производителей! Обслуживают не за страх или по должности, но по совести. И — за реальную оплату их компетентности, энергии.

— Так, получается, больше стало продукции, но и усилий больше?

— Иного и нельзя ожидать. Работая одной рукой, спустя рукава и вполсилы, прибылей не поднять. Станицу не отстроить, детей в люди не вывести, культуры не обрести! Кстати, никто не переутомляется! Труд арендатора не то чтобы в радость, но он как часть будней, как выражение личного интереса, условие для достижения собственных целей. Тот, кто не умеет работать плохо, определенно в выигрыше. Тут важно себя найти. Многие нашли. Другие ищут. Раскрепощение земли и человека на земле — дело жизни. Быть здоровым и богатым куда лучше — это известно давно.

— Значит, труд, труд и труд?

— Свободный от понукания... Сладкая власть земли! Но не только труд определяет личное участие человека в становлении кооперативной экономики. Мы в соответствии с Законом о кооперации в СССР, на основании его статьи 33 разработали положение о привлечении личных денежных средств в виде пая. Цель? Та же самая — ускоренное развитие экономики, становление кооператива. Богатство всех пайщиков! Пай — очень важное слово. Вложить свои средства в дело, значит сделать дело своим. Личным!

Павловцы теперь могут внести свою долю денег на общий счет в банке на период менее двух лет, не менее двух лет и на период не менее трех лет. А сельхозкооператив за внесенный пай выплачивает отныне после годового отчетного собрания, но не позднее 1 марта каждому пайщику надлежащие проценты, независимо от результатов: 4 процента, если пай внесен на период не менее трех лет, 3 процента и 2 процента в иных случаях. Три и четыре процента годовых отчислений — совсем неплохо! Побольше, чем в госсберкассе. Сами принимали решение! И теперь многие семьи в Павловской заполучили «Книжку кассы пая»; вклады можно забирать, передавать на строительство дома и другие цели, завещать детям... Финансовое раскрепощение — это немало! Сразу у способных и бережливых проявится хозяйская жилка. Их более пятисот человек, арендаторов! Соберут по тысячному паю от каждого, вот вам и полмиллиона свободных средств. Вот и упрочение независимости от государства.

— От государства?

— Ничего страшного,— улыбнулся Анатолий Андреевич.

Ничего страшного, если он имел в виду даже крайком партии, не говоря уж о крайагропроме. Может быть, они представляют интересы государства? Нет, скорее интересы номенклатуры, аппаратчиков, служилого люда, тех, кто является продуктом многолетней социальной селекции. И не они ли шестьдесят лет утюжили деревню, блюли систему отношений, которая обескровила колхозы, в большинстве своем не попавшие в число заведомо показательных, подкармливающих районную и областную власть. Догмат «распределяй и властвуй» — оружие людей, бездарно управляющих нашим сельским хозяйством. Кажется, они только сейчас осознали собственную ненужность. В ленинском плане кооперации ни для кого из них, отсиживающихся в бесчисленных кабинетах, например, Агропрома, нет места. Как и для тех, кто с годами приспособился существовать в колхозе при его немыслимых для былого крестьянства порядках. Возрождение деревни началось сверху и снизу. Резко сокращено число работников в сельхозотделе, например, Краснодарского крайкома, там остались двадцать три человека — это не доблесть, это естественный процесс «разоружения» в борьбе за подъем сельского хозяйства.

Нужен Закон об арендных отношениях в СССР. В дополнение, поддержку Закона о кооперации в СССР. А пока... Пока никто не отменил статью 50 «Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», которая гласит — передача земли в аренду запрещается.

Закон об арендных отношениях нужен для того, чтобы дать жителям отечественных весей юридические гарантии их деятельности. Защитить их от мертвых статей иных законоуложений, от москитной армии блюстителей инструкций и проверяльщиков — солдатаев с самыми добрыми намерениями, разработанными в обкоме (в крайкоме — в нашем случае). Закон об аренде нужен еще и потому, что крайагропром, если речь о Кубани, вряд ли добровольно откажется от власти верстать госзаказы, тасовать поля севооборотов, распределять коленвалы, жатки, тем более новую высокопроизводительную технику.

Не их власть — власть Советов! Власть — Советам, приоритет — хозяйственникам. Тем, кто способен за «круглым столом» районного агропромышленного объединения самостоятельно решать насущные проблемы жизни района. Кто способен и будет уполномочен селом помогать арендатору — человеку риска и напряженного труда. Производителю продуктов, сырья. И — потребителю технологий.

И прав, думается, академик Владимир Александрович Тихонов: только что выделенные государством для АПК семьдесят семь миллиардов рублей (на семь лет!) следовало бы передать не Госагропрому СССР, взявшему, к сожалению, на себя функции нескольких упраздненных министерств, а местным органам Советской власти — Советам (краевому, если речь о Кубани, и областным). Только тогда эти могучие субсидии попадут к тем, кто в них нуждается. Кто без них не сможет сегодня же и не сможет завтра отстроить у себя дороги, купить себе подходящую технику и автомашины, построить наконец-то хранилища, холодильники, склады, навесы, которых колхозы так и не дождались ни от министерств, ни от обкомов-крайкомов...

Так с кем же иметь дело арендатору завтра? Я согласен с теми, кто считает, что землю, пастбища, леса, озера, технику, скот новые люди будут арендовать у государства — у местных Советов. Без посредников. И уж тогда отпадет надобность в крайкоме АПК. Арендатору назначат арендную цену согласно кадастру, если речь о земле и ее плодородии. Назначат и подоходный налог, если землю он арендует бедную, маломощную. Главное, знать человеку, пайщику кооператива, каковы его платежи. Объявят платежи — и никакого диктата, никакого управления жизнью селян! Контроль — да, но только через банки, самые разные. И — через решение народных депутатов — они коллективно, сами решат, может быть, и после споров, если будет надоба в переориентации хозяйственной деятельности. Если изменится рыночная конъюнктура, если. если... Живая жизнь, живой интерес, живые деньги!.. Экология, защита потребителей, борьба с возможными насильниками пашен, лесов, рек, вообще природы, окружающего мира — зеленого и голубого! Вот тут-то и совпадут интересы государства, кооператоров города и деревни, всех нормальных людей, болеющих за экономику, благосостояние Родины. Никто себе не враг — чего проще! Прибыль — да; но не потрава, не порча, не самоедство ценою жизни поколений. Сегодняшних и тех, кому жить завтра. Законы наследования — их бы возродить. Тут нужны здравый смысл, культура власти и культура производства.

В философском смысле мы все — арендаторы, все арендуем годы жизни у вечности. Плохо, если живешь закрепощенным — экономически и духовно.

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ●
СКОЛЬКО СТОИТ ПРОПИСКА ●
БЫТЬ ЛИ СТУДЕНТУ СОЛДАТОМ ●
КООПЕРАТИВЫ? ИЛИ МОНОПОЛИЯ ВЕДОМСТВ? ●

■

В течение ряда лет, пересматривая дела в отношении лиц, необоснованно репрессированных по различным политическим обвинениям, судебные органы, в том числе и Пленум Верховного суда СССР, прекращают дела с формулировкой «за отсутствием состава преступления».

Но правильна ли эта формулировка?

В уголовно-правовой науке общепринято, что для наличия состава преступления необходимы четыре обязательных элемента: объект и объективная сторона преступления, субъект и субъективная сторона преступления.

Если нет хотя бы одного (любого) из этих элементов, значит, «нет состава преступления».

Так, например, если лицо, совершившее общественно опасное, противоправное деяние, не достигло определенного возраста или признано невменяемым,— нет субъекта преступления и дело подлежит прекращению «за отсутствием состава преступления».

Если общественно опасный результат наступил, но не по вине лица, а вследствие случайного стечения обстоятельств, или влияния стихийных сил, или вины потерпевшего, дело также прекращается «за отсутствием состава преступления», так как нет субъективной стороны состава преступления.

Иными словами, формулировка «за отсутствием состава преступления» применяется тогда, когда деяние, которое вменялось в вину обвиняемому, хотя и было им совершено, но в этом деянии нет состава преступления, т. е. нет любого из названных выше четырех обязательных элементов.

Но разве об этом идет речь в подавляющем большинстве дел при реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в 30—40-х и начале 50-х годов за так называемые политические преступления?

Так, например, по наиболее известным делам, пересмотренным Пленумом Верховного суда СССР в отношении Тухачевского М. Н., Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Каменева Л. Б., Зиновьева Г. Е., Пятакова Ю. Л., Кузнецова А. А. и других, дела прекращены «за отсутствием состава преступления».

А между тем из содержания постановлений Пленума Верховного суда СССР видно, что лица, необоснованно осужденные по этим делам, не только не совершали те действия, которые им были вменены в вину, но не было вообще и самих этих действий.

Теперь уже общеизвестно, что они не готовили актов террора против Сталина и его окружения; не совершали актов диверсий, вредительства, саботажа; не передавали никаких шпионских сведений иностранным разведкам; не готовили свержения Советской власти и тому подобное.

Поэтому все названные и им подобные дела следовало прекращать не «за отсутствием состава преступления» (такая формулировка предусмотрена п. 2 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР), а «за отсутствием события преступления», что прямо предусмотрено п. 1 той же ст. 5 УПК РСФСР.

Правильная формулировка правового основания прекращения всех этих «дел» важна и с формально-юридической точки зрения.

Ведь оба основания прекращения дела равнозначны только в плане уголовно-правовой реабилитации.

Юристам известно (должно быть известно, во всяком случае), что оправдание (прекращение дела) «за отсутствием состава преступления» означает только уголовно-правовую реабилитацию, но не исключает в отдельных случаях гражданско-правовую, административную и партийную ответственность.

Ведь формулировка «за отсутствием состава преступления», как правило, означает, что само деяние было совершено, и хотя оно не преступно, но еще нужно анализировать, каково оно.

А вот прекращение дела по п. 1 ст. 5 УПК РСФСР — «за отсутствием события преступления» — означает полную и безусловную реабилитацию.

Этот юридический вопрос перерастает в вопрос политический.

Поэтому представляется необходимым, чтобы Пленум Верховного суда СССР и другие суды, пересматривающие дела этой категории, внесли уточнения в ранее принятые решения и впредь прекращали эти дела в надлежащих случаях не за отсутствием состава, а за отсутствием события преступления.

Е. КАПЛАН,
член Днепропетровской коллегии адвокатов

■

Знаете ли вы, что для того, чтобы прописаться в столице Тюменской области — городе Тюмени, надо внести взнос в горисполком за прописку каждого гражданина в размере 7300 рублей?

Хотелось бы получить ответ на вопрос: в какой стране мира установлена плата за прописку в такой огромной сумме, как в городе Тюмени, в областном городе, расположенном на территории РСФСР?

Исполком Тюменского городского Совета принял решение «О долевом участии объединений, предприятий, организаций и исполкома горсовета в развитии социальной и продовольственной инфраструктуры города», которое вступило в силу с 15 июля 1988 года (решение прилагается).

На первый взгляд оно направлено на развитие социальной инфраструктуры города. Городские власти хотят в какой-то мере поправить жилищные дела, развить другие услуги.

Однако оно фактически закрывает въезд в город на постоянное жительство иногородним гражданам в силу огромного денежного взноса за прописку.

Не так уж много найдется предприятий, которые бы только за прописку в городе одного рабочего вносили такой взнос.

А что касается лиц, прибывших в Тюмень по собственной инициативе, как указано в п. 5 Положения, то вряд ли у кого появится желание прописаться на таких основаниях. Ведь чтобы обосноваться в городе семье из четырех человек, надо внести взнос в горисполком в сумме 29 200 рублей. Но подавляющее большинство сельских граждан за всю свою жизнь не имели таких денег.

Прописка — это только одна сторона дела. Возникает вопрос: где прописаться. Ведь получив взнос, горисполком не гарантирует квартиру. Значит, надо квартиру заработать, заслужить, а чтобы квартиру получить в порядке очереди, надо где-то работать и жить в городе, а без прописки на работу не принимают.

Как видите, круг замкнулся. Выход один — живи в селе вечно, въезд в город закрыт.

Сейчас, когда по всей стране развернулась перестройка — гласность, демократия,— как с этих позиций понимать покупку прописки в Тюмени?

М. БАШКИРОВ,
р. п. Нижняя Тавда Тюменской области

■

Хотелось бы сказать, что редакция сделала большое и нужное дело, обратив внимание общественности на некоторые нравственные вопросы, касающиеся армейской жизни (№№ 19, 39, 1988 год).

В 1960 году я окончил суворовское военное училище и хочу сказать, что мне небезразличны порядки, а также нравственная атмосфера, существующие в наших Вооруженных Силах.

Но вот письмо В. Чаплинского, студента 3-го курса Ленинградского университета, подтвердило некоторые грустные мысли и наблюдения, которые мне доводилось слышать и раньше от студентов, взятых на военную службу во время учебы в вузах. В самом деле, разве можно признать нормальным то положение, когда ребята, уже проучившиеся определенный срок в университетах и институтах, используются для рытья погребов, ремонта личных квартир и в качестве денщиков у своих командиров?

Известно, что студенты вузов начали призываться на военную службу в самый разгар застойного времени. Нас тогда уверяли, да делают это и сейчас, что только таким образом можно обеспечить дальнейшее повышение боеспособности армии и флота. Однако уже тогда ряд видных советских ученых выступил против подобной практики, говоря о том, что мы наносим огромный вред делу подготовки настоящих специалистов.

Прошло время, обстановка в мире сейчас коренным образом изменилась. М. С. Горбачев объявил о сокращении армии на полмиллиона человек. Уничтожаются оперативно-тактические и ракеты среднего радиуса действия, вывод советских войск из Афганистана завершается. Обнародованная в 1987 году новая советская военная доктрина, как и военная доктрина государств — участников Варшавского Договора, предполагает перейти к принципу оборонительной достаточности. С этой же точки зрения полезно вспомнить недавнее выступление Э. А. Шеварднадзе: «Сегодня определяющее значение для безопасности государства имеют не столько его оружейные склады, сколько способность создавать и производить новое. Иначе говоря — резервы научной мысли, резервы технологических возможностей, резервы квалифицированных кадров».

Вот я и хочу спросить: что же мы делаем? Зачем рубим сук, на котором сидим? Разве мыслимо так относиться к резервам научной мысли в период коренной экономической реформы? Одно дело, когда мы призываем в армию уже готового специалиста — будь то инженер, физик, экономист, переводчик или музыкант. И я не против этого. Но дико, нелепо и просто экономически нецелесообразно забирать в армию успешно обучающихся в вузах молодых людей. Поэтому предлагаю в качестве первого шага обсудить вопрос об отмене положения о призыве студентов дневных отделений вузов (где есть военные кафедры) на действительную военную службу. Сделать это нужно сейчас, не откладывая дело в дальний ящик.

В. ДЕНИСОВ,
старший преподаватель кафедры политической экономии Таджикского госуниверситета имени В. И. Ленина
Душанбе

■

Многие мои читатели, в том числе читатели «Огонька», спрашивают, почему я не отвечаю на те обвинения, которые появились против меня в печати в последнее время.

О критике «Детей Арбата» мне, по существу, нечего сказать. Есть сотни хороших теплых отзывов, есть несколько серьезных критических разборов и есть, наконец, целый ряд злобных статеек, которые большей частью печатаются в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва». Вызвана эта брань, я думаю, прежде всего всем известной позицией этих изданий. И второе: читательские опросы показали, что «Дети Арбата» обогнали в популярности книги прошлых лидеров, уверовавших в свое пожизненное первенство: Ю. Бондарева, В. Распутина, В. Белова, М. Алексеева, А. Иванова, П. Проскурина, авторов, редакторов и членов редколлегий этих журналов. В литературе это процесс естественный: сегодня популярны одни книги, завтра — другие, послезавтра — третьи. Однако некоторые с этим мириться не хотят и подняли вокруг «Детей Арбата» шум, который, впрочем, не дал ожидаемых результатов.

Тогда был задуман обходный маневр. Решили опорочить автора. Мол, начал как сталинист, а кончил как антисталинист. Для доказа-

тельства выбрали повесть «Кортик». И придумали: герои «Кортика» ищут «врагов народа» (!) (В. Бондаренко, Н. Федь и другие). Но и на этот раз авторов этого маневра постиг конфуз.

Алла Латынина мягко поправила своих коллег: «В «Кортике» ищут не врагов народа, а клад» («Литературная газета» от 14.12.88.). Но не все прислушались к более начитанному, чем они, критику.

Упрямее остальных оказался А. Байгушев. Этот решил наоборот: лгать, так уж на всю железку. Ибо кредо А. Байгушева такое: «Любой поклеп, любая нелепица — лишь бы позвучнее. По принципу — посильнее обляпать бы грязью, а отмывать — не наша забота...» («Москва» № 12). А потому герои «Кортика» по Байгушеву уже не «врагов народа» ищут, а доносят в НКВД на своих отцов.

Когда я это прочитал, то в первую минуту, честно говоря, подумал, что здесь какая-то ошибка, что А. Байгушев спутал «Кортик» с какой-нибудь книгой о Павлике Морозове. Но потом, вчитавшись, понял: нет, не оговорился автор «Москвы».

Этим подлогом Байгушев начал свою статью и таким же подлогом закончил. Обвиняя «Огонек» в предвзятом отношении к писателям, переиздававшим миллионными тиражами свои произведения в застойные годы, он объявил, что «Дети Арбата» вышли за последние два года более чем 5-миллионным тиражом». Эту цифру А. Байгушев взял из газеты «Московский литератор» от 21 октября 1988 года. Однако в той же газете в номере от 25 ноября 1988 года под заголовком «Допущена ошибка» газета принесла мне свои извинения: 5 миллионов — это не изданный тираж, а запланированный на несколько лет вперед, в том числе 3 миллиона экземпляров в «Роман-газете».

Как я уже сказал, газета «Московский литератор» извинилась передо мной. Воспитанные люди. А вот извинится ли главный редактор журнала «Москва» Алексеев — сомневаюсь. Впрочем, у нас вообще не любят извиняться.

Итак, статья Байгушева началась ложью о «Кортике» и кончилась ложью о «Детях Арбата»! А в середине — тридцать страниц журнального текста, наполненных клеветой и бранью.

Читатель узнает, например, что самыми яростными борцами с «застоем» были Ю. Бондарев, А. Иванов, М. Алексеев, за что, очевидно, и награждены руководителями застоя званиями Героев Социалистического Труда (так сказать, за отвагу и мужество).

Узнает читатель из статьи А. Байгушева и то, что Твардовского и «Новый мир» травили не пресловутые одиннадцать «столпов нашей литературы», наоборот, они вместе с Софроновым его защищали, а угробили Твардовского сами новомирцы.

Узнает читатель также, что Жданов был всего лишь прилежным учеником Бухарина и повторял его слова.

Много чего неожиданно-сногсшибательного узнает читатель, если прочтет статью А. Байгушева. Однако, чтобы прочитать ее, надо затратить много усилий, нужно преодолеть чувство брезгливости, испытать боль за русскую литературу. Но зато мы лишний раз увидим злобный оскал тех, кто за ним стоит и ждет своего часа.

Анатолий РЫБАКОВ

P. S. Когда мой ответ читателям был написан, я прочитал в «Правде» от 18.01.1989 г. письмо, подписанное М. Алексеевым, В. Беловым, С. Викуловым и другими.

Нападки на «Огонек», которыми переполнено это письмо, направлены не только против самого журнала, а против всей современной прогрессивной литературы и журналистики, против писателей, ученых, историков, которые считают своим гражданским долгом участвовать в перестройке. Лично я как писатель полностью присоединяюсь к выступлению М. Колосова, опубликованному в «Огоньке» (№ 1, 1989 год). Факты, в нем приведенные, хорошо известны всей литературной общественности.

Цель письма Алексеева и других — сохранить собственную неприкосновенность от критики. Но неприкосновенных фигур в истории мировой литературы никогда не было. И не будет.

■

27 декабря минувшего года Министерство культуры СССР опубликовало в «Советской культуре» и 3 января нынешнего года в «Известиях» условия конкурса на проект памятника жертвам репрессий.

Объявление этого конкурса — значительное и долгожданное событие в жизни страны. Немалую роль в том, что оно произошло, сыграло развернувшееся в условиях общественного подъема народное движение за увековечение памяти жертв репрессий — «Мемориал».

Представляется, что значение и главный результат проделанного движением «Мемориал» пути состоит в том, что его участники доказали, что могут и умеют вести общественно значимую и государственно важную работу по увековечению памяти жертв репрессий, могут и умеют создать организацию, необходимую для ведения такой работы.

Как же отнеслось к этому организаторскому умению, а также к способностям, энергии и энтузиазму Министерство культуры СССР (которому ЦК КПСС поручил провести конкурс на создание памятника жертвам культа личности)?

Министерство отнеслось к этому социальному богатству фантастически нелепо — ни результаты работы, ни громадный творческий потенциал тысяч активистов движения абсолютно не заинтересовали министерство, и оно спокойно опубликовало документы о проведении конкурса, в которых ни одним словом не упомянуло о сотрудничестве с обществом «Мемориал».

Политика Министерства культуры — политика отстранения населения от заботы о себе самом, это политика позавчерашнего времени. И эта политика не просто неприемлема для нас, она, что гораздо хуже, все еще создает атмосферу застойной жизни.

Разбуженные в людях перестройкой достоинство, способности, желание ответственности, инициатива и энергия могут существовать только в общественно значимой, профессиональной и самостоятельно организуемой деятельности. Если мы хотим, чтобы в деле создания мемориального комплекса в Москве участвовало движение «Мемориал», то единственный путь для достижения таких отношений состоит, я полагаю, в следующем: пользуясь всеми средствами убеждения, мы должны немедленно обратиться с просьбой официально поручить создание в Москве Мемориала жертв репрессий сталинизма совместно Министерству культуры СССР и Общественному Совету Фонда «Мемориал».

Уверен, что такая форма сотрудничества неформалов с политическими и исполнительными органами власти должна стать нормальным и неотъемлемым явлением нового этапа перестройки, в который мы вступаем, и надеюсь, что общественность и участники движения согласятся с высказанной здесь мыслью.

Юрий САМОДУРОВ,
член оргкомитета Учредительной конференции общества «Мемориал», инициатор движения, кандидат геолого-минералогических наук

■

Андрей Дмитриевич Сахаров не был избран кандидатом в народные депутаты от Академии наук СССР. На пленуме АН СССР, где решался этот вопрос, он не набрал необходимого числа голосов.

Сахаров — физик-теоретик с мировым именем. Широко известны его работы по квантовой теории поля, физике элементарных частиц, теории гравитации. Он внес выдающийся вклад в обеспечение ядерного могущества нашей Родины, и ему же (вместе с его учителем И. Е. Таммом) принадлежит идея мирного использования ядерной энергии — идея управляемого ядерного синтеза. Но не меньшее значение имеют труды А. Д. Сахарова, посвященные общественной жизни, самым ее существенным проблемам. В этих работах был указан выход из тупика, в который завела нас эпоха застоя. А. Д. Сахаров рассмотрел в своих трудах и международные отношения. Он предложил ряд мер, которые имели целью восстановить и укрепить доверие между противостоящими державами, обеспечить мир и сотрудничество всех стран.

Многое из того, что писал А. Д. Сахаров, стало составной частью нового подхода к внутренней и международной жизни, известного под названием нового мышления.

В годы застоя взгляды А. Д. Сахарова по вопросам общественной жизни замалчивались или искажались, а сам он подвергался преследованиям. Немало клеветы было опубликовано о нем и о его жене Елене Георгиевне. Он был лишен всех правительственных наград и на семь долгих лет сослан в город Горький. Теперь вернулся в Москву, и мы видим, что годы ссылки подорвали его здоровье, но не смогли сломить его убеждений. Масштаб его деятельности как ученого и как гражданина таков, что рядом с ним некого поставить в Академии. И вот его забаллотировали. Это не для Сахарова ущерб, а для Совета народных депутатов и позор для Академии.

Кандидатуру А. Д. Сахарова выдвинули более 55 научных институтов. Как можно было с этим не считаться?

Рад, что Андрей Дмитриевич всетаки стал кандидатом в депутаты: по национально-территориальному избирательному округу № 1 г. Москвы.

Б. БОЛОТОВСКИЙ,
доктор физ.-мат. наук, профессор

■

Ведомственная монополия в печати существовала в СССР не всегда. Декретом Совнаркома от 12 декабря 1921 года в стране были разрешены частные издательства, которые могли владеть типографиями, магазинами, складами и т. д. Уже в 1923 году в одном только Ленинграде их было более 70. Но затем наряду с другими видами кооперативной деятельности были полностью уничтожены и издательства.

Запрет на кооперативное движение был снят только после XXVII съезда КПСС, провозгласившего курс на демократизацию нашего общества как основу его экономического и духовного обновления. Однако принятое накануне 1989 года постановление Совета Министров СССР от 29.12.1988 года вновь ввело запрет на кооперативную «издательскую деятельность по выпуску произведений науки, литературы и искусства». Согласно постановлению, эта деятельность недопустима наравне с изготовлением оружия, ядов, наркотиков, валютными операциями.

Кому выгодно, чтобы в нашей стране издавалось меньше «произведений науки, литературы и искусства»? Тщетно искать ответы на эти вопросы. Утрата государственного контроля? Но ведь без разрешения органов цензуры кооперативы ни одной книги не издали и никогда не издадут. Слабость полиграфической базы? Но ее смогут компенсировать кооперативы, выпускающие «множительные и копировальные аппараты», если эту деятельность, конечно, не душить. Постановление же отдает подобные кооперативы под контроль ведомств, доказавших свою незаинтересованность в продукции такого рода.

Нехватка печатной бумаги? Кооперативные издательства вызовут к жизни кооперативы по производству бумаги — из тех отходов, которые ведомства сжигают и гноят сегодня и будут сжигать и гноить долгие годы.

Хочется спросить компетентных юристов: является ли постановление от 29.12.1988 года законным? Ведь оно не только «регулирует отдельные виды кооперативной деятельности», как утверждается в его названии,— оно прямо запрещает многие виды, а п. 4 дает право Советам Министров союзных республик впредь запрещать любые виды кооперативной деятельности. Что же остается от «Закона о кооперации»?

Недопустимо, что безоговорочный запрет на кооперативные издательства и множительную технику введен до опубликования проекта Закона о печати.

Напомним, что 27 октября 1917 года в Декрете Совнаркома за подписью Ленина ясно сказано: «Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону».

Призываем будущих депутатов Верховного Совета СССР пересмотреть новое постановление, отменить запрет на кооперативную издательскую деятельность и принять обещанный самый демократичный Закон о печати.

Ю. ВАХТИН, М. ГОЛУБОВСКИЙ,
доктора биологических наук
Ленинград

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ДЕПУТАТ ПОДАЛ В ОТСТАВКУ

Дмитрий КЛЕНСКИЙ

Полгода назад Президиум Верховного Совета Эстонской ССР был ошеломлен. Из рук в руки переходил неслыханный по дерзости документ: «Заявление. Прошу освободить от обязанностей депутата, поскольку основная работа и политические навыки не позволяют мне быть депутатом. Тамсалу, 18 мая 1988 г. М. Кристманн».

Выехали из Таллинна аппаратчики, стали у депутата выяснять, не посоветовал ли кто? Досталось и райкому партии: «Кого выдвинули! Своих людей не знаете?» Этот упрек был несправедлив. Маарика Кристманн — доярка совхоза «Пыдрангу». Хорошая доярка, лауреат, пользуется уважением, награждена... Все это — из предвыборного плаката, и все сказанное о Маарике — правда. Стоило бы только добавить, что Маарика симпатичный человек, не отступает от принятого решения, даже упряма. Была и фальшивая нотка в плакате, который утверждал, что Кристманн имеет широкий политический кругозор. Чего нет, того нет. Не было никогда у нее и навыков общественной работы. Может быть, это как раз и считалось преимуществом — не будет «возникать»?

«Народная избранница» М. Кристманн вспоминает: «Отказывалась до последнего. Согласилась лишь тогда, когда заверили, что ничего особенного делать не придется. Так и получилось. В часы приема избирателей могла почитать книгу. Честно говоря, так и не поняла, что должна была делать? Всегда была за. Против не голосовала. А на ферме меня не проведешь! Тут я как дома. И возражаю, и добиваюсь своего — тут я компетентна! И потом стыдно мне за депутатство сто рублей в месяц получать...»

Считаю поступок Маарики мужественным. Примеру М. Кристманн пока последовали «только» пятеро, одному сами избиратели выразили недоверие. Но безмолвных депутатов наверняка больше. Как правило, это рабочие и колхозники, именно они составляют большинство в Советах. Тому есть объяснение. Принадлежность к рабочему классу или колхозникам примитивно толковалась как гарантия в отстаивании интересов «простого» народа в Советах. А социологическими исследованиями в республике, напротив, давно установлено, что депутаты от станка и плуга менее всего активны, когда решается проблема, принимаются решения на сессии. На запросы они чаще получают отписки от должностных лиц и организаций; готовность баллотироваться повторно у них в два раза ниже, чем у депутата-руководителя.

Конечно, немало формальных депутатов и из творческой интеллигенции, и из «начальников». Последних прозвали номенклатурными. Как кто получил должность или звание, ему тут же избирательный округ подыскивают! И наоборот, «уходили» человека с руководящего поста и тут же намекали: придется, мол, из депутатов выйти. Какое уж тут народное представительство!

Так что проблема упирается отнюдь не в социальное положение депутата. Разве обязательно, чтобы интересы трудового коллектива отстаивал непременно рабочий-станочник или поэт-лауреат? Главное, чтобы человек горой стоял за интересы его избравших! К чему же регламентировать социальный состав Совета? Зачем же он должен копировать структуру населения избирательного округа? Надо бы забыть анкетный принцип выдвижения кандидатов. Кстати, узаконенный до недавнего времени подход все равно давал сбои! В Тарту много студентов, ученых и деятелей культуры, а депутатский состав горсовета таков, будто он представляет индустриальную Нарву. И, по существу, некому представлять в Советах интересы пенсионеров, инвалидов, домашних хозяек да и других групп населения...

Выход — в сокращении числа депутатов, в переходе на профессиональную депутатскую деятельность. Депутат прежде всего политик, ему необходимо постоянное рабочее место. А сейчас как? Шутка ли, в такой маленькой республике, как Эстония, одиннадцать с половиной тысяч депутатов-«общественников»: по избраннику на сто человек!

Не случайно в Таллинне, где, кроме горсовета, есть четыре райсовета, родилась любопытная идея. Предложено избавиться от дублирующего представительства — рекомендовано часть депутатов райсоветов избирать одновременно и в горсовет.

Конечно, активного депутата и косная структура власти не остановит. Между тем взрыв общественно-политической активности в Эстонии показал, что в первых рядах общественных движений и организаций оказались пребывавшие до сих пор в тени талантливые, склонные к политической деятельности люди.

На памяти дебаты на декабрьской сессии (1988 года) Верховного Совета Эстонской ССР. Настырно выступал один из лидеров Народного фронта республики Эдгар Сависсар. Многих аппаратчиков раздражает его непоседливость, нежелание идти на компромиссы. На этот раз настаивал он на закрытии Таллиннского целлюлозно-бумажного комбината. Решение об этом уже приняли и горсовет, и республиканский совет профсоюзов, но на сессии правительство попросило отсрочки, предложив заманчивый вариант. Депутат напомнил: не первый раз такое! Предприятие засоряет окружающую среду, потребляет огромное количество пресной воды, а ее не хватает городу... Нашла коса на камень. Многим импонирует такая последовательность депутата Сависсара. А вчера еще сопротивление чиновников отторгало таких независимых депутатов. Не нужны строптивые. Все, что в них есть положительного, консерватор воспринимает как враждебное. Понятно, почему две трети депутатов республики признали, что к концу срока их полномочий они не становились более компетентными, несмотря на специальные курсы и помощь исполкомов.

Обо всем этом мне рассказал преемник Маарики Кристманн — первый секретарь Раквереского райкома КП Эстонии Тоомас Корк. За него на выборах в депутаты проголосовало четыре пятых избирателей. За предшественницу в свое время подали положенные тогда «все сто процентов». Чья проба выше?

Тоомас, когда его избрали «первым», сразу озадачил аппарат ЦК Компартии республики. Оттуда запросили сведения о коммунистах, не уплативших членские взносы, и Тоомас Корк телеграфировал: таковых шестнадцать душ. Таллинн напомнил о форме: ФИО, партстаж, место работы... Однако же райком категорически отказался разводить бумаготворчество. И настоял на своем.

Неординарностью он не вписывался в административно - бюрократический механизм управления. Неприятности начались еще в студенческие годы. Разволновалась молодежь осенью 1968 года, после событий в Чехословакии. Тоомас Корк, возглавлявший комсомол Эстонской сельскохозяйственной академии, опубликовал пламенную заметку в местной газете... Наказание было суровое. Пришлось забыть о науке — тему тут же признали негодной для диссертации... Тогда же, хотя заканчивался кандидатский стаж, отказали в приеме в партию. Только через десять лет приняли, да и то лишь потому, что уже год он был беспартийным директором комбината... Но Тоомас поступал по совести. Поддержал его и первый секретарь райкома, ныне секретарь ЦК Компартии республики Артур-Бернхард Упси, проверявший в свое время «комсомольский бунт». Его заключение: решение об отказе принять в партию было ошибочным. Так в годы застоя Тоомас Корк понял, что нельзя опускать руки. Никогда, даже в годы культа Сталина, не переводились в стране порядочные люди, не теряющие надежды...

В 1985 году, когда Тоомас Корк услышал выступление нового Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, то будто родился заново. Вспомнилась и статья, когда-то напечатанная в студенческой газете. К тому времени Корк преуспел на хозяйственной ниве, снова его потянуло к политике. «Учудил» он в общественной жизни — стал районным лидером Народного фронта в поддержку перестройки. А тут бывший первый секретарь райкома партии решил сам (тоже поступок достойный) уйти с поста: среди четырнадцати претендентов назвали и директора Тоомаса Корка. Весь район принимал участие в обсуждении кандидатур! Избрали Корка.

Вот так, сквозь огонь и воду шел. Пройдет, наверное, и медные трубы, если доведется. Его они не испортят. Есть в его характере что-то от дальнего родственника — несгибаемого командарма Августа Корка, репрессированного в тридцатые годы...

Нет, народному депутату Маарике Кристманн, человеку душевному и прекрасной доярке, с Корком не тягаться. Сегодня это всем ясно, а Маарика поняла раньше всех.

Каким должен быть депутат? Последнее слово — за избирателями. Они знают или должны знать, какой человек им подходит. Разонравится — отзовут. Нужен демократический механизм формирования власти. Обязательный для всех. Нужны традиции: в день выборов надо выбирать. И чтобы было из кого! Минувшей осенью за депутатский мандат в Верховном Совете республики разгорелись две «дуэли». В одной поспорили идеолог «зеленого» движения Эстонии делегат XIX Всесоюзной партконференции журналист Юхан Ааре и председатель Раквереского райисполкома Лембит Кальювеэ. В другой паре «шпаги скрестили» два активиста Народного фронта — председатель правления Союза художников республики, избранный недавно кандидатом в члены Бюро ЦК Компартии Эстонии Энн Пыльдроос и инженер Велло Саатпалу.

Интерес к этому соперничеству был повышенный. Людям небезразлично, как относятся кандидаты к миграции, Закону о языке и гражданству республики... В первом случае верх взял «неформал»: Юхан Ааре набрал две трети поданных голосов. Во втором еле-еле выиграл художник. Пришлось ему нелегко: накануне выборов в почтовых ящиках избирателей появились открытки, агитирующие против Пыльдрооса. Более того, нашлись и такие его недоброжелатели, которые мешали доступу избирателей к урнам. Ведется следствие.

Такие инциденты возмутили людей до глубины души. И кандидату приятного мало. Но в общем-то надо отвыкать от «стерильности» в политике. Политика признает интересы, а не только принципы. Нелегко отвыкнуть от стереотипов. Многие видят в новизне не демократию, а игру в нее. И это есть! Ну а разве хорошо отрепетированные выборы в недавнем прошлом — это не игра с дозированной демократией?

Вместе с тем опыт многомандатных избирательных округов в Хаапсалуском районе показал, что в местных Советах сам факт наличия двух или более кандидатов не гарантирует состязательности. Были случаи, когда избирателей не устраивали оба кандидата. Какая разница, бросить ли в урну бюллетень за одного кандидата или за одного из двух, достаточно посредственных? А что мешает действительно достойным людям предстать перед жителями того или иного района, города? И пусть они, избирающие, сами сделают свободный выбор.

Интересными размышлениями поделился секретарь исполкома Таллиннского городского Совета Уно Веэринг. Кому не ведомо, сказал он, навязывание депутата избирателям? На последних выборах в горсовет людям пришлось голосовать за хорошего парня (хотя это не профессия) с завода «Двигатель», который жил в Таллинне всего... второй месяц. Тут и анкета не выручит. Поэтому теперь предлагается ввести ценз оседлости, и не только для кандидата в депутаты, но и для избирателя. Как может проезжий решать за давних жителей, кому быть народным депутатом? Надо бы отказаться и от открепительных талонов. Дать возможность командированному, курортнику,

военнослужащему срочной службы проголосовать по месту постоянного жительства: потребуется бланк, который можно заблаговременно отправить по почте.

Заслуживает внимания и предложение о депутатской платформе — на этом настаивают кандидат юридических наук, доцент Тартуского университета Индрек Коолмейстер и секретарь исполкома Тартуского городского Совета Тыну Антон. Раньше сама мысль о самостоятельной программе депутата не допускалась. Линия политической деятельности любого избранника предполагалась в русле объявленного курса партии. И это было правильно, однако разве единый блок коммунистов и беспартийных исключает различия в интересах разных групп населения, даже если они обитают в одном городе? Разномыслие — это же так естественно! Множественность депутатских платформ — основа действенного механизма демократии, сочетания интересов государства с пожеланиями избирателей. А отсутствие у депутата собственной платформы может привести к тому, что избиратели предпочтут второстепенное — популярность, ораторские способности, обходительность. Сработают симпатии, а не деловые качества кандидата! Депутатские программы могли бы обогатить Советы — стать основой их постановлений, деятельности.

Наметки нового видны и в буднях. Минувшей осенью телезрители Эстонской ССР впервые смогли увидеть кандидатов в депутаты Верховного Совета республики, отстаивавших свои взгляды на политическую ситуацию, предлагавших программу своих действий. Чаще стали предоставлять место изложению позиций кандидатов газеты.

Ломку старого хорошо иллюстрирует нашумевший «кризис власти» в Кохтла-Ярве. Все началось с сессии городского Совета. Депутаты проголосовали за освобождение от обязанностей управляющего торга Альфреда Блумберга. Были, очевидно, основания. Но «дело» это было явно состряпано новыми руководителями — первым секретарем горкома партии Николаем Захаровым и председателем горисполкома Валерием Лойдапом! Суть в том, что пеклись они не столько о наведении порядка, сколько о желании поставить «своего» человека. Желание понятное, нужна своя команда. Но все ли средства хороши? Увольнение состоялось исподтишка, в худших традициях прошлого, когда можно было игнорировать даже элементарное приличие. Специальная комиссия установила, что в увольнении Блумберга нет ничего противозаконного, но признала, что работа самой сессии была далека от демократии.

Короче, непорядочность «отцов города» была очевидной. Более того, выяснилось, что мэр Валерий Лойдап записывал на магнитоленту телефонные разговоры сослуживцев!.. Он же злоупотребил служебным положением при обмене и ремонте квартиры — с этого ли начинают управление городом?.. Аппарат исполкома перестал функционировать как надо, город разделился на два лагеря. Развязка не могла не наступить: исполком в полном составе самораспустился, а председатель подал в отставку.

Решение В. Лойдапа казалось понятным: незадолго до этого Бюро ЦК Компартии Эстонии объявило ему выговор! И приняло во внимание его отставку... Однако сессия горсовета отставки не приняла. В итоге В. Лойдапу выразили... доверие, а вот его строптивых заместителей вывели из исполкома. Несправедливо? Да. Но можно сказать, что каждый Совет имеет тот исполком, который заслужил. Когда убедятся депутаты, что дали маху, они сам пересмотрят свое решение. Демократии нужно учиться!

...Лет тридцать назад популярный в эстонской деревне Сулев Ныммик, пародируя колхозное собрание, говаривал: «Кто против? — Все за!» Мы этой шутке и сегодня смеемся, расставаясь с прошлым.

ПЕРЕД ПОДЪЕМОМ ЗАНАВЕСА

Алла АЛОВА

Уже полгода ходят самые разноречивые слухи относительно будущего порядка выезда из СССР и въезда в СССР советских граждан. Согласно одним «сведениям», будет разрешено ездить за рубеж работать — ну, скажем, на техасскую ферму разнорабочим лет на пять. По другим «данным», наши люди получат право поехать поучиться, например, в Кембридже. Или смогут отправиться в Париж рожать — там, говорят, не больно и одноразовые шприцы используются один раз. А кто-то утверждает, что «лавочка вообще закроется» — давать разрешения на выезд перестанут вовсе...

Достоверные высказывания почти отсутствуют. Занавес из густого тумана предположений и домыслов скрывает не только детали, но и основные принципы будущего порядка. Мои блуждания за кулисами начались с беседы с заместителем начальника Отдела виз и регистраций МВД СССР Адмиром Васильевичем ЛУЗИНОВИЧЕМ.

— Как, по вашему мнению, должен осуществляться выезд из страны советских людей? Какие изменения нас ждут в будущем?

— Вам лучше связаться с Министерством юстиции. Они законники, они занимаются разработкой всевозможных проектов.

— Но ваше министерство ведь тоже участвует в решении этой проблемы?

— Через запятую мы тоже участвуем, конечно. Но право комментировать — это более широкое право, оно нам не дано. Как мы можем комментировать то, что еще не нашло общего, единого мнения!

— Но я не прошу комментировать рабочие варианты — прошу лишь высказать ваше мнение о том, как должен осуществляться выезд за границу — так сказать, в идеале... У вас же есть какое-то свое мнение?

— Безусловно, у нас есть мнение по всем позициям.

— Мы бы хотели это мнение узнать.

— У нас мнение одно — это мнение нашей партии и нашего правительства, курс на всестороннюю демократизацию, гуманизацию всей сферы въезда — выезда.

— Может, вы расскажете поконкретнее?

— Порядок въезда — выезда должен соответствовать нашему внутреннему законодательству и нашим международным обязательствам. Сейчас идет большая работа по приведению наших нормативных документов в соответствие с нашими международными обязательствами.

— Ну, если в соответствии с международными обязательствами, тогда, я слышала, должно быть как во многих других странах — например, для выезда не нужно приглашений...

— Мы сейчас в своих внутренних документах не ориентируемся на то, как «в других странах». Что касается мнения нашего ведомства, я не готов вам ничего сказать. Минюст — головная организация по разработке этой проблемы. Они вам, может быть, кое-что скажут.

Обнадеженная этим «может быть» и «кое-что», звоню в Министерство юстиции СССР. Узнаю, что от Минюста проблемой въезда — выезда занимается начальник отдела Виктор Федорович КОРЯГИН. Набираю его номер.

— Виктор Федорович, вы не могли бы назначить время для беседы и высказать мнение вашего министерства о том, каким должен быть порядок выезда из страны советских людей?

— Нет, не могу. Мне пока нечего сказать. Очень много спорных вопросов.

— Но нас потому и интересует мнение вашего министерства.

— Как государственный служащий я не могу ничего сказать. Как частное лицо я бы свое мнение сказал, а как государственный служащий, который связан служебной дисциплиной, я ничего сказать не могу.

— Но я же хочу узнать лишь ваше представление о будущем порядке, о том, на каких принципах он должен основываться. Это же не является служебной тайной. В концов концов пусть это будет ваше частное мнение...

— Да поймите же вы! Министерство возглавляет министр! Какое бы у меня ни было мнение, я его не могу говорить, потому что я должен выполнять то, к какому мнению придет министр.

Нет, конечно, свою точку зрения я должен защищать... Но если у нас каждый работник министерства будет высказывать свою точку зрения!.. Государственную дисциплину пока никто не отменял.

— Но сегодняшняя гласность...

(Внушительно): — А, собственно, почему «Огонек» этим вопросом интересуется? Вы, наверное, гласность по-другому понимаете.

— Это что, государственная тайна?

— Ой, как вы меня... Никто вам не скажет точку зрения Министерства юстиции! Не скажет!

Дальнейшие поиски привели меня в сектор прав человека Института государства и права АН СССР — к доктору юридических наук Владимиру Алексеевичу КАРТАШКИНУ, который, судя по некоторым выступлениям печати и передачам московского телевидения, имеет свое мнение о том, как должен происходить выезд советских людей за границу.

— Владимир Алексеевич, простите за нескромный вопрос: а вы-то сами — выездной?

— Ну, в общем, да — в командировки часто езжу, выездной. А вы разве нет?

— Сейчас я вроде бы в порядке. А в студенческие годы получила приглашение от родственников из Польши, начала было документы оформлять, но мне в деканате сразу объяснили, чтоб не утруждалась: «Вы морально неустойчива. Так что за границу мы вас выпустить не можем». Друзья могли подумать бог знает что, но, к счастью, мы люди понятливые... И действительно, вскоре выяснилось, что означает в переводе с языка застоя «морально неустойчивы». Наша компания тихо уходила с лекций по истории КПСС, когда лектор начинал про «великого Сталина». Оказалось, эти уходы фиксировались тщательнее, чем посещение институтских занятий. Впрочем, все это теперь смешно. А вот когда Шнитке с экрана так спокойно, тихо, устало — как о том, что идет снег,— говорит, что только недавно стал выездным,— вот тогда ком в горле и чувство, что нас всех как-то очень здорово обделили.

К чему я все это? Сегодня уже осознано: многие права и свободы, провозглашенные при создании нашего государства, в сталинские и послесталинские времена так и не стали по-настоящему реальными. Обещанное так и осталось обещанным. Однако, что касается права свободного передвижения по планете — его-то ведь не только не дали и даже не провозгласили, но и ликвидировали? Ведь ни в «сталинской» Конституции, ни в «брежневской» это право не значится и, выходит, для советских граждан как бы в принципе не предусмотрено?

— Согласен с тем, что право свободного выезда ликвидировано.

В послереформенной царской России человек, желавший отправиться за рубеж, просто заходил в полицейский участок, подавал заявление о выдаче зарубежного паспорта, получал его — и ехал. Даже если состоял под надзором полиции, как, например, Ленин.

После революции, в годы гражданской войны, свобода выезда была, естественно, ограничена. Правда, после введения нэпа «всерьез и надолго» каждый желающий выехать из страны уплачивал госпошлину в размере 400 рублей и для получения заграничного паспорта должен был лишь предъявить документ, что «нет законных препятствий к выезду из страны». Такие справки выдавали по месту работы, а неработающим — волостными исполкомами, и получить этот документ было несложно.

Но в 1925 году вышло «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР» и инструкции к нему, в которых впер-

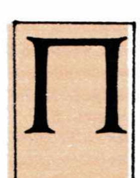
Продолжение на стр. 28.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ РЯБУШКИН

1861—1904.

После Кандинского и Филонова, которым были посвящены предшествующие статьи нашей рубрики, Рябушкин кажется словно пришельцем из другого мира. Действительно, этот другой мир — предшествующее столетие. Наш сегодняшний герой — художник, впитавший опыт русского реализма XIX века. Рябушкин старше Кандинского всего на пять лет, но его творчество принадлежит другому поколению. Когда мастера русского авангарда делали лишь свои первые шаги, еще не обещавшие крутых восхождений, Рябушкин уже заканчивал свой путь. Но те полдесятилетия, которые отпустил ему XX век, перевели рябушкинское наследие в новое качество, дающее нам право считать художника причастным к русской живописной культуре нынешнего столетия. Когда оглядываешь весь путь художника, то понимаешь, что он последовательно шел к своим высшим достижениям последних лет и был так же, как Валентин Серов или Виктор Борисов-Мусатов, «переходным» художником.

Рябушкину был дан глубокий поэтический дар. Он вступал в художественную жизнь в тот благоприятный для него момент, когда позиции передовой русской живописи стали перемещаться, покидая область социального анализа и обретая интерес к постоянным, давно сложившимся и отстоявшимся в ходе исторического движения чертам русской жизни, к ее красоте и вдохновляющей традиционности.

Рябушкин родился в одном из сел Тамбовской губернии в семье государственного крестьянина. Отец его не только крестьянствовал, но и занимался иконописным ремеслом, к которому приучил и сына. В семье иконописцев талант будущего художника довольно быстро потребовал своей реализации и потянулся к художественному профессионализму. В 1875 году стараниями близких и лиц, опекавших молодого Рябушкина, он оказался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Начались долгие годы упорного ученичества. С середины 70-х годов в училище преподавал выдающийся русский живописец-шестидесятник В. Г. Перов. Рябушкин стал одним из его любимых учеников. Рядом с ним занимались такие живописцы, как А. Архипов, С. Иванов, Н. Касаткин, получившие имя «младших передвижников», М. Нестеров, И. Левитан, К. Коровин.

В начале 80-х стены училища стали казаться Рябушкину слишком узкими. Многие ученики самого передового тогда учебно-художественного заведения отправлялись в Петербург — в академию — с тем, чтобы завершить свое образование в столице. Но чаще всего они вскоре возвращались в родное Московское училище и оканчивали его. Так случилось с Архиповым, Ивановым, Нестеровым. Лишь Рябушкин довел до конца свое обучение в Петербурге. Но при этом не изменил тем принципам, которые усвоил в московской школе. Она приобщила художника к бытовому жанру, с которого вместе с другими начинал Рябушкин свой путь. Хорошо знакомый с деревенской жизнью, зная ее не по книгам, а по собственному жизненному опыту, он воспевал патриархальную Русь, традиционную деревню с ее ритуалами, народными обычаями, сложившимися в течение столетий. Возвращение с ярмарки, деревенские посиделки, воскресенье в деревне, крестьянская свадьба, ожидание новобрачных, возвращающихся из церкви,— вот его излюбленные мотивы. Последний особенно приглянулся художнику — он посвятил ему два варианта картины «Ожидание новобрачных от венца», ставших вершиной его раннего творчества. В торжественных позах сидят его героини у стены избы, у стола или у печки. Лица их сосредоточены, иные смотрят с напускной серьезностью, подобающей значительности момента. Пестрые одежды женщин и девушек сдержаны общим тоном, ярких пятен еще нет на холсте, но тем не менее каждый цвет уже «хочет» обрести самоценность и зазвучать в полную силу. Общей трактовкой композиции и цветовой гармонии художник стремится раскрыть в обряде величие и красоту, обрести в своей собственной художественной речи торжественность и своеобразную монументальность.

Но современная Рябушкину русская деревня не радовала глаз художника. Она утрачивала прежнюю патриархальную гармоничность, разрушалась под напором буржуазной цивилизации и давала все меньше и меньше материала для поэтического истолкования деревенского быта. В деревне начинали властвовать новые социальные отношения, заменившие прежний порядок. Рябушкин видел все это, остро чувствовал и болезненно переживал.

Он переходит к историческому жанру, где еще может предаться своему «историческому утопизму». Но художник не сразу сумел создать идеальную конструкцию некоего «золотого века», в котором пребывают его герои. Сначала исторические картины получили как бы жанровую трактовку, и в них еще не выявились в полной мере те новые принципы, которые Рябушкин сформулировал в своих классических произведениях начала XX столетия. В картинах «Потешные Петра I в кружале» (1892) и «Сидение царя Михаила Федоровича с боярами» (1893), хотя и нет открытого конфликта и развернутого действия, сохраняются конфликты внутренние — между солдатами новой регулярной армии Петра I и стрельцами или мужиками, воспринимающими новое как измену старой вере; между боярами и Михаилом Федоровичем, тихое «сидение» которых не может скрыть интриг и противоречий. В этих образах пока нет поэтического обаяния и созерцательного лиризма, столь характерных для поздних рябушкинских произведений.

Свою зрелость художник обретает в середине 1890-х годов. Переход к новым принципам знаменует картина «Московская улица XVII века в праздничный день». Никаких исторических конфликтов за изображенной сценой не стоит. Можно сказать, что сюжет в этом произведении отсутствует — его заменяет мотив. «Малые» события, происходящие на холсте и описанные художником, не содержат какого-то особенно значительного смысла: идет молодая женщина по деревянным мосткам улицы, подбирая подол, чтобы его не испачкать; спеша, пересекают грязную улицу прохожие, стараясь поскорее перебраться на другую сторону, чтобы не попасть под копыта лошадей; у голубца с иконой сидит слепой нищий; парень у забора смотрит на проходящую мимо молодую женщину. Все одеты нарядно...

Словесное описание картины звучит прозаично. Оно не сулит ничего интересного. С первого взгляда обыденностью исчерпывается образный смысл произведения. Может показаться, что это та же московская улица, что и в «Боярыне Морозовой» Сурикова. Но, как сказал один остроумный историк искусства, боярыня Морозова уже проехала. Мы могли бы добавить, что она и не нужна была Рябушкину. Его цель — воспеть красоту XVII века, старые московские обычаи, раскрыть поэзию в патриархальном укладе. Эту поэзию, красоту Рябушкин нашел в самом обыденном и повседневном.

Правда, любование этой повседневностью не исключает иронии. Они уживаются друг с другом. Художник иногда подсмеивается над своими персонажами. Он словно ловит прохожих в тот момент, когда они застывают в неуклюжих позах. Но ирония эта мягкая и любовная.

Вместе с новыми идеями приходят и новые художественные формы. В «Московской улице» Рябушкин отказывается от прежних принципов передвижнического реализма, преодолевает пленэр, начинает работать чистыми красками, все более последовательно изживает объемную трактовку формы, тяготеет к цветовому пятну, к четкому контуру фигуры и предмета. Рябушкин наслаждается изысканной линией, красочными созвучиями. Его манера все более истоньшается. В его сознании возникает своеобразный культ красоты.

В картине «Русские женщины XVII столетия в церкви» (1899) ирония почти исчезает, и поэтическое начало целиком доминирует. Приносит заметные плоды изучение художником древнерусского искусства: в поездках по древним городам Рябушкин копировал старинные фрески, особенно ярославские и ростовские. Стоящие в интерьере храма фигуры женщин в красных платьях разных оттенков перекликаются с фресковыми изображениями на стене. Они гармонируют друг с другом своими цветами, узорочьем, создавая убедительное доказательство единства быта и искусства в том столетии. Храм становится местом, где происходит этот синтез. А храмовое действо, включающее в себя церемонию предстояния, молитву и поклонение богу, переводит нас из созерцания зримой красоты в состояние приобщения к высшим духовным ценностям.

Едва ли не самая высокая точка всего творчества художника — картина «Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)» (1901). В ней мечта Рябушкина воплотилась с особой тонкостью и чистотой. Мимо зрителя как вихрь проносится свадебный поезд: великолепная кибитка, запряженная статными лошадьми, скачущие верхом всадники, словно плывущие женские фигуры в красных нарядах... Лишь один персонаж — молодая женщина — не участвует в этом общем потоке, она уходит в сторону, отдаляется от него, возбуждая у зрителя подозрение в некой сопричастности к происходящему. Поезд промчится, а она останется наедине с собственным го-

рем. И все же это второстепенный персонаж. Главное — там, в глубине картинного пространства, где мелькают силуэты, цветовые пятна, изящные линии вторят друг другу, образуя почти орнаментальную вязь фигур и предметов. Движение процессии разворачивается строго параллельно картинной поверхности, поэтому плоскость приобретает особое значение.

Кроме формальных проявляются и содержательные признаки нового стиля. Один из них — пристрастие художника к постоянным иконографическим типам изображения. Он часто обращается к мотивам ожидания, предстояния, выхода, шествия. Формулой красоты XVII века становится для него женская фигура, изображенная в профиль, идущая, двигающаяся вдоль плоскости холста.

Все эти особенности образной и живописно-графической речи Рябушкина можно квалифицировать как проявление того стиля, который получил наименование модерна и утвердился в конце XIX — начале XX века. Он имел разные проявления — в символическом пророчестве Врубеля, в портретной остроте Серова, в стилизованном ретроспективизме художников «Мира искусства». Рябушкин в своем «историческом романтизме» оказывался на грани символистского мышления. Его фигуры становятся бесплотными, эфемерными; зримая красота выражает незримые качества души и духа; стремительный шаг уподобляется полету; возникает цепь ассоциаций, слагающих образ. Можно найти черты, сближающие Рябушкина и с художниками «Мира искусства». Те тоже были влюблены в давно ушедшие эпохи, искали красоту стиля, а не драму, разрабатывали принципы бессобытийного исторического жанра. Не случайно мирискусники старались приблизить Рябушкина к своему объединению. И все же ни к одному из перечисленных выше ответвлений модерна наш художник не принадлежит. Но он и не стоит особняком.

В русском искусстве рубежа столетий наметилась определенная линия, которая не была закреплена какой-то группировкой или объединением, а проходила как бы через разные группировки, рекрутируя в свои ряды и передвижников, и мирискусников, и художников новых направлений. Обращаясь к современности или к истории, эти художники воплощали в живописи национальные основы русской жизни. Разумеется, и реалисты второй половины XIX века интересовались национальной историей и современностью. Но социальные проблемы были для них важнее, чем национальные. Последние ставились в их искусстве лишь постольку, поскольку перед их глазами была русская реальность. А для В. Васнецова, Е. Поленовой, М. Нестерова, А. Рябушкина, С. Малютина, И. Билибина, Н. Рериха, в более позднее время для К. Петрова-Водкина возрождение национальной

А. П. РЯБУШКИН.
МОСКОВСКАЯ ДЕВУШКА XVII ВЕКА.
1903.

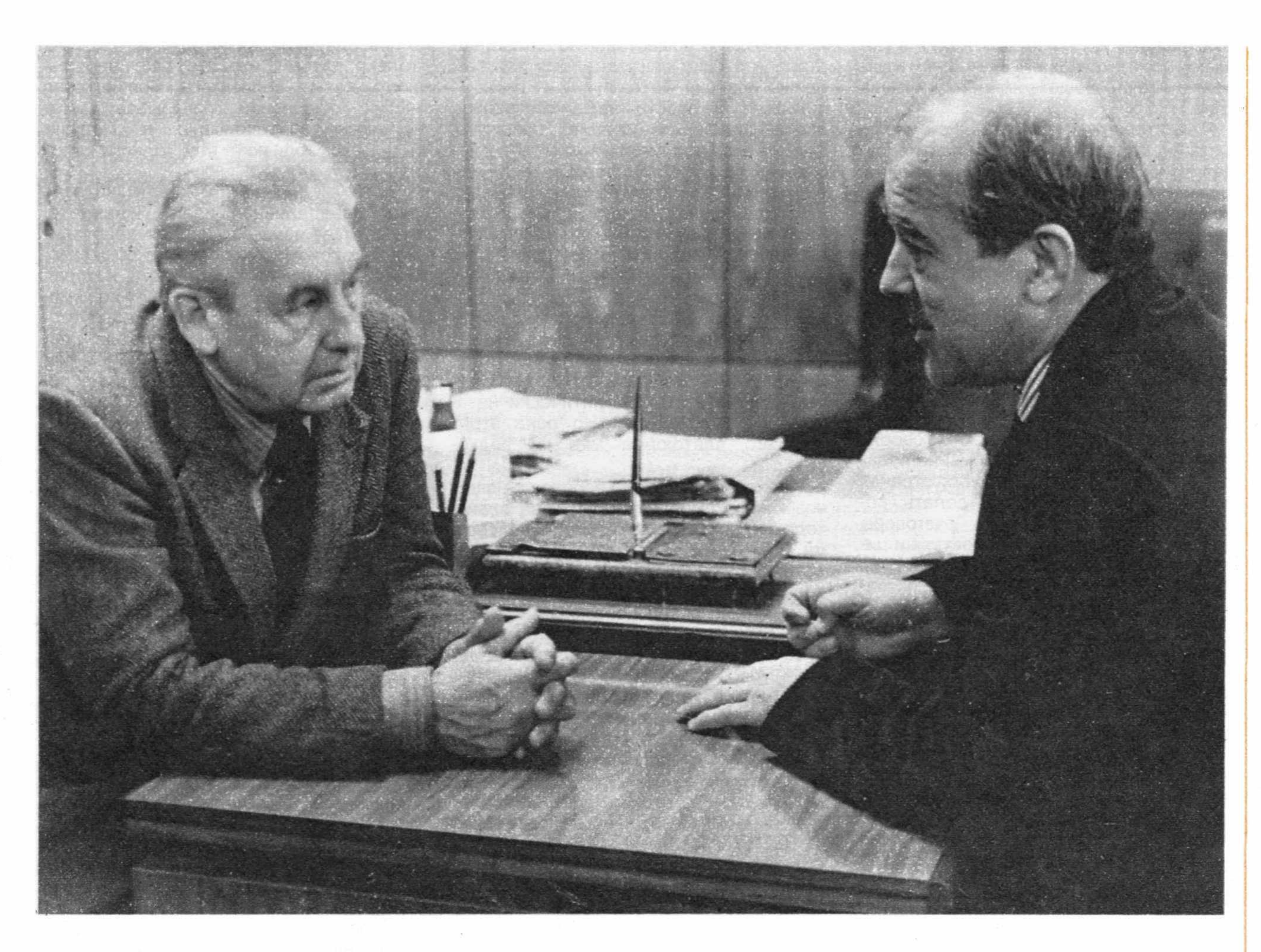

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД В МОСКВЕ (XVII столетие). 1901.

Окончание на вкл. 3.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ В ЦЕРКВИ. 1899.

«...Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, вопрос, которого не разрешите вы...»,— писал Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» о польской проблеме. Мог ли предположить классик, что пройдет больше ста пятидесяти лет, наполненных общими бедами и радостями, единством и разобщенностью, взаимными упреками и взаимными заверениями, сложнейшими переплетениями судеб Польши и России, прежде чем мы, наконец, вплотную подступимся к «белым пятнам»? Недавно была создана совместная советско-польская комиссия ученых по истории отношений между нашими странами. Но область эта не может оставаться заботой лишь специалистов — деятели культуры и искусства, граждане наших стран так же ведут сегодня активный диалог. «Шумят народные витии» в серьезной надежде решить вопрос, не решенный Пушкиным. Главный редактор «Огонька» Виталий КОРОТИЧ беседует с выдающимся польским кинорежиссером Анджеем ВАЙДОЙ.

БЕССТРАШИЕ ПАМЯТИ

Виталий Коротич.—Пан Анджей, мы очень рады, что вы пришли к нам в гости. Думаю, что событие это далеко не частного порядка, достаточно точно показывающее сдвиги в нашей жизни. Несколько лет назад невозможно было даже представить себе, чтобы «Человек из железа» или «Человек из мрамора» появился на нашем экране или чтобы вам была предоставлена общественная трибуна в нашей стране. А сегодня вы показали в Москве ретроспективу своих фильмов; насколько я знаю, у вас было много встреч в самых разных аудиториях, и — смотрите-ка — небо не упало на землю и Дунай не потек вспять — фильмы Вайды, его мысли вовсе не поколебали наш строй.

Я всегда говорил, что у бюрократии, так долго определявшей рамки нашей жизни, апокалипсическое мышление: если Вайда поставит «Человека из железа» или Пастернак опубликует «Доктора Живаго», социализм разрушится! Но у меня в таком случае возникает закономерный вопрос: что же это за социализм, если произведение искусства способно нанести ему такой серьезный урон? Кому нужен такой, с позволения сказать, хилый социализм и разве это социализм? Вы не любите называть определенные политические силы принятыми терминами, но апокалипсичность свойственна самым консервативным слоям.

На мой взгляд, за таким образчиком апокалипсического мышления стоит извечная проблема — проблема собственности. Подменив собой государство, эти люди присвоили себе в качестве частной собственности власть. И малейшее притязание на свободу мысли для них означало притязание на самое власть, на их собственность; в своем ослаблении администраторы видят конец света.

Анджей Вайда.— Совершенно верно, именно апокалипсическое мышление. Позиция — «либо все, либо ничего», а это «все» может означать любой произвол, вплоть до физического уничтожения инакомыслящих. Типичный сталинизм!

А момент сейчас гораздо сложнее, чем мы себе представляем. Мы ни в коем случае не должны считать, что Сталин умер, что сталинщины больше нет,— это слишком продуманная, слишком живучая система, чтобы она могла прекратить существование в короткое время. И категории, которыми мыслят и по сей день очень многие в верхнем эшелоне власти, выработаны именно этой системой. Что же удивляться настороженному отношению бюрократии к искусству, хотя, думаю, во всяком случае у нас в Польше, власти не переоценивают влияния искусства на общественную жизнь.

Поэтому нам сегодня недостаточно для социального сдвига, скажем, осуществить такой фильм, как «Человек из железа» или «Человек из мрамора». Мы уже на другом этапе, мы нуждаемся сейчас в гарантиях социальной защиты в виде какой-то общественной организации. Больше того, на мой взгляд, и власти бы согласились с такой формой самодеятельности общества, лишь бы не было символического названия «Солидарность». Но если посмотреть на проблему шире, то сама ситуация в сущности искусственная: профсоюз неминуемо стал бы расслаиваться в процессе своей жизнедеятельности. Ведь «Солидарность» составляли самые разные социальные группы, каждая — со своими интересами, которые, естественно, вступили бы в противоречие. Скажем, я и мои декораторы. Мне нужно, чтобы они работали быстро и дешево, а они хотят получать как можно больше и как можно дольше. И эти процессы расслоения уже начались, лишь военное положение оборвало их.

Одновременно, к сожалению, прервался и процесс создания горизонтальных структур партии, что вызвало самое большое недовольство. Это мое личное мнение, но продолжаю считать, что народ не допустил бы возникновения экстремальных ситуаций.

В. К.— Кстати, и в Польше, и у нас сейчас вовсю обсуждают тему многопартийности. А мне кажется, что нам нужны не новые партии, а новые мнения, свободно высказываемые точки зрения.

А. В.— Конечно. Но только общество должно иметь возможность высказывать их параллельно с властью. Потому общество пытается создать организацию, которая станет за общество представительствовать и его защищать. Мы, например, хотим, чтобы результаты следующих выборов в Сейм более точ-

но отражали истинное положение в Польше, соответствовали нынешнему делению нашего общества на социальные слои.

Я не сторонник искусственной многопартийности. Ведь каждая партия будет стремиться решать свои задачи, а речь-то идет о судьбах всей страны. Нужно как раз что-то общее, единое для всего народа. Но это, естественно, не отменяет существования разных точек зрения, плюрализма мнений.

В. К. — У нас, кстати, произошли очень серьезные сдвиги в отношении к существующей в обществе множественности точек зрения. Причем речь не только о наших внутренних вопросах. Я в качестве главного редактора часто бываю на различных высоких совещаниях. И теперь нам часто говорят о терпимости, о том, чтобы мы не падали в обморок, когда в других странах социализма хотят что-то делать по-своему. Пора закончить разговоры о «старших» и «младших» братьях и писать о деле социализма достойно, не дергаясь. Мы лишь тогда станем истинными лидерами в социалистическом лагере, когда будем жить лучше всех.

Вообще, плюрализм мне кажется наиболее плодотворным путем для решения и наших, и ваших, и общих проблем. И вот в связи с этим у меня есть вопрос: какие ближе всего вам в польском обществе силы, у которых есть желание не только спорить о путях возрождения, но и все для расцвета Польши делать повседневно?

А. В. — Я думаю, существует пока лишь сознание того, что нужно сделать. Насколько я понимаю, наше общество будет активно участвовать в реализации тех или иных реформ лишь в том случае, если оно сможет контролировать эти реформы. И, на мой взгляд, повторяю, всенародное дело важнее, чем создание многопартийной системы. Потому что в конечном счете речь идет о судьбе нашего народа, нашей страны, и для меня не может существовать примат какой-то политической идеи в ущерб человеческому счастью. Как сказал ваш классик: «Человек создан для счастья как птица для полета».

Руководить нами должны не «голые» политические амбиции, замешанные на той или иной партийной платформе, а именно это стремление сделать счастливым каждого человека в отдельности и весь народ в целом. И я считаю, что в нашем обществе стремление к этому ощущается. Для нас сейчас важна консолидация всех сил, разделяющих эту позицию. Но, естественно, не на словах, а на деле.

В. К. — Скажите, а какой вообще вам видится роль интеллигенции, деятелей искусства, литературы, журналистики в этих процессах? И ваша, в частности? И как вы считаете: мы можем оказывать какое-то серьезное влияние на развитие событий?

Вот, скажем, недавно у нас был знаменитый английский режиссер Питер Брук. И он так определил разницу между нашим художником и западным. У вас, сказал он, художник — это обязательно общественный деятель, он, как правило, выражает определенные политические взгляды той или иной части народа, а то и всего народа в целом. На Западе же художник существует в подавляющем большинстве случаев только в сфере искусства, он не стремится формировать или выражать общественное мнение.

И еще. Наш сатирик Михаил Жванецкий как-то сказал о том, что наши чиновники, бюрократы во всех своих славословиях ссылаются на народ. Народ у нас великий, свободолюбивый, самоотверженный и так далее. Но у него есть один недостаток — его трудно увидеть. А вот население все время болтается под ногами, требует колбасы, одежды, повышения зарплаты и пенсии, словом, мешает строить светлое будущее. Наш журнал мы стараемся делать так, чтобы представлять интересы этого самого населения. Так вот, насколько серьезную общественную силу представляете вы и ваши коллеги, или вам ближе позиция Брука?

А. В. — Я просто на диаметрально противоположных позициях нахожусь. Только в двух случаях я мог бы согласиться с Бруком. Во-первых, если бы я эмигрировал и стал бы по сути западным художником, и, во-вторых, в случае, если бы в Польше удалось по-настоящему укрепить и расширить демократию и у нас появились бы прочные демократические институты, способные твердо контролировать политическую жизнь страны. Вот в этой ситуации я мог бы стать на позицию Питера Брука и исповедовать те же принципы,— то есть стать политически независимым художником. Но пока этого нет, его платформа мне не подходит.

Что касается вашего вопроса о наших возможностях как-то влиять на происходящие процессы, то они, думаю, весьма серьезны. Вот, скажем, журнал «Огонек». Для нас это издание, которое волнует умы и души людей. А если так, значит, вы способны повысить температуру общества. Я вообще считаю, что необходимо вызвать своего рода общественную «горячку» — болезнь, как правило, проходит после критического подъема температуры.

В. К. — Это если организм здоров... А дети или старики не выдерживают таких кризисов. Так вот, есть ли у вас в Польше достаточно трезвые силы, хватит ли их? И вообще не захватывает ли нас сам процесс борьбы настолько, что мы начинаем забывать о целях?

А. В. — Ну, во-первых, я уверен, что в польском обществе достаточно нравственных сил, чтобы победить любую болезнь. А что касается борьбы и ее целей, то я уже ответил на этот вопрос — снял картину «Дантон», где как раз и показан процесс, когда руководители революции забывают о своей общественной роли, целиком занятые борьбой друг с другом. У нас, я думаю, этого не произойдет.

В. К. — То есть вы считаете, что в вашем обществе есть четкое понимание цели, что в Польше существует какая-то равнодействующая?

А. В. — Полагаю, да. Но только давайте оговоримся. Мы с вами говорим о нравственной атмосфере Польши, о духовном климате. Но каким бы благоприятным он ни был, без решения экономических вопросов мы далеко не уедем. Я думаю, что и у вас в стране ситуация схожая. А с экономикой дела у нас не так хороши. И тут, на мой взгляд, Советский Союз, если он действительно заинтересован в изменении положения у нас к лучшему, способен очень многое сделать. Ведь мы в очень сильной степени зависим от вас.

Многие поляки, и я в том числе, считают, что если бы СССР смог объявить мораторий на несколько лет на выплату наших долгов и задолженностей, это сильно облегчило бы наши задачи. Я не государственный деятель, но, полагаю, это нас бы сблизило еще больше. Или это нереально, несерьезно? Возможно, мне возразят, что это мнение некомпетентного человека, неспециалиста. Но что же поделать? Я рассуждаю именно как рядовой поляк, информированный, как многие. Ведь все, что происходит в экономике, это тайна за семью печатями. Вот это и есть настоящие «белые пятна». Наши экономика и политика по существу безличны. Мы не знаем, какие люди и что решают, мы не знаем сферы интересов вашей страны в польской экономике.

В. К. — То есть необходима самая широкая гласность.

А. В. — Несомненно! А эти сведения секретятся самым тщательным образом. То, что касается истории, для нас не составляет тайны. Тот, кто хотел, имел возможность так или иначе узнать правду, причем без особых сложностей. Но сегодняшний день от нас во многих аспектах скрыт...

В. К. — Я тоже считаю, что мы должны иметь самую широкую информацию о повседневной жизни друг друга. И не только потому, что это дает возможность как-то сблизиться. Вся история наших отношений показывает, что процессы, протекающие в Польше и у нас, близки, они одного корня.

А. В. — У нас, кстати, есть на этот счет определенная идея. Понимаете, существует явно ощущаемая необходимость в том, чтобы польское общество, во всяком случае та его часть, которая формирует общественное мнение, имела широкий доступ к тому, что происходит сегодня на страницах советской печати. Скажем, почему бы не начать издавать в Польше журнал под названием «Перестройка» — своеобразный сборник материалов из ваших изданий.

Только необходимо, чтобы такое издание редактировали люди, пользующиеся абсолютным доверием в нашем обществе. Потому что происходит несуразица: правительственные органы «вытаскивают» из ваших публикаций то, что им выгодно, а оппозиция — то, что выгодно ей. И истинное положение, по сути, от нас ускользает. А проигрывает от этого народ.

В. К. — Скажите, пан Анджей, а нет ли у вас ощущения, что народы наши сделались как бы взаимно неинтересными? Во всяком случае, так, по-моему, было до недавнего прошлого. Ведь, по сути, наши страны существовали, что называется, на качелях — «наши победы» и «кризис их капитализма». А нормальной жизни не было. Народ Польши уже знал, что ничего интересного в советской жизни ему не покажут. Народ Советского Союза, в свою очередь, не обладал знанием, необходимым для осмысления многих польских реалий,— мол, что там может быть нового?

Так что события польской жизни последних лет стали для многих в большой степени неожиданностью. Никто морально не был у нас готов к тому, что в такой хорошей Польше может такое случиться?! И, между прочим, думаю, что и многие поляки до сих пор не могут в полной мере понять, как это у нас в стране происходит перестройка?

Сейчас, наверное, начинаются процессы реанимации этого взаимного интереса. И потому, я с вами абсолютно согласен, такой журнал, о котором вы говорите, был бы действительно архиважен. Потому что все, касающееся сегодня наших взаимоотношений, но излагаемое с привычной суконностью, едва ли может подняться до высоты современных задач.

А. В. — Я вообще считаю, что в наших отношениях на сегодняшний день содержится некий парадокс: без пересмотра польско-советской дружбы не будет польско-советской дружбы. Потому что та дружба, которая считалась существующей между нашими народами долгие годы, была зачастую лишена человечности, она строилась в основном на сладкоголосых декларациях чиновников и бюрократов. Мы же хотим дружбы между людьми, а не между абстрактными народами. Нам нужно очеловечить наши отношения. И я вам скажу, что малейшие шаги в этом направлении производят поразительный эффект.

Вот не так давно один из моих коллег организовал в Варшаве выставку современного советского искусства. Затея эта была сугубо частная, а успех между тем превзошел все наши ожидания. Ну вот, скажем, я поставил несколько спектаклей по Достоевскому. Они объехали весь мир. Но моя самая заветная мечта — показать их здесь, в России, где этот автор сказал бы зрителям гораздо больше, чем он говорит аргентинцам или американцам. Но пока что мне такого шанса не предоставляют. Нас, правда, пригласили к вам с «Преступлением и наказанием», но пригласили... в декабре 1989 года!.. Ждать, конечно, долго, но я все-таки не теряю надежды, что советский зритель увидит мои работы по Достоевскому.

В. К. — А у вас не появлялось желания сделать документальный фильм?

А. В. — Это не моя специальность. Для этого у нас есть прекрасные документалисты.

В. К. — Я не совсем то имею в виду. Это, так сказать, монтажный фильм. То есть художник такого класса, как вы, пропускает через монтажный стол документальный материал. Как это делали Довженко, Бертолуччи, Ромм.

А. В. — Вы предлагаете какой-то сюжет?

В. К. — А вот как раз то, о чем мы с вами говорим,— Польша и Россия. Ведь сам материал уникален. С одной стороны,— это традиция очень близкой дружбы, а с другой — чрезвычайно сильной вражды. И не нужно этого прятать!

Меня, например, откровенно бесит, когда нам сегодня говорят: у нас с немцами нет никаких проблем. Приедут немцы, смотрите, обнимайтесь как следует, войны не было, вражды не было. Но война-то была! Вражда была. И кровь между нами была. Но разве это значит, что я сегодня должен ненавидеть всякого немца? Пока мы не перейдем через все плохое и через все хорошее, что было между нами в прошлом, мы не переступим Рубикона...

Нам нужен честный и реалистический взгляд на прошлое. Только сквозь такую призму мы разглядим друг друга. А ведь мы с поляками чрезвычайно близки. Я думаю, что сегодня мы во многих отношениях воистину народы-братья. Иногда кажется, что никто не поддерживает перестройку так, как это происходит в Польше. А кроме того, я уверен, что польские события 80-х повлияли и на нашу перестройку.

Считаю, что мы сегодня создаем, а точнее, воссоздаем историю. Из разрозненных кусочков нам нужно склеить полноценный портрет, где все будет логично. Как бы там ни было, и мы, и поляки заслужили то, что мы имеем. Все это результаты непростых исторических процессов. Нам нужно составить из них логическую цепь, понять и оценить их. А что если нам собраться с деятелями польской культуры, искусства, науки и поговорить, скажем, о том, что значил образ врага в наших отношениях?

А. В. — Между прочим, такие контакты уже были в нашей кинематографической среде. У нас прошли два симпозиума с советскими коллегами — один в Москве и один в Варшаве. В Варшаву привезли пропагандистские советские фильмы 20-х годов, направленные против Польши времен Пилсудского. Кроме того, что это было невероятно интересно, меня поразил такой, например, факт: таких лент было сделано больше восьмидесяти! Против Финляндии было «выставлено» всего двенадцать картин. Вот какой вес придавался Польше. Кроме того, фильмы эти отлично сделаны. Словом, была предпринята вот такая попытка стереть «белые пятна» в наших кинематографиях. И она, несомненно, была полезна и плодотворна.

В. К. — И пока эти «белые пятна» существуют, отношения наши не будут нормальными. Речь идет, на мой взгляд, не только о нормализации их. Речь идет о бесстрашии нашей общей памяти. У нас нет ничего, чего бы мы устыдились друг перед другом. Мы должны сказать все. И сейчас мы можем так поступить. Чем дольше мы будем сохранять фигуру умолчания, чем чаще будем фальшиво уберегать друг дружку от неприятных воспоминаний, тем труднее будет нам самим.

Как, по-вашему, мы могли бы предпринять какие-то совместные акции в этом направлении?

А. В. — Любая инициатива будет хороша, правда, в случае, если она будет частной. Скажем, если это будет какая-то встреча под официальным лакированным крылом, с искусственным подбором безличных аллилуйщиков,— ничего не выйдет. Мы хотим чисто человеческих контактов без всякой регла-

ментации, без обязательного протокола.

В. К.— Ну а если это будет инициатива «Огонька» и какого-то польского издания, пользующегося авторитетом у вас?

А. В.— Это было бы прекрасно. Скажем, «Огонек» и краковский католический еженедельник — почему бы не такое неожиданное сочетание?

В. К.— Кстати, мы в «Огоньке» опубликовали несколько крупных материалов, посвященных празднованию тысячелетия крещения Руси, в Москву приезжал кардинал Глемп, так что такой диалог был бы не только полезен и интересен, но он стал бы, возможно, продолжением диалога между разными сферами нашего общественного сознания.

Вообще мы в журнале пытаемся все время искать какие-то плодотворные формы влияния на политические реалии. Я вас поэтому и спрашивал о перспективе работы над документальным фильмом. Визуальный ряд — средство сильнодействующее. Вот, скажем, мы осенью 1988 года воспользовались услугами профессиональных кинематографистов и выпустили в свет первую кассету «Видео «Огонек». То есть группа ездила по адресам некоторых наших материалов и снимала сюжеты из журнала на видеопленку. Результаты превзошли наши самые смелые надежды.

Сегодня открываются наши архивы. Снимаются фильмы о самых острых и больных вопросах. Так почему бы вашим и нашим кинематографистам не забраться в архивные дебри и не сделать картину о том, как ломалась наша общая судьба? Ведь в истории практически не было случая, чтобы мы были счастливы, а вы несчастны или наоборот. Мы всегда были вместе, причем чаще — в несчастье. Уверен, что на этой дороге нас ждет много неожиданного.

Скажите, пан Анджей, а вы вообще собираетесь снимать что-то или ваши планы целиком связаны с театром?

А. В.— Нет, я, конечно, не буду бросать свою основную профессию. Собираюсь делать картину о докторе Корчаке.

В. К.— Варшавское гетто? Концлагеря?

А. В.— Совершенно верно. Он пошел в печь вместе со своими учениками, хотя имел возможность остаться в живых. Меня в этой истории волнует не столько тема выбора, сколько вопрос неизбежности. Дело в том, что доктор Корчак воспитывал своих детей порядочными людьми, и поэтому они могли быть только жертвами гитлеровцев. Если бы он учил их другому — красть, обманывать,— возможно, они бы спаслись. Но у него как у педагога была другая задача, которая неизбежно приводила их в печь.

В. К.— Кстати, а как вы считаете, придем ли мы к ситуации, когда быть порядочным человеком будет выгодно? Не только в общечеловеческом, философском смысле, но и практически выгодно. Или прогресс имеет только технологическую функцию, а проблема человеческой порядочности вечно абстрактна, остается сугубо в области духа?

А. В.— Но прогресс ведь неизбежен, его невозможно остановить. И, думаю, именно технологический прогресс создаст прочные основания для демократии и свободы в обществе. Во-первых, в этом процессе содержится прочнейшая связь между людьми — они обмениваются информацией. А это неизбежно меняет и сознание, образ мыслей.

Во-вторых, технологический прогресс позволяет создавать бо́льшие материальные блага. А ведь что бы там ни говорили, чем больше перед человеком выбор товаров, тем меньше значения придает он материальному. Я наблюдал этот процесс во многих развитых странах и понял: чем беднее живет человек или народ, тем он алчней. Так что чем больше товаров мы будем производить, чтобы насытить рынок, тем полнее мы удовлетворим человеческие потребности и тем самым снимем большую часть общественного напряжения.

Скажем, национальные проблемы, уверен, во многом бы ослабли. Например, после первой мировой войны немцы и французы ненавидели друг друга больше, чем после второй — немцы и русские. А сейчас речь идет о том, чтобы уничтожить границу, которой и так практически не существует. А происходит это еще и потому, что и в той, и в другой стране можно купить одни и те же товары, жизненные уровни не контрастны...

Помню, кто-то из моих друзей был в Швейцарии у своих знакомых. Так вот, по его рассказу, они не знали, кто президент Швейцарии! И это счастливое незнание, а вовсе не вопиющая неинформированность. Они знают своего полицейского, мэра или бургомистра, но их жизнь никак не зависит от президента Швейцарии.

Словом, я считаю, что технологический прогресс, конечно же, нравствен. Потому что он делает человека свободным от повседневности, делает его счастливым. А счастливый человек добрее и лучше. Тут-то он и понимает, что быть порядочным все-таки выгодно. Совесть — это жестокая вещь, с нечистой совестью счастливым не быть...

В. К.— Между прочим, это касается и наших отношений. Мне кажется, что долгое умолчание, в котором мы существовали, с одной стороны, заставляло нас лгать друг другу, стыдливо пряча глаза, а с другой — бередило совесть. И то, что сегодня образована совместная комиссия и она реально работает, я думаю, факт не только и не столько из области межгосударственных отношений, или отношение наших историков к «белым пятнам», но в первую очередь факт нравственности. И вот что меня сейчас интересует: если мы расскажем правду, это породит ненависть или народы станут больше уважать друг друга? Иначе говоря, может ли сыграть какую-то роль момент покаяния?

А. В.— Огромную! И только в положительном смысле. Если правда будет сказана нам людьми, которым можно верить, ничего, кроме уважения, они не заслужат. Поляки не мстительны, но мы устали от лжи. Мы больше не доверяем словам, не содержащим ни капли истины. А кроме того, мы в долгу перед нашими покойниками. У всякого народа мертвые не должны быть забыты, выключены из истории. Мы хотим, чтобы нам вернули наших мертвых.

В. К.— Я думаю, это наша общая задача. И вот в продолжение нашего разговора о докторе Корчаке и вашем будущем фильме хочу подарить вам одну любопытную историю.

Где-то в середине шестидесятых годов я заинтересовался историей Бабьего Яра — киевского гетто. И в одном из архивов мне попался документ об уничтожении гитлеровцами следов массовых расстрелов в Бабьем Яру.

Когда им стало ясно, что Киев неминуемо придется оставить, они решили уничтожить трупы. Для этого из города привозились команды заключенных, которые сжигали тела расстрелянных. Через какое-то время их уничтожали, а взамен привозили новую команду. На ночь этих смертников запирали в каком-то бараке поблизости практически без охраны. Несчастные эти прекрасно понимали, какая участь их ждет, и днем, сжигая трупы, они обыскивали их в поисках ключей, чтобы ночью подобрать ключ к замку барака. И последние-таки подобрали ключ и сбежали! То есть мертвые дали им жизнь, дали им ключи к жизни.

И вот я думаю, что и нам нужно бы поискать также у наших мертвых ключи для нашей будущей жизни, для нас, живущих сегодня.

А. В.— Но только нужно сказать всю правду о живых и мертвых...

В. К.— А кто ее скажет, кроме нас самих?..

Записал К. СМИРНОВ
Ю. ФЕКЛИСТОВ (фото)

ВРЕМЯ ОПТИМИЗМА

Строб ТАЛБОТ

По традиции наступление Нового года — это время оптимизма. Редко, однако, когда американцы питали такие большие надежды на резкое улучшение в советско-американских отношениях, как в январе этого года, накануне вступления Джорджа Буша на пост президента Соединенных Штатов.

В Вашингтоне явно ощутимы настроения того, что при определенном везении и если будет проявлена мудрость как здесь, так и в Москве, то в следующие четыре года возможен крутой поворот к лучшему — или, используя русское слово, часто встречающееся теперь в английском языке, перестройка самой структуры международного мира.

Этот оптимизм в значительной мере основан на благоприятном впечатлении, которое в настоящее время производят на американцев политика и заявления советского руководства, и особенно Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева, деятельность которого вызывает в Соединенных Штатах не просто любопытство и изумление, а искреннее, хотя и небезоговорочное, восхищение.

Конечно, Горбачев производит хорошее впечатление на американцев в значительной степени и потому, что его имидж контрастирует с тем, как воспринимались его недавние предшественники, которые, как считалось, стояли во главе застывшей и репрессивной политической системы, бросавшей вызов американским ценностям, и проводили агрессивную авантюристическую политику, угрожавшую американским интересам. В Горбачеве же видят человека, который стремится провести в жизнь реформы, направленные не только на укрепление, но также и на демократизацию и даже гуманизацию внутреннего строя в СССР, осуществляя при этом демилитаризацию внешней политики страны.

Среди американцев, задумывающихся над этими вопросами, в целом бытует мнение, что Горбачев пошел на этот смелый и трудный шаг не для того, чтобы успокоить зарубежных критиков, а для того, чтобы добиться целей, которые, как он считает, воистину обернутся благом для советского народа. И все же многие американцы посчитали, что они разделяют с Горбачевым надежду на достижение такого результата, который будет способствовать обеспечению лучшей жизни для его соотечественников, а также созданию более безопасного мира для всех.

Можно утверждать, что Горбачев — это первый советский руководитель, внутренняя и внешняя политика которого вызвала такое интенсивное, повсеместное и неослабное позитивное внимание в Соединенных Штатах. И в прошлом, конечно, были отдельные периоды, когда человек номер один в Кремле пользовался определенной популярностью в США, однако такие периоды были краткими, а популярность ограниченной. Более сорока лет назад Иосиф Сталин («дядя Джо», как его иногда называли в США) во время войны был союзником в общей борьбе против гитлеровской Германии, но его также считали жестоким диктатором, а в конечном счете и творцом «железного занавеса», способствовавшим развязыванию «холодной войны». Тридцать лет назад добродушный Никита Хрущев был желанным гостем во время своего визита в США, однако «дух Кэмп-Дэвида», которому он положил начало в ходе встречи с Дуайтом Эйзенхауэром, слишком быстро уступил место кризисам, связанным с самолетом «У-2», Берлином и Кубой.

Американцы были рады тому, что их правительство могло вести дела с Леонидом Брежневым, однако эти дела ограничивались почти исключительно контролем над вооружениями. Предприятие это имеет решающее значение, так как в результате снижается опасность возникновения войны, а руководство обеих сторон получает возможность обсуждать нечто важное в условиях расхождений во мнениях практически по всем другим вопросам. Но в брежневские годы почти не было таких моментов, когда американцы считали бы, что их руководство поддерживает конструктивный диалог с советской стороной по идеологическим и геополитическим проблемам, лежащим в основе враждебности между СССР и США, то есть по таким вопросам, как отношение государства к своему народу, его поведение на международной арене.

Да и приход самого Горбачева к руководству КПСС не был сразу воспринят в США как обязательно хорошая новость. В течение нескольких лет американцы горячо спорили о том, искренен ли он, а если и искренен, то отвечал бы интересам США успех проводимых им реформ. «Ястребы» склонялись к той точке зрения, что перестройка, гласность, новое мышление, всеобщая безопасность и другие обнадеживающие лозунги были лишь частью зловещей кампании по «дезинформации». Считалось, что целью ее было привлечь легковерных представителей Запада — «голубей», с которыми по традиции ведут битвы «ястребы»,— с тем, чтобы они ослабили бдительность перед лицом неизменной в своей основе и неменяющейся советской угрозы. Высказывалась и такая мысль, что Горбачев представляет собой даже большую, чем когда бы то ни было, угрозу, учитывая мастерское использование им пропаганды и, как опасались, методов обмана.

В этой связи можно было услышать разговоры о «старом яде в новой упаковке». Стало также модным цитировать, явно с некоторой иронией, знаменитое предостережение бывшего президента Андрея Громыко о необходимости проводить различие между словами и делами.

Однако в последнее время даже скептически настроенные американские наблюдатели признают наличие дел со стороны СССР, которые подтверждают позитивное и практическое значение советских слов.

Джордж Шульц, которого, скорее, будут помнить как мудрую сову, а не как клекочущего ястреба или воркующего голубя, отмечает значительную и конструктивную роль Советского Союза в дипломатических усилиях по нахождению решения ряда региональных конфликтов в юго-восточной и юго-западной Азии, а также на юге Африки.

Еще одна причина для оптимизма в США относительно будущего советско-американских отношений — это характер нового американского руководства. Избрание Джорджа Буша означает, что к власти снова приходит умеренный республиканец. Умеренный республиканец — это тот, кто верит больше в прагматизм и меньше в идеологию, больше в нахождение консенсуса и меньше в провоцирование конфронтации, чем его консервативные товарищи. В контексте советско-американских отношений умеренный республиканизм ассоциируется с тем недавним периодом, когда обе страны наиболее близко подошли к нахождению модус вивенди. Другими словами, умеренный республиканизм ассоциируется с политикой разрядки начала 70-х годов и сопутствующим ей дипломатическим предприятием — переговорами по ограничению стратегических вооружений (ОСВ).

Как разрядка, так и ОСВ наряду с их основными авторами с американской стороны (в частности, Генри Киссинджер) в середине 70-х годов попали в опалу в значительной степени вследствие уотергейтского скандала, в результате которого Ричард Никсон вынужден был уйти в отставку. После четырехлетнего периода в значительной мере неудачного президентства Джимми Картера Белый дом в 1980 году вновь захватили более идеологизированные, в большей степени склонные к конфронтации и более консервативные, или «неумеренные», республиканцы, добившиеся триумфа под знаменем Рональда Рейгана. Для них разрядка и ОСВ были ругательными словами.

Большую часть последнего десятилетия политические эксперты в США придерживались той общепринятой истины, что консервативное, если не ультраконсервативное, течение в республиканизме, поборником которого выступал президент Рейган, выбросило более умеренную его разновидность на свалку истории.

Как и большая часть других общепринятых истин, и эта истина оказалась неверной. Уже сейчас новую, то есть текущую, фазу в советско-американских отношениях называют «разрядка-2». Некоторые из главных людей, ассоциировавшихся пятнадцать лет назад с «разрядкой-1», займут важные посты в администрации Буша.

Таким образом, положение, сложившееся в обеих столицах, в Вашингтоне и Москве, служит хорошим предзнаменованием для дальнейшего и, возможно, значительного продвижения вперед.

ПОТАЕННЫЙ СВЕТ НАТ

Самое начало. 1901 год.

Наташа Крандиевская, как и положено московской барышне из интеллигентной семьи, училась в гимназии. Сначала, видимо, неплохо. А потом — из рук вон... Потому что барышня стала писать стихи. И в нее почти влюбились сразу два знаменитых поэта — Бальмонт и Бунин.

Много лет спустя Иван Бунин станет вспоминать о лирическом обаянии стихов пятнадцатилетней Крандиевской, и о юной ее поразительной красоте. Красота сохранилась на снимках. Стихи — в семейном архиве.

Держу в руках еще никогда не публиковавшееся стихотворение, отпечатанное на старинной машинке, с «ятями» и десятеричным «и». Дата — май 1905-го. Поэту едва исполнилось семнадцать:

Я шла пустыней выжженной и знойной,
За мною тень моя ленивая ползла.
Был воздух впереди сухой и беспокойный,
И я не ведала, куда, зачем я шла.

И тень свою в тоске спросила я тогда:
— Скажи, сестра, куда идем с тобою?
И тень ответила с насмешкою глухою:
— Я за тобой, а ты, быть может, никуда.

Она шла в бессмертие, эта очень красивая девочка из хорошей семьи. Бессмертием были стихи, до сих пор как следует не изданные.

Три тоненькие книжки при жизни. В Москве в 1913-м, в Одессе в 1919 году. Еще через три года в эмиграции, в Берлине — сборник стихов «От лукавого».

А после — возвращение с мужем на родину и четырнадцатилетнее молчание.

Такое молчание после революции знали многие. Молчал Пастернак. Молчали Ахматова и Мандельштам. Сроки немоты у всех разные, но это не меняет дела: надо было пережить, прижиться на новой почве, в новой исторической, политической, в новой поэтической среде.

Мужем Натальи Крандиевской в 1914 году стал молодой, подающий серьезные надежды беллетрист Алексей Толстой. С женой графу повезло: любит его без памяти, родила двух сыновей (еще был у Крандиевской сын от первого ее брака — прямо из гимназии выдали ее замуж за известного петербургского адвоката), и талантлива (ее стихи ценил Блок), и по дому мастерица, и секретарь хороший (Крандиевская вела переписку с издателями, вычитывала корректуры, перебеливала новые рассказы Толстого).

Толстой признавался, что в «Хождениях по мукам» Даша и Катя — это все Наталья Васильевна. Особенно Катя.

В 1935-м, за месяц или два до ухода Толстого из семьи, она вернулась к стихам.

В книге ее стихов «Дорога», вышедшей в 1985 году в «Художественной литературе» (набор последней прижизненной книги Крандиевской был рассыпан в 1946-м после доклада Жданова и постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»), есть сонет, датированный так: 1916—1955. Сорок лет на четырнадцать строк...

Памяти Скрябина

Начало жизни было — звук.
Спираль во мгле гудела, пела,
Торжественный сужая круг,
Пока ядро не затвердело.

И все оцепенело вдруг.
Но в жилах недр, в глубинах тела
Звук воплотился в сердца стук,
И в пульс, и в ритм вселенной целой.

И стала сердцевиной твердь,
Цветущей, грубой плотью звука.
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся в смерть.

Что нас умчат спирали звенья
Обратно в звук, в развоплощенье.

Существует такой способ проверки качества стиха — на звук. Ахматова говорила: «Есть звук». Или: «Нет звука».

Есть целые жизни, наполненные чистым звуком. Души, в которых всегда, в любых обстоятельствах «есть звук».

Белой яхты движенья легки,
Ускользающий парус все меньше.
Есть на свете еще чудаки,
Что влюбляются в яхты, как в женщин.

Эти с берега долго глядят
На гонимую ветром Психею,
На ее подвенечный наряд,
На рассыпанный жемчуг за нею...

Мысленно представим внутреннюю свободу человека, пишущего так в конце тридцатых, когда в поэзию прочно вбита железно-бравурная интонация.

Н. КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

* * *

Яблоко, протянутое Еве,
Было вкуса меди, соли, желчи,
Запаха земли и диких плевел,
Цвета бузины и ягод волчьих.

Яд слюною пенной и зловонной
Рот обжег праматери, и новью
Побежал по жилам воспаленным,
И в обиде божьей назван кровью.

Июль 1921. Камб

* * *

Мне снятся паруса,
Лагуна в облаках,
Песчаная коса
И вериски в цветах.

Сквозь дрему узнаю
За дымкой голубой
Твой путь в чужом краю
С подругой молодой.

Июль 1935

ДУХОВ ДЕНЬ

И. А. Бунину

В старом парке, на опушке,
Где простор теснит сирень,
В троекуровской церквушке
Помню службу в Духов день.

Синий ладан сердцу снится,
И от каждого плеча
Запах праздничного ситца,
Крепкий запах кумача.

Дух сирени у распятья,
Жар веселых огоньков,
Баб негнущиеся платья
Из заветных сундуков.

Впереди крахмальный китель,
Бакенбарды, седина,—
Троекурова властитель
Мелко крестит ордена.

Рядом юная хозяйка
Троекурова дворца
Машет ручкой в белой лайке
У надменного лица.

Позади шипят девчатки:
«Срам-то! Что и говорить!
Рази мыслимо в перчатке
Крестно знаменье творить?»

Поливают робким ядом
Валансьены от Дусе.
Лицеист вздыхает рядом,
Отвести не может взгляда
С банта белого в косе.

А над куполом, над ними
В этот жаркий Духов день,
Реет «Иже Херувимы»,

Веет белая сирень.
Старый попик чашу поднял,
Тянут матери ребят,
И пречистого Господня
Тела — первые вкусят.

Храм пустеет понемножку,
И расходится народ.
Бабы, сняв полусапожки,
Переходят речку вброд.

Старый мост скрипит под тройкой,
Бревна ходят ходуном.
Дернул вожжи кучер бойкий
И понесся напролом,—

И ныряет, и взлетает
По проселочной пыли...
В небе жаворонок тает,
Тает облачко вдали.

Бубенец Валдаем бредит,
Пробираясь сквозь овсы.
Барин с думой об обеде
Чаще смотрит на часы.

А у церкви на опушке
Снова мир и тишина,
И сирень свои верхушки
Клонит, в сон погружена.

Отлетает праздник летний,
Как его ни сторожи,
Был ли Духов день, ответь мне?
Или снился он, скажи?

Конец 1930-х

Жена. 1910-е годы.

* * *

Не будет этого, не будет!
И перед смертью не простит.
Обиды первой не забудет,
Как довод он ее хранит,
Как оправданье всех обид.

А может быть, всего вернее
На ложе смерти долго тлея,
Не вспомнит вовсе обо мне
В одной мучительной заботе
Еще спасти остаток плоти,
Еще держаться на волне.

АЛЬИ КРАНДИЕВСКОЙ

Да и чудаки на свете перевелись в те годы.

Судя по стихам, она ждала ареста: «Лифт, поднимаясь, гудит. /Хлопнула дверь — не ко мне...»

Но ей суждена была иная чаша.

Дневниковая запись из неопубликованного дневника Крандиевской. 24 марта 1939 года: «Ночью думала: если поэты — люди с катастрофическими судьбами, то по образу и подобию этой неблагополучной породы людей не зарождена ли я? По-житейски это называется: «все не как у людей». Я никогда не знала, хорошо ли это, или плохо, если все не как у людей? Но внутренние законы, по которым я жила и поступала, всегда утрудняли, а не облегчали мой путь. Ну что же! Не грех и потрудиться на этой земле».

Настоящие поэты обладают пророческим даром. Через год она напишет: «...А вечерами на деревне /Старухи, сидя на бревне, /Приметою стращают древней: /Грибное лето — быть войне».

До войны — неполных десять месяцев.

Она останется в осажденном городе, будет умирать от голода (ее спасет чудом пришедшая с кружкой киселя подруга), выживет, станет поэтом ленинградской блокады. Самым страшным и прекрасным, первым ее поэтом. Впрочем, читатель узнает об этом спустя десятилетия. (Стихотворный блокадный дневник Крандиевской-Толстой опубликован во второй книжке «Юности» за 1988 год.)

И до сих пор нет мемориальной доски на ее блокадном доме. До сих пор Крандиевская остается малоизвестным поэтом.

За спиной свистит шрапнель.
Каждый кончик нерва взвинчен.
Бабий голос сквозь метель:
«А у Льва Толстого нынче
Выдавали мервишель!»

Мервишель? У Льва Толстого?
Снится, что ли, этот бред?
Заметает вьюга след.
Ни фонарика живого,
Ни звезды на небе нет.

Что дает силы выжить, когда по всем физическим законам человек должен умереть?

Есть в этой книге пять строчек. В пятидесятые, проставляя под стихами даты, автор сам не смог вспомнить, когда они написаны: то ли весной 1942-го, то ли год спустя:

Майский жук прямо в книгу с разлета упал,
На страницу раскрытую — «Домби и сын».
Пожужжал и по-мертвому лапки поджал.
О каком одиночестве Диккенс писал?
Человек никогда не бывает один.

А еще была вера. В Победу, а не в генералиссимуса. В Человека, а не в абстрактную идею. В Любовь и тот Высший суд, к которому взывал еще Лермонтов:

Свидание наедине
Назначил и мне командор.
Он в полночь стучится ко мне,
И входит, и смотрит в упор.
Но странный на сердце покой.
Три пальца сложила я в горсть.
Разжать их железной рукой
Попробуй, мой Каменный Гость.
1943

Она прошла жизнь, не деформировав душу ложью, не поступившись верой, не принимая участия в славословиях. Она пережила своего бывшего мужа и оплакала его стихами (потому что все равно любила его всю жизнь), написала книгу удивительных стихотворений о старости. И умерла в Ленинграде, в своей «непобежденной Пальмире», в 1963 году.

Архив Крандиевской-Толстой хранится у ее сына композитора Д. А. Толстого.

Переборов небытие, утаенный свет этих стихов высветил сегодня что-то очень важное. В поэзии, в нас самих.

Утаенный, но отданный свет.
Потаенный подвиг поэзии.
Его глубину нам предстоит еще измерить.

Андрей ЧЕРНОВ

Невеста. Около 1905 года.

Но знаю, что пути сомкнутся,
И нам не обойти судьбу:
Дано мне будет прикоснуться
Губами к ледяному лбу.

1941

СЛУЧАЙ НА УЛИЦЕ 6 АВГУСТА 1943

Рвануло воздухом,
На тротуар швырнуло.
Крик за спиной и дым.
Лежу. Военный рядом. В головах
Старуха причитает, заступницу зовет.
А девочка молчит.

Хочу подняться —
Военный в спину ткнул:
«Куда? Лежи».
И голову портфелем мне накрыл.

И снова взрыв.
И снова тишина.
Пять раз подряд.

Мы долго так лежали.
Плита гранитная у самых глаз
И водосточный желоб.

Потом военный встал,
Сказал: «Ну, бабы, живо,
За мною все гуськом,
Налево в подворотню».

Мы вовремя перебежать успели.
Последний взрыв
Был рядом, за углом,
И вслед за ним
Надолго тишина.

Военный засучил рукав
И на часы взглянул, сказал:

«Как видно зашабашил, паразит.
Теперь бегите по домам, хозяйки.
Без паники».

Шинель оправил,
Подтянул ремень
И зашагал по улице к вокзалу.

* * *

Длинной дорогою жизнь подводила
К этому страшному дню.
Все, что томилось, металось, грешило,
Все предается огню.

Нет и не будет виновных отныне.
Даруй прощенья и мне.
Даруй смиренья моей гордыне
И очищенья в огне.

Февраль 1945

* * *

Вещи есть совсем обычные,
Незаметные, привычные,
И не думаем о них,
Например, вот эта палочка,
Путевод и выручалочка,
Антигона всех слепых,

Мне она отныне спутница,
От любой беды заступница,
Шепчет: «Стой, не торопись,
Осторожно, помаленечку
Отыщи ногой ступенечку
И на ней не оступись!

Я в пути твоем разведчица,
Я за каждый шаг ответчица,
Шарю, шарю впереди...
Здесь ложбинка, здесь обочина,
Здесь тропа дождем источена,
Ну а здесь — смелей иди!»

24 февраля 1958

* * *

Яблоко, надкушенное Евой,
Брошенное на лужайке рая,
У корней покинутого древа
Долго пролежало, загнивая.

Звери, убоявшись Божья гнева,
Страшный плод не трогали, не ели,
Не клевали птицы и не пели
Возле кущ, где соблазнилась Ева.

И Творец обиженный покинул
Сад цветущий молодого рая
И пески горячие раскинул
Вкруг него от края и до края.

Опустился зной старозаветный
И спалил цветы, деревья, кущи,
Но оставил плод едва заметный,
Яблоко, что проклял Всемогущий.

И пески тогда его накрыли...

1958

PERPETUUM MOBILE

Этим — жить, расти, цвести,
Этим — милый гроб нести,
До могилы провожать,
В утешенье руки жать,
И сведя со старым счет,
Повторять круговорот,
Снова жить, расти, цвести,
Снова милый гроб нести...

1959

* * *

Меня уж нет. Меня забыли
И там, и тут. И там, и тут.
А на гомеровой могиле
Степные маки вновь цветут.

Как факел сна, цветок Морфея
В пыли не вянет, не дрожит,
И, словно кровью пламенея,
Земные раны сторожит.

Из последних стихов

Книжка избранной лирики Н. В. Крандиевской-Толстой выйдет в библиотеке «Огонек» № 8.

«ГОЛУБЫЕ ГОРОДА»

КАК СЛОЖИТСЯ СУДЬБА СТРОИТЕЛЕЙ БАМА И ИХ СЕМЕЙ?

ВО СНЕ И НАЯВУ

Расширенная коллегия Министерства путей сообщения, проведя скрупулезный экономический анализ, пришла к выводу, что Байкало-Амурская магистраль приносит ежегодный убыток в 205 миллионов рублей. По всей видимости, придется принять решение о ее реорганизации путем деления на части и передачи их соседним дорогам. Но как быть с людьми? С теми, кто строил БАМ, отдал ему лучшие молодые годы?

Владимир ФЕДЯКИН,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Вот строки из телеграммы, которую принял редакционный телетайп в середине декабря прошлого года: **«Сегодня на различных уровнях серьезно обсуждается вопрос о ненужности построенной железной дороги вообще и ее расформировании. При этом абсолютно игнорируется политический и моральный аспект — ведь всего три года назад ей присвоено имя Ленинского комсомола в знак признания трудового подвига молодежи страны...**

Создан общественный центр защиты БАМа и содействия развитию региона. Идет сбор подписей под коллективным обращением к руководителям страны... Побудительными мотивами для этой акции послужили: неуверенность людей в ближайшем будущем, огульное очернительство результатов пятнадцатилетнего труда сотен тысяч людей, игнорирование их интересов, которые еще вчера полностью совпадали с интересами государства в этом регионе, крайне вялая реализация Дальневосточной программы из-за незаинтересованности в ней министерств и ведомств.

Мы считаем, что необходимо вернуться к принятым по БАМу правительственным постановлениям и рассмотреть их выполнение. После опроса населения и социального анализа настоящего и будущего региона, осуществляемого с учетом государственных интересов комиссией общественного центра, предлагаем провести на БАМе референдум с приглашением ученых и специалистов, представителей министерств и определить перспективы развития региона».

Беспокойство бамовцев за судьбу построенной ими дороги и за свою собственную судьбу можно понять. Причем их тревога диктуется не только соображениями морального порядка. По данным проверки Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, из сорока пяти запроектированных на магистрали населенных пунктов пока полностью пригодны для жизни лишь двенадцать. В двадцати других, тоже уже появившихся на карте, ситуация такая: не построены торгово-общественные центры в 19, бани с прачечными — в 15, необходимые лечебные учреждения — в 13, клубы — в 7, школы — в 6... Очередь на получение постоянного благоустроенного жилья только для работников железной дороги, новичков БАМа, составляет почти семь тысяч семей.

А у строителей, которые буквально протащили эту самую дорогу через полстраны на своих плечах, дела еще хуже. «Выполнив поставленные задачи, многие из них остаются без работы и без жилья,— с болью говорила с трибуны седьмой сессии Верховного Совета РСФСР маляр строительно-монтажного поезда № 581 треста «Нижнеангарсктрансстрой» М. Г. Комарова.— Их не ждут и по прежнему месту жительства, а переезжать в другие районы, начинать все сначала — с палаток — поздно: у них уже семьи, да и самим уже по 30—40 лет».

...Найти в Северобайкальске Марию Георгиевну Комарову оказалось непросто, хотя она почти безотлучно сидела дома с ребенком. Я знал название улицы, да беда в том, что самой улицы-то не было. На искореженной гусеницами и тяжелыми колесами земле вразнобой разбросаны длинные выцветшие щитовые дома барачного вида с несколькими дверями по бокам и с прилепившимися к каждому крыльцу чахлыми северными огородиками, оживить которые могут только очень трудолюбивые руки. Вдоль домов и между ними пролегли толстые трубы теплосети, укрытые скрипучими дощатыми мостками.

Квартира Комаровой — старательно выкрашены, оклеены обоями и завешены коврами две комнаты в 23 квадратных метра, новая полированная мебель (раньше по всему БАМу были только самоделки), небольшая прихожая, кухня. В ванной — вместительный бак самодельного титана для подогрева воды, успевающей остыть, пока «поверху» добирается от котельной до дома. Маше с Юрой и восьмилетнему Денису эта квартира, куда они переселились чуть больше года назад с рождением Дашули, кажется хоромами. Еще бы! До этого семья жила в 12-метровой комнате в коммуналке без воды и других привычных для них, выходцев из-под Воронежа, элементарных удобств. Комаровым повезло на десятом году жизни в Северобайкальске. «Повезло», что считаются старожилами, что появилась дочурка, что Маша возглавляет ударную бригаду и представляет интересы северобайкальцев и жителей нескольких соседних районов в Верховном Совете республики.

— Недавно приходит ко мне, депутату, почтальон Зайцева, вся в слезах,— рассказывает она.— Что такое? Четверо детей, причем один грудничок, а комнатуха — чуть больше нашей прежней. Я, конечно, обратилась в горисполком, но понимаете: жилье у нас строят в основном предприятия МПС, Минтрансстроя, поэтому работникам связи и службы быта, врачам и учителям перепадают буквально крохи.

В «старом городе», где обитает основная часть населения Северобайкальска, встречаешь все типы уже традиционных бамовских времянок. Щитовые дома, рассчитанные на 10—12 лет и постепенно приходящие в негодность,— еще лучшие из них. Рядом раскинулись целые массивы строительных вагончиков, снятых с колес и поставленных на бетонный фундамент, которые, как ласточкиными гнездами, облеплены пристройками и сараями. А через железнодорожную колею от Комаровых, на взгорке, виднеются знаменитые своей многочисленностью и неистребимостью по всей Сибири балки. Только обладая большим воображением и цинизмом, можно назвать эти сколоченные из подручных бросовых материалов — ломаных досок, ящиков, горбыля — хижины достойными человека. В путанице северобайкальского «шанхая» разбираются разве только его обитатели и почтальон. На хижинах намалеваны довольно странные обозначения, например: «Дор., 8-с». Это значит, есть где-то на улице Дорожной нормальный дом № 8, а балки приписаны к нему под всеми буквами алфавита.

В Северобайкальске сейчас официально числится более 34 тысяч жителей, еще примерно 5 тысяч, по осторожным прикидкам местных властей, работают по временным договорам и обитают где-то в «шанхае» без прописки. Однако только каждый четвертый житель «столицы бурятского участка БАМа» (точно так же, как и поселков на других его участках) обеспечен благоустроенной квартирой или индивидуальным домом. Судя по нынешним темпам жилищного строительства, потребуется не менее десяти лет, чтобы удовлетворить всех — только сегодня! — нуждающихся. Но разве голова у горсовета должна болеть только об этом? Родильное отделение железнодорожной больницы убогое до того, что дальше некуда, значит, опять же роддом с поликлиникой надо строить. Детские сады переполнены, а «в очереди» — более тысячи малышей. Школьники занимаются в три смены. О каких кружках, о каких секциях речь, недоросли бы не стали от такой учебы!.. В общем, куда ни кинь — всюду клин.

Спрашивается: кто виноват?

Вопрос простой и сложный одновременно. Простой потому, что можно ответить коротко: «Виной всему диктатура ведомств» — и это будет совершенно верно. Да, БАМ — плоть от плоти уходящей эпохи, когда в громаде спускаемых сверху, деформированных ведомственными интересами наших планов подчас совершенно терялась конкретная человеческая жизнь. Когда даже сами их составители не верили в благополучный исход дела и смотрели в будущее с философией восточного хитреца: или эмир умрет, или осел, или Насреддин. Эмир умер. Но напрасно было бы — и в этом сложность — искать теперь везучего Насреддина. Учитывая процветавший до недавнего времени стиль «коллективного руководства» и «коллективной (читай: ничьей) ответственности», я не возьму на себя эту задачу.

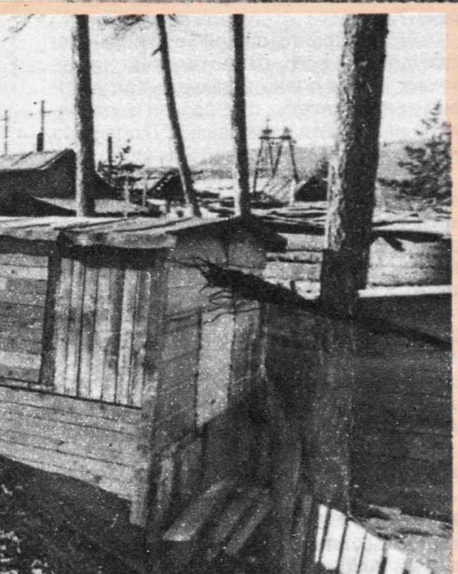
Известно лишь: Министерству путей сообщения СССР, заказчику БАМа, и Министерству транспортного строительства СССР, генеральному подрядчику, каким-то образом удалось еще в техпроекте урезать долю средств, отпущенных на гражданское строительство — то же жилье, школы, магазины,— до смехотворных, не отвечающих никаким разумным нормам 16 процентов! Кто платит (или распоряжается государственными кредитами, что в данном случае одно и то же) — тот и заказывает музыку. А транспортников, естественно, интересовала только сама железная дорога. Она требовала новых и новых средств. Нужно было экономить. На чем? На людях. И министерства-фондодержатели сделали ставку на кочевое, непритязательное и потому сравнительно «дешевое» племя молодых холостяков. В немыслимых условиях одинокие мужчины рубили в тайге просеки, ставили ЛЭП, пробивали тоннели, перекидывали мосты через реки, укладывали железнодорожное полотно.

Но они же и подписали приговор кабинетному идеалу — не согласились коротать свой век бобылями. Вслед за женихами в Сибирь потянулись невесты... Соответственно появились и семьи, а у семей — свои планы, связанные с этим суровым, но прекрасным

и щедрым северным краем. На конец 70-х приходятся особенно бурный рост самовольного семейного самостроя и настоящий взрыв надежд новобранцев Сибири на светлое будущее бамовских поселков.

— Отовсюду мы слышали: здесь будет красивый, удобный город с экологически безвредной промышленностью, город развитого туризма,— вспоминают ветераны Северобайкальска.

— Точнее: откуда слышали?

— Ну разве так скажешь!..

Это была легенда. Выдуманная самими людьми, которым очень хотелось во что-то верить. У «запланированных» бобылей и их верных подруг уже подрастала ребятня, и из европейской части страны были выписаны родственники, так как сидеть с детьми было некому... Наверно, когда-нибудь ученым будет любопытно разобраться во всех тонкостях бамовского мифотворчества. Меня же занимает пока только одна открывшаяся в этой командировке деталь: легенду о «голубых городах» из молодежных сновидений всемерно поддерживали... вербовщики Минтрансстроя. Однако сами-то они не обманывались.

Согласно генплану, разработанному в 1977 году и утвержденному правительством Бурятии, Северобайкальску никогда не суждено было стать городом. Ведомственное детище, он задуман как приузловой поселок железнодорожников с постоянным населением 14 тысяч человек. Плюс 5 тысяч «временных» строителей, которые, видимо, представлялись тогда транспортному министерству чем-то вроде кисломолочных бактерий — превратив молоко в кефир, те дружно самоликвидируются. Именно так. Никакой серьезной альтернативы для десятков тысяч рабочих и членов их семей на готовой трассе от Байкала до Амура не было запланировано. Нет ее и сегодня. Несмотря на то, что население уже превысило расчетную цифру вдвое, Северобайкальск все еще «развивается» по худосочному генплану двенадцатилетней давности.

Глубоко переживают сложившуюся ситуацию не только рядовые жители Северобайкальска. Об этом же с болью говорят секретарь Северобайкальского горкома партии Владимир Нехланов, председатель горисполкома Владимир Бодров, председатель дорпрофсожа Герой Социалистического Труда Александр Бондарь, председатель городского женсовета Екатерина Корытова.

И какой видят выход? Срочно обустраивать город, создавать новые рабочие места. А для этого пригласить застройщиков со стороны (богатые министерства найдутся, только выбирай!) и уже с позиции власти диктовать им свои условия, развивать инфраструктуру бытового и медицинского обслуживания, культуры и отдыха. Иначе говоря, сделать наконец северобайкальскую сказку былью.

Что же мешает? Пусть это не покажется несерьезным, но всего-навсего существование прямо противоположного мнения: город (как бы поточнее выразиться?) вообще «упразднить».

Последней на моей памяти атакой противников Северобайкальска стало опубликованное «Правдой» в июле прошлого года выступление председателя байкальской комиссии Всероссийского общества охраны природы О. Гусева. Смысл его в том, что для Байкала — сокровища мирового значения — такое соседство опасно. Экологическая обстановка уже ухудшилась: в озеро выносятся грязь и мусор, в атмосферу — газы из примитивных, поставленных на скорую руку котельных, а стихийная ведомственная застройка теснит тайгу... Дискуссионная форма вывода «Нужен ли город у Байкала?» не введет читателя в заблуждение. Гусев уверен: не нужен. Куда же в таком случае денутся его жители? Об этом в выступлении ни полслова. Зато совершенно определенно высказался при нашей личной встрече известный в Бурятии литератор и тоже автор статей о Северобайкальске Владимир Митыпов:

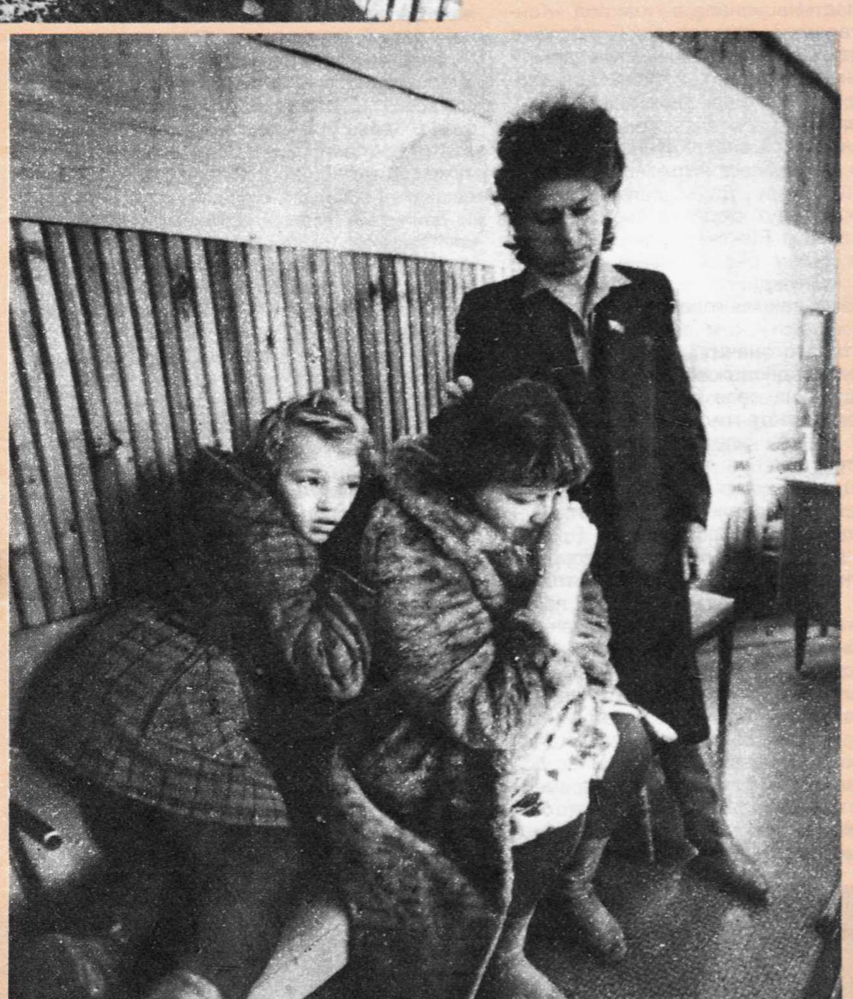
— Трасса большая, места хватит... Или пусть возвращаются туда, откуда приехали. Пора и честь знать. Думаю, уникальность Байкала оправдала бы любые, самые твердые решения.

Даже если сделать скидку на особую, видимо, писательскую эмоциональность в определении судьбы 40 тысяч северобайкальцев, которые трудятся и сидят за школьными партами, нянчат детей и бегают по магазинам, радуются, горюют и мечтают, даже если на секунду представить себе трудновообразимое — их «твердое» и «решительное» перемещение в неведомую даль (впрочем, такие примеры в истории страны были) — все равно эта позиция выглядит более чем странной. Удивляет уже само противопоставление уникального, живого озера таким же живым и не менее уникальным людям, противопоставление явно надуманное, которое свидетельствует, по-моему, о смещении нравственных понятий. Да и по сути оно неверно. Если вдуматься, факты говорят о другом, реальном и типичнейшем для всего строительства Байкало-Амурской магистрали (и, шире, для всех наших новостроек) конфликте. Природного, устоявшегося, прекрасного — и скоропалительного, безобразного и губительного, что неизбежно несет природе хозяйственник-«покоритель». О конфликте разума и нахрапистого варварства. О конфликте, в котором разум может и должен победить.

Все мы любим Байкал, сегодня это уже не доблесть. И в принципе желали бы оставить его в первозданной чистоте, краем непуганых птиц, зверей и туристов. Город здесь лишний. Маленький, большой, всякий. Но он с у щ е с т в у е т, вот в чём штука! Он существует, если, конечно, судить об этом не по канцелярским отчетам о наличии капитальных построек и мощеных тротуаров, а по жизни. И он утвержден вовсе не соответствующим государственным указом, который как раз «упразднить» легче легкого, а волей своего многочисленного и теперь уже постоянного населения. И с этим нельзя не считаться. Поэтому вопрос может стоять только так: к а к о й город нужен у Байкала?

Именно так поставили его год назад члены Государственной экспертной комиссии при Госплане СССР, именно его обсуждали и участники проходившей не так давно под Иркутском всесоюзной социально-экологической экспертизы «Байкал». Ученые, специалисты народного хозяйства, активисты общественного природоохранного движения пришли к единодушным выводам. Ограничить население Северобайкальска его естественным приростом? Да. Построить здесь более мощные очистные сооружения? Конечно. Запретить размещение каких бы то ни было промышленных предприятий, загрязняющих окружающую среду? Нет сомнений. Но в то же время обязательно и как можно скорее создать нынешним северобайкальцам нормальные условия для жизни и работы, прежде всего в туристическом сервисе, на предприятиях коммунального, бытового, медицинского и культурного обслуживания.

Что же до «старого города» — этой мозаики ветхих хижин и открытых помоек, пыльных улочек и чадящих котельных, то он должен быть обречен. И не только потому, что враждебен Байкалу. Прежде всего потому (не забудем об этом!), что отнимающие здоровье и унижающие человеческое достоинство трущобы враждебны самим своим обитателям. Где бы они ни были: в Северобайкальске или в других бамовских поселках. «Беда всех принятых до сих пор постановлений и программ по освоению зоны БАМа и региона озера Байкал в том,— отметила в одной из дискуссий руководитель методологической группы программы «Сибирь», кандидат экономических наук Инесса Кузнецова,— что человек оказался социально не защищенным. Выпал из схемы, как птенец из гнезда. А ведь это неправильно». Да, так уж сложилось, что те же северобайкальцы — частичка БАМа, частичка легкоранимого побережья «священного моря» — никогда не определяли и вряд ли когда-нибудь смогут в одиночку, самостоятельно определять свое будущее. Для этого необходим серьезный экономический, экологический и социальный анализ. И все же последнее слово должно оставаться за местными жителями. Ведь чем скорее всем нам удастся справиться с уродливым наследием ведомственной диктатуры, тем лучше станет — и Озеру, и Человеку.

**Он пришел к нам в редакцию.
Устало опустился в кресло.
Сказал:
— Я готов сказать все.
Наболело.
Ведь, по сути дела,
многие из нас давно
в осаде.**

В ОСАДЕ

**Дмитрий ЛИХАНОВ
Игорь ГАВРИЛОВ (фото)**

***Е**му немногим более за тридцать. Было время — вращался в среде так называемых «цеховиков», организовал собственное предприятие. И поскольку в то время подобное, мягко говоря, не приветствовалось, мало того — каралось беспощадно не только духом и буквой закона, но и всем общественным мнением, работать приходилось в «подполье», испытывать каждодневный страх и ненужность собственной стране. Это теперь он открыл кооператив и, может быть, только впервые почувствовал, что все же живет не зря. Но проблемы остались. Равно как и страх. Именно поэтому он попросил не называть своего имени.*

— Чего же ты все-таки боишься? Ведь, казалось бы, с «подпольем» покончено. Деятельность вашего кооператива вполне легальна. Всячески наравне с другими приветствуется государством. В чем же дело?

— Дело в рэкете — уголовном и государственном.

Понимаешь, в нашей стране всегда были люди, которые считали Остапа Бендера своим папой. Что я имею в виду? Да то, что блатных постоянно интересовали те, кто имеет много денег. И они всегда старались эти деньги отнять. В том числе и у кооператоров.

— Но по порядку. Возможно ли, хотя бы очень приблизительно, определить время появления рэкета в нашей стране?

— Смотря что под этим подразумевать. Если сейчас уже можно говорить о рэкете по отношению к государственным служащим и государственным предприятиям, то по отношению ко всевозможным «кидалам», «ломщикам» и проституткам рэкет существует ровно столько, сколько существуют они. Все они платят дань с первого дня. С тех пор как существует подпольный бизнес, существует и рэкет.

Потом ситуация изменилась. В связи с закрытием «Березок» высвободилась масса ничем не занятого жулья. Ведь «ломкой» чеков у нас занимались тысячи граждан. Остались без дела множество мелких спекулянтов. Их тоже была тьма-тьмущая. Основная часть этих людей привыкла к хорошему заработку. Но на завод никто из них никогда не пойдет. И на стройку не пойдет. И пусть он хоть пятнадцать раз отсидит в тюрьме, все равно обойдет завод стороной. То есть это были внезаконные торговые люди. И лишь только появились проблемы с заработком, все они бросились в наперстки, рэкет и прочее. А тут — как бы сошлось — начали открываться кооперативы. Ну и вцепились они в них мертвой хваткой.

— То есть рэкетиры обложили их налогом почти сразу же. Так получается?

— Кооперативы общественного питания — да. Во всяком случае, наш кооператив попытались поставить под контроль, когда от роду нам было всего пять месяцев.

— И как это происходило?

— Ну, как? Гражданин незамысловатой наружности подошел к нашему продавцу и сказал, что если завтра она не принесет две тысячи, то он и ее, и семью... Но мы сумели себя оградить от этого. Пригласили знакомого. И он их поставил на место. С тех пор все нормально. Но, во-первых, я не считаю, что это надолго, а во-вторых, это не самая лучшая защита.

Вообще хочу подчеркнуть: в первую очередь от рэкета пострадали и будут страдать торговые и общепитовские кооперативы. Они на виду, у них наличные деньги. Если ко мне придет чужой человек, это будет заметно, а если через кафе в течение дня проходят тысячи людей — как можно знать, кто из них принес нож или бомбу и зарежет тебя сейчас? Ну как? Значит, надо на каждый кооператив посадить трех милиционеров с пистолетами? И то надо быть уверенным, что они не войдут в сговор...

Словом, по моим сведениям, под контролем рэкетиров находятся почти все кооперативные кафе и рестораны, многие швейники, торговые лавочки, но если дело пойдет так и дальше, они возьмут под контроль все кооперативное движение. Без преувеличений.

— Я в этом тоже не сомневаюсь. Как-то раз сходил на Рижский рынок, и показалось, что там уже давно все куплено-перекуплено, какие-то странные типы разгуливают...

— На Рижском платят все до одного. Но, как я считаю, там в основном процветает махровая спекуляция: сигареты, презервативы, спиртное, заграничная одежда, может быть, оружие и наркотики.

— А цены?

— Сигареты — десять рублей пачка. Бутылка виски — сорок, пятьдесят, икра там продается за тридцать рублей баночка, презервативы — двадцать пять рублей.

— Я слышал, и женщин там продают.

— И женщин. Женщин продают везде — под «Националем» или под «Континенталем» — там совершенно особые проститутки, они на советские деньги не очень-то и гуляют. А тут — для массового потребителя. Прямо на рынке. Как картошку.

Что касается индивидуалов? Знаете, первое время здесь были очень приличные заработки. Да и сейчас неплохие. Люди едут сюда со всего Союза, ведь слава о Рижском идет давно. Но вместе с тем очень многие мои знакомые вынуждены были отсюда бежать. Они, как мы говорим, просто «попали».

— Что это значит?

— Ну, предположим, индивидуал какой-нибудь на свои деньги пошил десять брюк и потратил на все это триста рублей. Он сам купил машинку, материал, затратил свой труд и отправился его продавать. А в результате к нему подошли и сказали: «Дай пятьсот». Он отказался. У него все отняли. Просто отняли и ушли. Избили. Это чаще всего. Если он, допустим, платит эти пятьсот рублей, то в следующий раз могут прийти другие и тоже потребовать деньги. Там приходят любые. На Рижском — беспредел.

Кроме этого, они еще платят за место. Но для того, чтобы его купить, нужно встать в шесть утра, занять очередь, ведь желающих попасть сюда достаточно много. Там — свое. Например, продают очередь. Не знаю, как это получилось, но теперь на Рижском стоят практически одни и те же люди.

Ситуация такова: приезжать сюда нет никакого смысла. Это я слышал от очень многих людей.

— И кто же контролирует Рижский рынок сегодня?

— Я слышал ряд имен. Долгопрудненские ребята. Люберецкие. И они представляют серьезную силу. И я уверен, что Рижский в конце концов кто-нибудь завоюет. Кто сильнее, тому он и будет принадлежать.

— А как в остальных местах?

— Ну, например, Лужники. Я не знаю, чья это была команда. Пришли, непокорных запугали, побили. И в итоге платили все. По тридцать рублей с человека. Помножьте на сорок. Тысяча с лишним стабильных рублей. Ежедневно!

— Кстати, о доходах. Я, честно говоря, даже представить себе не могу, какими цифрами оперируют рэкетиры. Ведь если в стране несколько тысяч кооперативов...

— Да, да. Цифры шестизначного порядка или близкие к тому. Приведу один пример. Под конец, когда «Березки» начали закрываться, появились спецмагазины для афганских ветеранов. Цены повышались как на телевизоры, так и на видео. И вот один мой приятель, в прошлом «ломщик», решил немножко ударить по спекуляции. В «афганской березке» было получено триста телевизоров. Он был в первой пятерке. И телевизор взять не смог. Все забрали бандиты.

— Они что, перекупали очередь?

— Нет. Просто зашли и взяли. Они там делали все, что хотели. Их очень много, и они очень большие. Как говорил мне приятель, они просто выкидывали инвалидов из магазина. Людей без ног просто выкидывали. Они звери!

Так вот, как я уже сказал, было получено триста телевизоров. И эти телевизоры перепродавались тут же, под «Березкой». Восточным людям — полторы тысячи чеков сверху, москвичам — тысяча. Вот и прикиньте: триста телевизоров — триста тысяч чеков. И если брать по минимуму, по полтора рубля за чек — четыреста пятьдесят тысяч рублей. В день. Даже если рэкетиров много, все равно есть что делить. И есть за что подставлять голову. Понимаешь?

— Вот ты говоришь — люберецкие ребята, долгопрудненские. Почему именно они? И только ли они составляют ряды рэкетиров? Вообще каково оно, лицо рэкета? И сколько людей в него вовлечено — сто, а может быть, тысяча человек?

— Не сто и не тысяча. Я считаю, что гораздо больше. Это особенно заметно в Москве, потому что сюда съезжаются со всего Союза. Москва — огромный город. Здесь можно затеряться. Годами жить без прописки, годами ездить на чужих автомобилях, и, если ты не будешь очень нарушать правила дорожного движения, все обойдется, в крайнем случае можно попробовать откупиться. Какое бы ты нарушение ни совершил. Так что при таких условиях, как я себе представляю, рэкетом в Москве занимается несколько тысяч человек. Рэкет, конечно, существует везде, но в Москве он приобрел наибольший размах. Как мне говорил один человек, в Люберцах он может собрать за час 800 человек. Я долго думал — каким образом? Да, оказывается, очень просто. Достаточно обзвонить спортивные залы. А в Люберцах их полно.

Я видел этих ребят. Видимо, ехали куда-то на «сходняк». На них страшно смотреть! Все здоровые, высокие, шеи — вот такие! Это люди, которые по команде «фас» просто разорвут в куски.

Но главные — это не исполнители, безжалостные и недалекие. Девяносто процентов даже не представляют последствий и не понимают, что делают. Им заплатили тысячу, и они ее отрабатывают. Все дело в организаторах.

— Мы подошли к важному, на мой взгляд, вопросу. Как относятся к рэкету лидеры преступного мира:

все эти блатные, воры в законе, «авторитеты»?

— По их понятиям, вор в законе не должен заниматься вымогательством. Это унижает его, дискредитирует, это несовместимо с «кодексом воровской чести». Но сейчас, как мне известно, они не брезгуют ничем. Может быть, какая-нибудь элита воров и не связана с рэкетом, а занимается получением дани, но уже с воров. Не знаю. Все понятия сместились.

— А как ко всему этому относится зона?

— Ну вот недавно пришел человек оттуда, рассказывает, что-де в колонии только и разговоров, что о кооперации. Не в том смысле, чтобы там работать, а в том, чтобы ее придушить. Там ведь ребята беспредельные, и поэтому отряды рэкетиров, без сомнения, будут пополняться за счет уголовников. Однако дело даже не в них. Наоборот, рэкет со временем сделается — ну, как бы это сказать?— утонченным, что ли — без крови и мордобоя. Вот хотя бы один пример. Моему приятелю для производства курток нужен мех. И он стал искать на него выходы. Естественно, официальным путем ничего не нашел. На днях к нему приехал человек. Наверняка из какой-то команды. Так вот, все его предложения носили неофициальный характер. Допустим, он говорит: «Я могу тебе дать мех, но тот, который ты хочешь, стоит сорок рублей, а мы его оформим по двадцать». Ведь они очень умно действуют. Они будут искать всевозможные способы, чтобы на чем-то поймать, на чем-то защемить, зная прорехи в деятельности, попытаться на них сыграть. И если им это удастся, они будут получать деньги. Столько, сколько скажут. Если он умный — попробует войти в долю, если же глупый — попытается отнять все.

В самое ближайшее время начнется что-то невообразимое. В этом я абсолютно уверен. И вот почему. В конце года каждый кооператив имеет право взять из банка свою прибыль и разделить ее между собой, то есть выдать премию, кого-то поощрить и так далее.

Помяни мое слово, начнется что-то страшное. И они будут заставлять людей эти деньги снимать. Даже если человек захочет схитрить, оставить их, укрыть, все равно не позволят ему этого сделать. И я уверен, что для острастки они кого-нибудь убьют.

— И что же делать? Неужели нельзя дать рэкету отпор? Или все-таки можно? Взять хотя бы недавние события в аэропорту Внуково, где собрались частные таксисты. Кстати, что там произошло в действительности?

— Насколько мне известно, дело там обстояло так. Среди таксистов существуют выгодные места: Внуково, аэровокзал, автовокзал. Как правило, там собираются одни и те же люди. На собственных машинах. Договариваются с линейным контролем, чтобы их не трогали. И таким образом снимают выгодных пассажиров. Сейчас они взяли патенты. Так вот. Приехали туда рэкетиры и сказали: «Будете платить». В разных местах назначили разные тарифы. Цифры слышал всякие: от ста пятидесяти до трехсот. Ну, а таксисты — это не кооператоры, это другой народ. Они и монтировку могут взять в руки. Вот и решили дать организованный отпор. Около тысячи человек собралось во Внукове. Ну просто молодцы! Они вроде им так сказали: «Вы знаете наши машины, мы — ваши. Каждая наша сожженная машина обернется сожженной машиной у вас, каждый проломленный череп нашего человека отзовется проломленным и у вашего». Но, я думаю, рэкет не отступит. Их будут вылавливать по одному.

Вот приходят и говорят: «Будешь платить». Хорошо. Приходят другие: «Нет, будешь платить нам». Он говорит: «Ребята, разберитесь между собой. Я не могу платить всем». Но для того, чтобы совладать с одной бандой, ему нужно, чтобы его команда была сильнее. Значит, он будет собирать вокруг себя людей, крепить мощь, вооружаться. А если нанимать телохранителей, им тоже нужно платить. Только своим придется платить больше. И в то же время где гарантия, что ничего не случится с твоей семьей? Понимаешь, у кооперативов просто выхода нет. Они обязаны платить. Вот наш кооператив взять. Мы не воруем. У нас все идет официально. И нам негде взять деньги для уплаты рэкетирам. Нам их просто негде взять! Значит, для того чтобы платить, мы обязаны воровать. У самих себя. Значит, мы должны покупать «левую» ткань, нигде ее не оформляя, «полевому» шить и платить, то есть, если государство не сможет осуществить защиту своих граждан, это приведет к непредсказуемым последствиям. Многие кооператоры опять уйдут в незаконный бизнес, потому что законным становится заниматься опаснее.

И потому я просто убежден, что на Петровке необходимо создать специальное подразделение с правом стрелять. И если какой-нибудь рэкетир получит в лоб пулю, только тогда, может быть, они и задумаются. Я не жесток. Просто с людьми, которые занимаются насилием, нужно быть абсолютно безжалостными. И они ничего, кроме насилия, не понимают. И говорить по отношению к ним о гуманизме просто смешно. Кроме того, уголовник, который побывал в тюрьме, очень редко становится на путь исправления. И гуманизация общества не имеет к ним никакого отношения. Не должна иметь.

Кроме того... Хотя в Законе о кооперации и сказано четко, что это престижная работа, что она наряду с любой другой является почетной в Советском Союзе, но большинство людей, исполняющих волю государства, смотрят на кооперативы точно так же, как обыватели. И тот человек, который работает в отделении милиции, ничем не отличается от того, который подходит и говорит: «Сволочи, чем вы тут заполонили Москву!» И потому ему вовсе не хочется вступаться и рисковать своей жизнью ради того, чтобы защищать кооператоров.

На сегодняшний день положение удручающее, но завтра оно станет угрожающим.

В глазах большей части населения кооператоры — все равно что воры и бандиты. Кооперативы, мол,— это временно, кооперативы — это по чьему-то недосмотру. Никто не понимает, что это жизненно необходимо, что это единственно правильный путь...

— Иначе говоря, ты считаешь, что некоторые государственные служащие не поддерживают кооперацию?

— Более того, я просто уверен, что многие из них занялись рэкетом. Правда, так сказать, рэкетом официальным. Ведь как смотрит администратор на представителя кооператива? Первое, о чем он думает: как ему лично быть в этом заинтересованным. И чтобы скрыть свою личную заинтересованность, он приплетает еще и государственный интерес. Я совершенно ответственно заявляю, что сегодня кооператору ничего нельзя купить и ничего нельзя продать без взятки. Ничего. Понимаешь? Ты приходишь в магазин, чтобы купить ткань, которая, знаешь же, лежит здесь в избытке. Но ты хочешь купить пятьсот метров. Тут же объясняют, что тебе ее не продадут. И что решить этот вопрос может только директор магазина. И когда ты приходишь к директору, он говорит, что он ни в коем случае не продаст.

— Почему?

— Потому что он не продаст — и все, потому что ткани у него, дескать, мало и нужно всем, а всем не хватает. Но стоит только ему дать, сразу продаст.

Как-то раз я попробовал купить двести метров ткани и дошел до директора, и мне дали телефон торга, где сказали, что существует положение о том, что кооператорам не давать больше двадцати метров в руки. А что такое для кооператива двадцать метров, ну, что это такое?! Сказали еще, что для кооперативов выделены особые магазины, и дали мне адрес. У меня было очень мало времени, но я поехал в этот магазин. Говорят: ничего нет. А эта ткань, ею все было завалено, только что с фабрики привезли. Я не хотел давать взятку, из принципа не хотел. Потратил целый день, но эту ткань не взял. Пришлось брать в другом магазине.

— И опять же давать взятку?

— А что же делать? С тобой никто просто так не хочет разговаривать. Вы не подпишете ни одной бумаги, не получите ни единого кусочка ткани, ни обрывка нитки, ни единого станка. На моих глазах на одной фабрике разбили машины только потому, что не смогли договориться о взятке. Их разбили хозяева. Машины были списанные. Кооперативу они вполне подходили: мы бы их отремонтировали, они бы у меня еще сто лет работали. Но их уничтожили. А знаешь, почему нужно выкупать оборудование, почему не взять его в аренду? Я скажу. Потому что арендодатель, кроме тех процентов арендной платы, которые ему положено платить, хочет получать деньги. Как если бы это оборудование у него работало и приносило прибыль. Оно у него не работало и работать не будет, однако он хочет иметь навар. Это же чистое ростовщичество! И ведь это сплошь и рядом.

А нитки возьми. Их нет. И оптом их никто не хочет продавать. В свое время я купил на фабрике все нитки. Они им были вообще не нужны. Но ведь они меня замучили взятками. Если раньше надо было платить одному директору, то теперь и его заместителю, и главному инженеру, и начальнику планового отдела, и главному бухгалтеру. Иной человек, который никогда не брал взяток, лишь слышит слово «кооператив», как ему хочется получить. А где взять эти двести, триста, пятьсот, тысячу рублей? Значит, нужно где-то приписать, своровать.

— То есть у вновь созданного кооператива расходы превышают доходы?

— Безусловно. Взятка укоренилась настолько, что порой даже страшно становится. Настолько это обыденно! И это никого не удивляет. Я, например, когда даю взятку, стараюсь, чтобы никого вокруг не было, чтобы никто не видел. А многие даже не оглядываются. Вытащит из кармана деньги и при всех отдает. Да еще пересчитает. Словом, мечта о честном бизнесе, которая забрезжила с зарождением кооперативного движения, уже умерла. Нет четкости. Ее не обеспечивает Закон о кооперации. Ибо в нем нет главного: вот это можно, а это нет. Возьмите любую статью закона — ее можно толковать, как угодно.

Вот вчера я был в банке. Мне очень нужна ссуда. И от банка поступило три предложения. Они дадут ссуду только в том случае, если будут участвовать в прибылях — пятнадцать процентов вынь да положь. Второе предложение: сто пятьдесят рублей в месяц. И третье предложение: от пяти до десяти процентов от ссуды. И это помимо обязательного погашения долга, помимо тех процентов, которые мы в любом случае заплатим государству. Правда, за это нам обещают какие-то мифические услуги в виде консультаций. Мне не нужна консультация, но в противном случае они не дают ссуду.

А районные власти? Сколько от них хлопот! Зарегистрировать кооператив сегодня достаточно просто. Но ведь потом вы сталкиваетесь с райисполкомом тридцать восемь раз на дню. Нужно получить разрешение в санэпидстанции, у районного пожарника, у архитектора. А они говорят, что этого сделать нельзя. Но... можно.

Да что говорить! Если ты вдруг сталкиваешься с человеком, который ничего не хочет и подписывает нужную для тебя бумажку, то для меня, например, это потрясение на целый день. И я не понимаю. И я ищу, что же он такое хочет, что я не понимаю, где искать подвох?

Пока еще к этому, слава богу, не причастна милиция. И то потому, что им не разрешили проверять. Но как только такое право дадут, боюсь, у нас появится еще одна статья расходов.

— И что же делать?

— Не знаю. Я считаю, что этим должно заниматься государство на самом серьезном уровне. Прежде чем создавать кооперацию, нужно было организовать оптовый рынок, нужно было досконально продумать вопросы снабжения кооперативов и вопросы реализации готовой продукции.

Я вам совершенно откровенно говорю, что если бы раньше знал, какие все это приобретет последствия, я бы и не начинал. Жил бы себе тихонечко...

Не хочется бояться. За семью, за ребенка, за себя, за дело. Значит, придется вооружаться. Мне предлагали оружие, но духа не хватило. Но если будет сейчас такая возможность, куплю пистолет...

Комментарий начальника отдела по борьбе с посягательствами на личную собственность граждан Главного управления уголовного розыска МВД СССР подполковника милиции Алексея Александровича Плешкова.

Конечно, приведенные в интервью факты требуют дополнительной проверки. Хотя высказанное в интервью — может быть, и несколько эмоционально — беспокойство хорошо нам знакомо. В самом деле, уголовный розыск страны в последнее время все чаще и чаще сталкивается с фактами вымогательства в отношении кооператоров. И хотя проблема рэкета в таких масштабах встала перед нами не так давно, поначалу мы даже не очень себе представляли, как с ней справиться, однако это ничуть не умаляет ее значения. Наоборот, заставляет предпринимать решительные шаги. За одиннадцать месяцев минувшего года по фактам вымогательства возбуждено более ста уголовных дел. Согласен, самих фактов гораздо больше, однако это объясняется тем, что далеко не все потерпевшие от рэкета кооператоры обращаются за помощью в органы внутренних дел. Некоторых сдерживает страх за себя и свою семью, иные сами связаны с незаконными махинациями и потому им просто невыгодно привлекать к себе внимание органов. На это, собственно, и рассчитывают рэкетиры. С другой стороны — и это нужно признать со всей очевидностью — несовершенно само уголовное законодательство, а статьи по вымогательству фактически бездействовали.

Не так давно Министерство внутренних дел СССР совместно с Прокуратурой РСФСР вышло в Президиум Верховного Совета России с предложением по дополнению 95-й и 148-й статей Уголовного кодекса РСФСР в плане усиления ответственности за вымогательство.

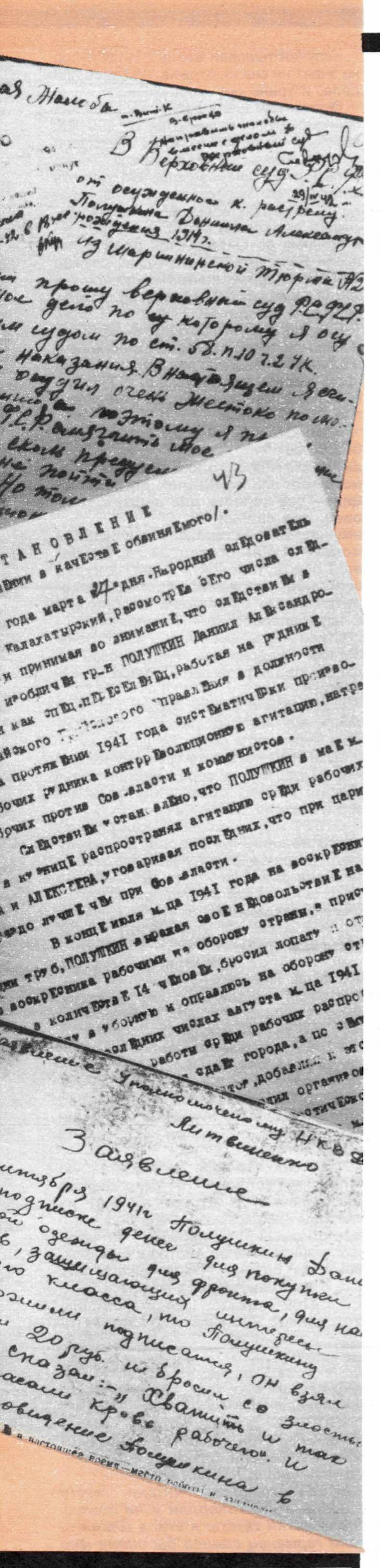
Кроме этого, в борьбе с организованной преступностью и рэкетом, в частности, может сыграть положительную роль расширение доказательственной базы и приобщение в качестве вещественных доказательств видео-, фотоматериалов, а также магнитофонных записей. Необходимо, как нам думается, сократить до минимума сроки досудебной проверки заявлений от граждан. Это позволит оградить потерпевших и свидетелей от давления преступников. Все это, как нам кажется, в конечном итоге будет способствовать решению столь острой проблемы.

Но вот что хотелось бы подчеркнуть особенно. Без гражданского мужества, без четкой позиции людей решать ее уголовному розыску в одиночку будет тяжело. Поэтому позволю себе обратиться ко всем кооператорам. При первой же попытке вымогательства обращайтесь к нам.

МАТРЕНИН

В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ» ОТМЕЧАЕТСЯ, ЧТО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ, ЮРИДИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИОБРЕЛО СЕЙЧАС ОГРОМНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ПОСТАНОВИЛ ВНЕСТИ НА РАССМОТРЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПРЕДЛОЖЕНИЕ — ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ АКТОМ ОТМЕНИТЬ ВНЕСУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ ДЕЙСТВОВАВШИМИ В ТО ВРЕМЯ «ТРОЙКАМИ», «ОСОБЫМИ СОВЕЩАНИЯМИ». СЧИТАТЬ ВСЕХ ГРАЖДАН, КОТОРЫЕ БЫЛИ РЕПРЕССИРОВАНЫ РЕШЕНИЯМИ УКАЗАННЫХ ОРГАНОВ, РЕАБИЛИТИРОВАННЫМИ.

ГРЕХ

Само это слово — донос — не из других языков заимствовано, а собственным отечественным опытом нажито. Выношенное, выстраданное, оно и сейчас в разряд «устар.» не отнесено (в отличие, скажем, от понятия «сестра милосердия»).

Государственная машина репрессий, созданная, отлаженная и безотказно действовавшая в печально памятные годы, опиралась на Донос. Как это было?

Замира ИБРАГИМОВА,
Илья КАРТУШИН.

Помянем никому не известную сибирскую крестьянку Матрену Чучалину, которой в этом году исполняется девяносто лет. До юбилея такого доживают единицы, а грешной Матрене мудрено было уцелеть среди безгрешных соотечественников, понимавших «донос» как усердное служение государству.

Отпустим Матрене Чучаловой великий ее грех. Отпустим грех всем миром — и скорбью, и стыдом за себя повинимся перед Матреной и ее потомками за бред и ересь случившегося с нею.

Дело Матрены Чучалиной обнаружено нами в архиве Новосибирского областного суда. Среди других, на него похожих. Серым этим потрепанным папкам со зловещим фиолетовым рукописным клеймом — «обвиняется по ст. 58-10 ч. 2 УК» — место, по-видимому, в хранилищах другого ведомства, того, что специализируется на обеспечении государственной безопасности. Но волею неведомых нам обстоятельств они здесь, рядом с тысячами историй про заурядные человеческие грехи; три десятка папок с судьбами «политических» преступников. Нет среди них знаменитостей — ни маршала, ни партийного деятеля, ни режиссера, ни поэта... Откатчица Ульяна Ерохина. Кузнец Митрофан Артамонов. Молотобоец Даниил Полушкин. Колхозница Матрена Чучалина... Ни громкого имени, ни «показательного» процесса. С крамольниками из «великих» роднит этих «рядовых тружеников» разве что участь — тюрьма, лагерь, венец муки — неведомо где безымянная могила.

Этих-то, «маленьких», за что?

Дело Матрены Чучалиной содержит 68 документов. Следствие начато 17 июля 1941 года, окончено 10 марта 1942-го. Приговор Матрене вынесен 22 июня 1942-го.

Идет война. Ее первый внезапный и страшный год. На многих пограничных заставах полностью погибает личный состав. Враг захватывает территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, значительную часть Украины, почти всю Белоруссию, Молдавию, вторгается в западные области Российской Федерации, выходит на дальние подступы к Ленинграду, угрожает Смоленску и Киеву.

Советский Союз в смертельной опасности.

А в глубоком сибирском тылу следствие и прокуратура днем и ночью разматывают преступление деревенской бабы. Тьма служителей Закона одиннадцать месяцев занимается преступлением «рядовой колхозницы» колхоза «Новостройка». Чем же она так напугала Государство, беспаспортная и неграмотная Матрена Макаровна Чучалина, не умеющая даже расписаться в протоколе допроса?

Допросу предшествует донос. Под цифрой «2» вшита в дело маленькая неопрятная бумажонка (все документы воспроизводятся нами в их первозданной стилистике и орфографии). Читайте:

«Следователю Кузнецкого района от Коревиной Марии Николаевны

Заявление

8/VII-41 года мне то как будь-то Чучалина Матрена говорила на поле что хотя бы скорей перевернули советскую власть мы бы еще помолились. Мне сказали Манахова Анастасия Яковлевна. Сарина Мария Федоровна и Мельникова Екатерина. Ксем МН Кореви...»

16/VII-41 г.

Коротко. Короче некуда.

О заявительнице судить мы можем только по этому бумажному лоскутку в несколько строчек. Далее в деле Коревина больше не появляется. Лаконизм «заявления» и его несомненная информативность — преступление обозначено, свидетели названы — говорят об авторе как о человеке, искушенном в законах «жанра». О мотивах доносительства остается догадываться: жениха ли когда не поделили Мария и Матрена, ребятишки ли их подрались между собой, сами ли бабы повздорили или грамотная Мария действовала в порыве исключительно гражданского возмущения образом мыслей темной Матрены?

На эти вопросы дело № 27 нам не отвечает. Зато силу извета демонстрирует с убийственной наглядностью.

Документ № 1 — рукописное «ПОСТАНОВЛЕНИЕ» — гласит:

«1941 года июля 17 дня, нарследователь Кузнецкого района Сесов, рассмотрев заявление Коревиной М. И. и приняв во внимание что из данного заявления усматривается что гр. Чучалина Матрена проживающая в колхозе «Новостройка» Жерновского с/исп. занимается контрреволюционной агитацией среди колхозников, а поэтому на основании ст. 91 п. 1 и 96 п. 3 УПК

Постановил:

Возбудить уголовное преследование против гр. Чучалиной М. по признакам ст. 58^{10} ч. 2 УК РСФСР.

Нарследователь АМСесов».

И решительный автограф прокурора Шадрина — «согласен»!

Суток, наверное, не прошло после встречи следователя с заявительницей, а машина преследования крутится на полные обороты. Обнаружен враг — есть работа! Да какая напряженная! В этот же день, 17 июля, следователь Сесов допрашивает семь (!) свидетелей, получает от председателя колхоза характеристику на Матрену Чучалину, допрашивает обвиняемую, сочиняет три постановления, в том числе об избрании меры пресечения и о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Двенадцать документов датированы одним днем. Следующим после доноса.

Такая горячка — с чего бы? Или засиделся следователь без работы и счастлив, что она появилась? Или, напротив, работы так много, а вина Матрены так очевидна, что и дня хватит на решение ее судьбы?

Может, легкостью успеха и пленило Сесова дело Матрены? Может, была бы плаха, а голова всегда найдется?

И — доносчик. Без него, родимого, с чего начинать?

Доносчик и следователь — первые два человека в цепочке, петлей в конце концов захлестнувшей жизнь Матрены.

Коревина почему-то настрочила донос. Сесов почему-то ухватился за него с невероятным служебным рвением.

Первые, но — не последние.

Документ № 3 — «Произвотствиная храстеристика на члена к-за Новостройка жерновского с/с Кузнетского раиона. На Чучалину Матрену М.» — сообщает:

«Чучалина Матрена М. до 1933 года жила единолично посоц происхождению из крестьян. Середняков. По религиозности староверы тоисть подеревенски кержаки в масовую коликтивизацыю в 1929—1930—1931—1932 год вколхоз невступал. И вступал в 1933 году Новостройка. Т. Чучалина до 1941 года кработи относилась плохо ежигодно выробатовала менше 100 трудодней мативируя много семейностью... в 1941 году т. Чучалина наработу стала выходить больши новсежи имеюца невыходы наработу во пчественной работи неучаствола так как получали пособия помного семейности но в потписки назаем всегда отставали от перидовых и ни какие нанее масовой работы недействоли Ксему подписуимся

Предправления Бедарьков
Считовод Монахов».

Два этих «писателя» очень хотели угодить следователю. С правописанием скверно, но азы политграмоты усвоены — хорошо знают, каких сведений о преступной Матрене ждет от них Государство. Портрет по заказу. «Храстеристику» и прочесть-то нелегко, но Сесова, вероятно, это не смущает. Разоблачается антисоветская сущность Матрены, и всех, кто будет после Сесова знакомиться с делом, не смогут не убедить леденящие верноподданную душу подробности: Матрена — из староверов, энтузиастом коллективизации не была, отстает от «перидовых» и в работе, и в подписке на заем... Грамотная, грамотная бумага, а что писать мужики не умели, велика ли беда... Сесов и сам не из «ученых».

И далее проходит перед нами череда свидетелей — «женщины-колхозницы», деревенские бабы, и ровесницы Матрены, и в дочки ей годящиеся, уроженки тех же мест, по житейскому наделу такие же российские страдалицы, как и сама Матрена. Почти все они, как и Матрена, не могут ни прочесть, ни подписать протокол допроса, но каждая говорит с Государством на языке высокой политической сознательности. Торопятся, осудив Матрену, сообщить о собственной правоверности.

Вот Матренина родственница («обвиняемой сношейница») Мария Чучалина показывает:

«13 июля 1941 года мы пололи просо на участке Чучалиха, во время отдыха разговаривали об войне и здесь якобы Чучалина Матрена сказала, что перевернулась бы Сов. власть мы бы богу помолились, зажили постарому здесь женщины и стали наговаривать. Я услыша это что ее ругают но не слышала ее речей и поднялась тоде стала говорить ей что ей государство помогает по мнодетности и так не скажет даже пятилетний ребенок и говорила ей что за ей повторяется уже второй раз т. к. есть слухи что она это же говорила в культурном стане где лично я не была...»

Весомая добавка к доносу Коревиной — второй случай «контрреволюционной агитации» за Матреной!

Дальше — больше. Перед следователем — самая молодая свидетельница, четырнадцатилетняя Маша Сарина. Она лучше помнит, что было в поле:

«В поле Монахова Анастасия читала газету и сказала что фашисты борются, чтобы небыло советской власти, тогда Чучалина Матрена сказала, чтобы этой советской власти не стало, были бы попы, я бы еще богу помолилась...»

Еще интереснее для следователя воспроизводит картинку шестнадцатилетняя Екатерина Мельникова. Юная Катя, наверное, преисполнена важностью происходящего, собственным значением в разоблачении вражеского нутра Матрены. Юная Катя, наверное, очень старается...

«Когда почитали газету о войне с Германией, то колхозница Чучалина Матрена Макаровна сказала хотя бы наши сдавались немцам, власть бы к ним перешла и были попы, мы бы еще богу помолились, может быть лучше бы стали жить».

В этих показаниях чей-то красный карандаш решительно выделяет строчки «хотя бы наши сдавались немцам, власть бы к ним перешла, мы бы еще богу помолились».

Грех Матрены обретает зловещие черты «пораженческих настроений».

Семь свидетелей — ни одного слова не то что в оправдание Матрены, хотя бы в отказ участвовать в ее обвинении. Хотя бы одно «не знаю», «не слышала», «не помню». Нет — увы! — все слышали, все помнят, все уточняют.

Что же это за состояние угодливой покорности, убивающей все остальное — здравый смысл, чувство юмора, жалость, наконец, к «многосемейной» Матрене, которую, как они должны были понимать, не ждет ничего хорошего, коль скоро попалась она на крючок Государства? Едва ли следователь Сесов дошел до пыток — уж больно оперативно расследуется донос, стремительно принимаются решения. Скорее всего свидетели сами, запуганно или преданно глядя на следователя, спешат выложить ему все, что он хочет от них услышать, а так как выложить-то особенно нечего, а на выдумку «про политику» они не горазды, то и варьируется на все лады одно и то же: «мы бы тогда богу помолились...» Про «сдачу немцам» девчонки вспомнили. Или все-таки вообразили? От страха и ужаса на свидании с народным следователем города Сталинска?

Неважно, вспомнили или вообразили. Важно, что сказали. Допросив свидетелей, Сесов тут же и постановил:

«Предъявить гр. Чучалиной Матрене Макаровне обвинение в том, что будучи не довольной на советскую власть вела контрреволюционную агитацию среди колхозников колхоза Новостройка».

Может, и в самом деле в конце полугодия «план горел» по врагам народа?

В избрании меры пресечения Сесов не колеблется — определяет Матрене «содержание под стражей при Ст. Кузнецкой тюрьме № 5». От доноса до тюрьмы — путь длиной в сутки. Может, и суток не случилось. Час события в документах не обозначен.

Матрена на допросе пытается защитить себя сама.

Сесов записывает — от ее имени:

«В предъявленном мне обвинении я виновной себя не признаю. По существу предъявленного мне обвинения показываю, что указанной агитации я не вела, а если что и говорила, то ни чего не помню, т. к. я не совершенна умом, т. к. меня разбивало громом и с тех пор я лишилась здравого рассудка. Когда и что я говорила я не знаю и не помню в виду того что у меня помешались мозга».

То есть Матрена «прикидывается дурочкой». Ее единственная возможность вырваться из капкана, железную хватку которого она уже не могла не почувствовать.

Но — Сесова не проведешь. Сесов — законник! — отвечает на Матренину хитрость новым постановлением. Он назначает «по данному делу судебно-психиатрическую экспертизу на разрешение которой» ставит следующие вопросы:

«1. Действительно ли гражданка Чучалина М. М. психически больна.
2. Может ли она отдавать отчет в совершаемых поступках и нести за них ответственность».

И «производство указанной экспертизы» поручает доктору Яворской и судмедэксперту Баранову.

И опять решительно «согласен» со следователем Сесовым прокурор Шадрин.

Не согласна со следователем однаединственная «дурочка» Матрена, но уже 19 июля врачи-эксперты наносят по Матрене разоблачительный удар.

«Акт освидетельствования гр. Чучалиной» гласит:

«При осмотре испытуемой симптомов органического поражения нервной системы не отмечается. Со стороны психики никаких отклонений от нормы отметить не удается, кроме низкого общего культурного развития.

Заключение:
1. Гр. Чучалина психически здорова, вполне отдает себе отчет в своих поступках и высказываемых мыслях».

Безжалостно сорвана маска «дурочки».

Но Сесову зачем-то понадобилось и заключение гинеколога. Может, в беременности заподозрил сорокатрехлетнюю Матрену? Как будто бы это обстоятельство остановило бы Машину от расправы с антисоветчицей... Тем не менее вшит в дело и крохотный талончик, извещающий всех любознательных участников охоты на Матрену, что у нее «со стороны женской половой сферы патологических изменений нет». (С неразборчивой подписью врача.)

Должны признаться, что нас потрясает видимость правозаконения в деле Матрены — после всего, что известно сегодня об Особом совещании, о тройках, «без следствия и суда» в одночасье решавших, жить человеку или нет, и, если жить, то как и где именно. И на следствие, и на суд не поскупилось для Матрены Государство, озабоченное своей репутацией «правового». Но эта безумная казуистика дела Матрены если в чем и убеждает, так в одном только — как далеко этому Государству до истинно правового.

Не сойдя за «дурочку», Матрена меняет тактику.

После экспертизы, в этот же день, она признается Сесову:

«...я действительно работая на прополке проса в июле м-це 1941 говорила женщинам после читки газеты что «господи дай замирения чтобы мы все собрались и помолились Богу» но что-бы советская власть скорее перевернулась, и что нам лучьше будет жить этого я женщинам не говорила об этом я хорошо знаю. Больше добавить ничего не имею».

Не столь уж низко «общее культурное развитие Матрены», если она способна — во имя спасения! — так переформулировать крамольное свое высказывание!

Но и это не помогает. Сесова, по-видимому, уже ничто остановить не может. К уловкам «врагов народа», вероятно, привык. 21 июля он сочиняет «Обвинительное заключение» по пятьдесят восьмой статье.

Универсальная 58-я... Какое простое и доступное всем и каждому средство уничтожения ближнего твоего! Знай лишь адресок, где только и ждут твоего доноса, а дальше дубинушка сама пойдет. И недели не прошло от извета Коревиной, а Матрена Чучалина в тюрьме, и дело ее передается в Новосибирский областной суд.

Все, кажется... На что надеяться Матрене? Предстанут перед судом те же перепуганные ли, идейно ли заряженные ее односельчанки, и, не глядя на Матрену, истово доложат Государству о великом ее грехе. Уж кто как сумеет, но каждая непременно скажет, что она Матрене «говорила», «предупреждала», «останавливала». И в «дурочку» суд не поверит — раскусили нехитрую Матренину хитрость шибко грамотные врачи, сами, наверное, перед следователем навытяжку стоявшие. На Бога только и остается надеяться Матрене. Молится, верно, по ночам в тюремной камере набожная Матрена, ибо не ведает теперь другого способа душу и облегчить и укрепить.

И... 6 августа Новосибирская облпрокуратура по спецделам вернула прокурору Кузнецкого района г. Сталинска Шадрину дело Чучалиной на доследование.

«Доследование»... Богу, верно, было все-таки не до Матрены. Иначе отыскал бы он среди железных винтиков неумолимой Машины хоть одного человека, способного с отвращением захлопнуть эту мерзкую хронику доносительства, воскликнуть себе: «Какой подлой чушью занимаемся!» и прекратить охоту за бедной бабой.

Или задача такая непосильна была в те годы?! А вот над секретом Машины, без закона и жалости перемалывавшей тысячи, десятки тысяч судеб, но вдруг на одной,демонстрирующей видимость правосудия, голову ломать и ломать. Для потомков старались? Или в областную прокуратуру эвакуировались столичные законники, перед которыми провинциалы тряслись и в грязь лицом ударить боялись?

Так или иначе, но заместитель и помощник облпрокурора по спецделам Назарюк и Хомутинников нашли, что следствие не установило, «когда именно, где, при каких обстоятельствах Чучалина проводила к-р агитацию», и потребовали в процессе доследования «проверить очные ставки между свидетелями», установить даты всех случаев «контрагитации» со стороны обвиняемой Чучалиной.

Отпускалось на доследование три дня!

Но только 27 августа (долго, видимо, ходили по инстанциям подобные государственные бумаги с грифом «секретно») принимает Шадрин постановление, в котором пишет собственноручно:

«Данное дело принять к своему производству, но учитывая, что свидетели проживают в 70 км от гор. Сталинска вызывать в прокуратуру отрывать их от полевой работы на 4—5 дней нецелесообразно, поэтому провести следственное действие с выездом на месте».

Тяжелейшее положение на фронтах. Ожесточенные бои на ближних подступах к Ленинграду, наши войска отходят к Днепру и Одессе. А прокурор Шадрин «сам» едет в деревню, сам допрашивает Иванову, Монахову, Пономареву, Чучалину — «сношенницу», сам проводит очную ставку между «несовершеннолетними» Мельниковой и Сариной. С одной стороны — будто и выяснение обстоятельств, и борьба за справедливость, но с другой — сколько же в этом цинизма!

Шадрин обязан вывести дело на уровень «доследования», но из этого ничего не получается. Новых свидетелей он не находит, а старые на десяти страницах повторяют одно и то же. Один, правда, новый документ Шадрин к делу присовокупляет — «Ведомость по учету трудодней с 6 июля по 9 июля 1941 г.» — все та же прополка проса. Но вражескую Матренину суть «ведомость» отражает слабо — против фамилии Матрены стоят два плюса и два минуса, на общем фоне — почти норма. С этой скудной добычей прокурор возвращается в город. Матрена сидит в тюрьме уже полтора месяца. На допрос к Шадрину ее привозят вечером 2 сентября. После тюремного ужина, очевидно.

Кипучая тыловая жизнь... И прокурор не знает ни сна ни отдыха, и конвой при деле, и транспорт занаряжен...

Форма протокола допроса у Шадрина принципиально отличается от бланка, который заполнял Сесов. Прокурор обязан знать об обвиняемой много больше, чем следователь. Он должен получить от нее ответы на девятнадцать анкетных вопросов (с подвопросами): не только происхождение, но и занятие до Октябрьской революции, после Октябрьской революции, служба в белых и других контрреволюционных армиях, к каким партиям принадлежала раньше и так далее.

Разумеется, ни партиям, ни армиям, а женской своей деревенской доле принадлежала наша Матрена, о которой из прокурорской анкеты узнаем мы немного больше, чем из лихорадочной скорописи следователя.

«Происхождение — из к-рн со слов бедняков
имущественное положение обвиняемого или его родителей до революции — две коровы, две лошади, пять овец, две свиньи
имущественное положение в данный момент — дом, огород, 20 га, 1 корова, 1 боров, теленок, 4 овцы, 12 курец
семейное положение, сколько находится на его иждивении малолетних и трудоспособных — 5 человек».

Стало быть, ребятишек у Матрены пятеро. Следователь и труда себе не давал расшифровывать «многосемейность».

И вопросы прокурор задает Матрене такие, до которых ретивый следователь в рьяности своей не дошел.

«ВОПРОС скажите обв. Чучалина кто на вас имеет серца издопрошенных по вашему делу свидетелей назовите ихние фамилии?

ОТВЕТ издопрошенных свидетелей както Иванову Пономареву Монахову Мельникову и Сарину жти свидетели на меня злые ни когда не были, но этих свидетелей подговорила чтобы они показали на меня что занимаюсь к-р агитацией Чучалина Мария Афанасьевна.

ВОПРОС от кудова вам известно, что ваша сношейница Чучалина М. А. выше перичисленных свид. подговорила, чтобы они ложно показали на вас, что вы вели к.-р. агитацию?

ОТВЕТ это мне из вестно из того, когда меня следователь у нас в колхозе допросил я пошла домой и просила Чучалину Марию, что? наверно утопили меня, то Чучалина мне ответила да мы оговорили и показали одно».

Кажется, прокурор добирается до житейских истоков «государственного преступления» и вот-вот вытянет из Матрены некрасивые тайны родственных отношений, и, несмотря на свою собственную малограмотность, трезво заключит: оговор — по причине семейных ссор из-за раздела родительского имущества, дурных характеров или злых языков. Пусть даже при этом «оговор» будет написан через «а»...

Не тут-то было. Спросил про «серца» — и сам, видно, не понял, зачем. И вновь упрямо гнет прямую линию преследования:

«ВОПРОС скажите что состороны женшин на этой прополке было говорено о войне сов. Союза с Германией, кто говорил и что вы говорили?

ОТВЕТ женшины читали газету о войне и что говорили я не помню, после читки газеты я стала говорить если германец сделал бы снами мир мы бы помолились богу и стали бы снова жить лучше, а больше я ничего не говорил».

Сто двадцать минут беседы прокурора с Матреной кончаются все тем же «заеданием пластинки»:

«ВОПРОС обв Чучалина следствиями установлено, что вы как на первой прополке, а также и на второй говорили хоть бы сов. власть перевернулась нам жить стало бы лучше стали бы снова попы и мы бы еще помолились богу?

ОТВЕТ нет этого я отрицаю я не говорила».

За Матрену под протоколом кто-то расписался, Шадрин размашисто расписывается сам.

Изрядно потрудившись, с чувством, вероятно, выполненного долга 25 сентября Шадрин принимает постановление об окончании следствия. Дело направляется к прокурору Новосибирской области «для придания суду».

Все?!

О, нет. Дело Матрены не устает поражать правозаконным крючкотворством. Перипетии следственного сюжета непредсказуемы. И чем только заслужила Матрена такое особое внимание Государства к рядовой своей крамольной персоне? Или Шадрину в области не доверяют?

Зам. облпрокурора по спецделам Назарюк вновь возвращает дело «на расследование» и предлагает Шадрину направить Матрену в Томскую психолечебницу на психиатрическую экспертизу, «так как произведенная экспертиза не-утвердительно дала заключение о вменяемости Чучалиной».

Судьбу Матрены, томящейся в тюрьме уже три месяца, вершат секретные бумаги, не очень-то быстро путешествующие по инстанциям. Постановление об отправке Матрены в Томск Шадрин принимает 20 октября. А «Акт судебно-психиатрической экспертизы», подписанный группой томских врачей, датирован 28 декабря.

Первый, пожалуй, грамотно написанный в этом деле документ. И — вполне человеческий. К портрету Матрены добавляются теплые и объемные штрихи:

«Трудовая жизнь с раннего детства. С 18-летнего возраста замужество. Имела 11 беременностей, закончившихся нормальными родами. В живых осталось семеро детей. По характеру всегда добрая, доверчивая, спокойная, очень религиозная. ...Правильно ориентирована в окружающем. Приветлива, очень контактна. На вопросы отвечает охотно, по существу. Речь живая. О полученной судимости говорит неохотно, все сводит к религиозному конфликту.

В отделении ведет себя правильно. Охотно работает, тяготится пребыванием в больнице. Проявляет большой интерес к своему положению. Неоднократно спрашивает врача «чем все это кончится?»

Интеллектуальный уровень достаточен. Критически относится к своему положению. Память несколько ослаблена...»

Наконец-то судьба Матрены в человеческих руках. Эти образованные, умные, все понимающие люди, которым, к тому же, Матрена явно симпатична, сделают все, чтобы спасти ее от свирепой доли обвиняемого по 58-й. Профессионально слукавят, напишут — во имя милосердия, во имя семерых (семерых! Почему Шадрин записал «пять»?) Матрениных детей — что, при доброте и контактности, умом все-таки Матрена не вышла, поставят на ней клеймо душевнобольной и тем самым освободят Машину от необходимости жестоко покарать Матрену за ее страшный грех.

Ведь вольно или невольно, но Назарюк давал врачам шанс вмешаться в отношения Матрены с Государством и оборвать их незамысловатым диагнозом. («Не «репрессивная психиатрия», о которой мы ныне с болью слышим, а совсем наоборот — «психиатрия милосердия», защита щепки при повальной рубке леса.)

Увы, увы... Не поняли? Не захотели? Не смогли? Трусили? Усердствовали? Пять врачей Томской психиатрической больницы (среди них и главный врач, и один профессор — наверное, первый и последний в жизни Матрены) завершили свое живописание категорическим выводом:

«...признаков душевного расстройства нет.

Как не душевнобольная, в отношении инкриминируемого ей деяния должна быть признана вменяемой».

И снова — уже 9 марта — Шадрин допрашивает Матрену. И снова, как в театре абсурда, мы слышим то же: «а о том, что тобы провалилась сов. власть, я не говорила».

Но из этого протокола становится понятно, сколько же все-таки у Матрены детей и почему Шадрин прежде записывал ей «на иждивение» пять человек.

Читаем: «7 человек в возрасте от 3-х до 23-х лет 2-е из них в РККА».

Вот, оказывается, как... Она еще и мать двоих солдат, защищающих Родину где-то далеко от своей Демьяновки и не подозревающих, наверное, о том, что происходит с матерью.

Где ее мальчики? Под Ленинградом? Под Москвой? На Черном море? На Балтийском? В плену ли? В земной ли шар уже зарыты возле какой-нибудь огненной деревни или безымянной высоты? «За Родину!» За Родину. А от имени Родины держат их мать в тюрьме и допрашивают, допрашивают...

Как дочитывать этот страшный своей нелепостью сказ о житии Матрены?!

Надо дочитывать. В деле еще 25 листов.

Один допрос нелепее другого.

«Вы говорили следователю 17/VII 41 г на допросе, что у вас плохая память в виду того, что 7 лет назад ударило грозой, поэтому и не помните, что вы говорили 8/VII 41 г и 12—14/41 г на прополке просы среди женщин?»

на допросе 17/VII41 г говорила я следователю о том, что у меня плохая память, т. е. не совсем с умом не помню, может быть и говорила.

Тогда скажите почему же вы показывали мне на допросе 9/III.42 г. что вы 17/VII.41 г. следователю не говорили, что у вас плохая память и что вы лишены сдравого россудка...»

Читаешь, и кажется, что «сдравого россудка» полностью лишен Шадрин, обладатель прокурорской власти.

Но это, видимо, только нам кажется. Потому что третий вариант обвинительного заключения (похожий на первый и второй как близнецы), подписанный Шадриным, почему-то, наконец, устраивает заместителя прокурора по спецделам Назарюка. И 6 апреля сам Назарюк направляет дело Матрены председателю Новосибирского областного суда. Судебная коллегия решает быстро и беспристрастно: «дело слушать в закрытом судебном заседании с участием прокурора и адвоката».

Адвокат! А мы все рыдаем — «беззаконие беззаконие»... Деревенской контрреволюционерке — и той адвокат!

Нет, это было «правовое государство», но чье право, право на что оно утверждало денно и нощно? Право Матрены быть кругом виноватой перед Сесовыми, Шадриными, Назарюками? Право живого человека на виноватость перед надежными винтиками адской Машины? Право Доноса быть началом конца любой судьбы, коль скоро Машина заправлялась Доносами?

Дело слушается в Сталинске. В 70 километрах, как мы уже знаем, от колхоза «Новостройка». 18 апреля 1942 года. В составе суда — три женщины: председательствующий — Луганская, народные заседатели Фураненкова и Перьянова. И это так понятно — война, мужики на фронте,— бабы пашут, стоят у станка, судят... Куда непонятнее забота Государства о Сесовых и Шадриных. Для чего их от фронта оберегали? Для того, чтобы в тылу Матрену победить? Экая ты, Матрена, величина — сколько ради Тебя мужиков держит Государство в кабинетах, лишая их плуга, молота, винтовки...

Винтовку, впрочем, для тебя, Матрена, нашли. «Обвиняемая в судебное заседание явилась под стражей». Не безоружна же стража при такой преступнице!

Но 18 апреля суд не состоялся. Из-за отсутствия свидетелей. Не приехали. Хотя «вызывались через прокурора Кузнецкого района». Почему не приехали? В протоколе записано — «причина неизвестна».

Воображение рисует муки раскаяния. Уже девять месяцев Матрена в тюрьме. Неухожены ее малолетние дети. Запил муж. (О нем мы знаем только, что до колхоза он занимался с/хозяйством и «делал в лесу срубы и продавал» и что в колхозе он «работает хорошо», в отличие от Матрены, которая «все время изливала свое недовольство» — со слов председателя «Новостройки», допрошенного Сесовым в первый день следствия.) И страшно стало свидетельницам от содеянного, и представила себя каждая на месте Матрены, и завыла от тоски, и схватилась за сердце, в котором зашаталась вера в справедливость Государства...

Но нет хода воображению.

Суд, отложенный 18 апреля, состоялся 22 июня 1942 года. И в тот же зал, куда Матрена доставлена под конвоем, «явились св. Иванова А. В., Чучалина М. А., Мельникова Е. И., Сарина М. Ф., Монахова А. Я.». Явились — и заговорили. Закрутилась та же пластинка: «хоть бы советская власть перевернулась...»

И прокурор Плахова (подходящая фамилия) считает, что обвинение, предъявленное Матрене по ст. 58—10 ч. 2 «вполне доказано и просит о применении к ней длительного срока наказания».

И адвокат Глоссберг робко «просит о смягчении наказания с учетом ее неграмотности и многосемейности и что у нее два сына в РККА».

И сама Матрена «в последнем слове просит о смягчении приговора — с учетом что у нее два сына защищают Родину».

Такая вот скороговорка — после подробных записей свидетельских показаний.

Бабы, девоньки, неужели и вид Матрены «под стражей» после почти года тюрьмы не заставил вас онеметь? Почему несли и несли вы свой оговор от первого допроса до последней — публичной — «очной ставки» с Матреной, участь которой уже не могла не ужаснуть ваши души?

Или вас тоже «под стражей» доставили в суд?

Нам-то сегодня как к вам относиться? Презирать? Жалеть? Содрогаться от боли и отвращения к подлой рабской природе, способной переступить в себе все человеческое во имя... Во чье имя? Чего для? Под каким гнетом? В каком мраке? Через какую муку?

О муках ваших мы не знаем ничего.

Не знаем, что чувствовали вы, стоя выслушивая ПРИГОВОР:

«Гр-ку ЧУЧАЛИНУ... подвергнуть лишению свободы на шесть лет (6 лет) с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях без конфискации имущества. Дополнительно поразить в правах на три года».

Не знаем, как возвращались в деревню после суда, как жили потом рядом с осиротевшими Матрениными ребятишками, как ждали возвращения Матрены и дождались ли.

Знаем только, что неумолимое время — «новостройка» призвало вас в свидетели Матрениного греха, о коем известил Государство мерзкий донос, и вы свою роль в жестоком театре абсурда от начала до конца сыграли «по писаному», хотя ни писать, ни читать обучены не были.

Женщины-судьи — те, наверное, чувствовали себя душевно комфортно. Могли бы дать Матрене десятку, пожалели — «всего»-то шесть лет поисправляется — потрудится в неволе. И «кўрец» у ребятишек не отняли. Гуманный приговор.

Не явилась в суд одна-единственная Пономарева — «выбыл неизвестно куда». Обстоятельства ли так у Пономаревой сложились, душа ли Анны Ивановны Пономаревой, 1915 года рождения, погнала ее из родной деревни, где призрак Матрены ни спать, ни есть не давал, «неизвестно куда»...

К черту воображение. Как убого оно в сравнении с невообразимым могуществом доноса!

* * *

Доносами начинаются все архивные книги судеб, которые нам удалось прочесть.

Судьба архивов лишает нас сна и покоя. Не уйдут ли, за давностью лет, это и подобные им дела в переплав на бумагу для смелых нынешних газет?

Содержимое тысяч папок должно быть предъявлено перестраивающемуся обществу. Не для того, чтобы карать престарелых доносчиков. Они жили в своем времени, в той атмосфере, где донос расценивался не как грязный и подлый поступок, а как норма поведения верноподданного обывателя. Доносчиками были не все, но доносчиков было много. Без этой опоры репрессивная Машина могла бы где-нибудь в недрах империи тихонько ржаветь от бездействия. Не ржавела. Ни в столицах, ни в провинциях. Днем и ночью яростно крутилась, заглатывая пахарей, садовников, поэтов, кузнецов, вроде ровесника Матрены безвестного Митрофана Артамонова, получившего свою десятку с отбыванием в ИТЛ без конфискации имущества «за неимением такового», а дополнительно, «в порядке ст. 31 «а» и «б» УК поражение в правах на пять лет. Лишь за то, что брякнул на перекуре о том, что «Сталин без головы зря его называют мудрым и возьмите пример из него доклада что вы найдете всем мудрава вот Рыков был человек дествительно мутрым...» Крутилась Машина благодаря доносчикам, неистребимой (?!) страсти к доносительству, страсти, которая и сейчас — увы! — не одну душу испепеляет неутоленностью.

Мы должны читать архивные книги судеб не для того, чтобы на могилах вешать таблички: «доносчик», «каратель», «палач», «преследователь». Нам, живым, нужно это мучительное чтение — для того, чтобы, содрогаясь от брезгливого ужаса, мы поднимались до высокого понимания трагической истины: от нашей совокупной руки бессмысленной жертвой пали Матрена и Митрофан, крестьянка и кузнец, родственники тех самых Рабочего и Колхозницы, что скульптурно символизируют столько лет торжество нового строя. Об этом должны знать и мы, и наши дети, и наши внуки. Знать, перемучиться, отболеть — и создать общественный Комитет безопасности от зла сталинщины — Мемориал совести. Такие задачи должно решать общество «Мемориал».

Оно должно собрать все серые папки, истлевающие в разных архивах страны и сказать людям: идите и смотрите! Идите и смотрите на самих себя. Читайте безграмотные доносы, бредовые оговоры, нелепые оправдания, тупые вопросы, «гуманные» приговоры, переживайте ночь перед расстрелом, пишите «косацию», отправляйтесь в лагеря, реабилитируйте себя посмертно. Идите на очную ставку с самим собой, дрожите, плачьте, бойтесь, уничтожайтесь — все ради того, чтобы стало вам тошно от самих себя... И постигнете, наконец, что спасти вас от тоталитарного государства может только Человек, не способный на донос, предательство, ложь ни во чье имя!

...Прости нас, Матрена, в год своего почтенного юбилея, до которого, скорее всего, ты не дожила. Прости за то, что мы, «люди», суетно толкнули тебя в Машину, между стальными зубьями которой ты, наверное, и не успела толком замолить у Бога свой антигосударственный грех.

Прости нас — мы становимся лучше. Вот и «сов. власть не перевернулась», а необходимые тебе «попы да дьяконы» встречаются с руководителями страны, выступают перед нами на телеэкранах.

Прости, Матрена. Мы постараемся сделать все, чтобы дети и внуки наши, правнуки твои, имели Родину, презирающую доносчиков.

...А как он мог бы выглядеть, памятник жертвам доноса?

ПОЛЕМИКА

Станислав ШАТАЛИН,
академик

КАК ЛЕЧИТЬ БОЛЕЗНЬ?

В статье «Диагноз: инфляция» («Огонек» № 51 —88 г.) Яков Либерман затронул один из кардинальных аспектов нашего социально-экономического развития. Тем большее внимание нужно уделить объективному рассмотрению такого экономического феномена, как инфляция,— ее причинам, механизму протекания, факторам ее преодоления. Не предлагаю еще одну статью, охватывающую все проблемы, поставленные Я. Либерманом, тем более что частично я согласен с ним. Но в продолжение начатого разговора хочу поделиться своими мыслями. Итак, по порядку.

Яков Либерман пытается решить проблему инфляции как вложенную в самое себя — в терминах финансовых и денежных отношений, уповая на денежную реформу. Как будто бы от нее вся сила механизма эффективного использования производственных ресурсов. Прежде всего нужно ответить на вопрос: что денежная реформа делает с уровнем жизни? Понижает, повышает или оставляет неизменным? Экономисты-профессионалы, к которым относится и Я. Либерман, отвечают однозначно: обычно понижает. К сожалению, такую же, а то и более сильную роль может сыграть реформа розничных цен. Даже при том, что провозглашаются заверения, что никто не пострадает. Служа истине, можно сказать, что это задача о квадратуре круга. Или поиск философского камня. Мы сейчас не располагаем ни ЭВМ, ни системой математических уравнений, чтобы решить эту задачу. И здесь, я думаю, наши позиции совпадают.

Далее Яков Либерман пишет: «Сейчас текущие доходы населения вместе с накопленными за прошлые годы сбережениями значительно превышают годовые покупки (розничный товарооборот и платные услуги). Это означает, что текущими доходами и прошлыми сбережениями население в среднем обеспечено на несколько лет вперед, а значит, может в течение этого срока сохранить свой жизненный уровень, если вообще не будет работать»... Ну, уж это явный перебор!

В любой развитой стране Запада текущие доходы и сбережения значительно превышают годовые покупки, однако все работают, и, если сравнивать по результатам, довольно эффективно. А жить, несколько лет не работая, нельзя даже в СССР. Тем более в СССР! Давайте подсчитаем, хотя бы приблизительно: розничный товарооборот в 1987 г. составил 350,7 млрд. рублей, платные услуги населению — 53,6 млрд. руб.; текущие доходы населения: зарплата — 313,6 млрд. руб., пенсии — 51,7 млрд. руб., стипендии — 2,7 млрд. руб., пособия — 15,2 млрд. руб., денежные накопления в Сбербанке — 266,9, в облигациях и полисах по личному страхованию — 40,1 млрд. рублей. Могут сказать, что в этих данных не отражены сбережения населения, которые находятся где угодно — в кубышке, чулке, кармане,— только не в сберкассах. По оценкам специалистов, таких денег десятки млрд. рублей. Но здесь не учтены и услуги теневой экономики, сумма которых составляет около 20 млрд. рублей. Продукция кооперативов в 1987 г. составила почти 400 миллионов рублей. Для сведения читателя в 1988 г.— более 2,6 млрд. руб.

Итак, если бросить работу, то денежный поток, устремлявшийся на потребительский рынок в 1987 г. (сбережения, пенсии, пособия, стипендии), составил около 400 млрд. рублей, а предложение товаров и услуг (розничный товарооборот, платные услуги, включая продукцию и услуги кооперативов в «теневой экономике») — 424,7 млрд. рублей. Как видно из этих цифр, население, чтобы выкупить розничный товарооборот и платные услуги, может бросить работу только на один год.

Радикально предложение автора отменить все бесплатные социально-культурные блага (медицинское обслуживание, образование и т. д.), прекратить их бюджетное финансирование, а всю сумму дотаций и бюджетного финансирования строго уравнительно поделить между денежными доходами населения, перевести социально-культурную сферу на полный хозрасчет, соответственно передав все в компетенцию нормальных рыночных отношений.

Мнимая бесплатность благ сполна оплачивается бесплатным трудом. А потому уже много лет нас просто-напросто обманывают. «Бесплатность,— продолжает наш автор,— не манна небесная, а заурядная бюрократическая разверстка...». Не будем пенять автору за то, что он полностью девальвировал слово «разверстка», но нельзя же сводить все аргументы к произнесению этого магического слова.

Вернемся, однако, к бесплатности отдельных благ — этой «заурядной бюрократической разверстке», которая должна быть навсегда отменена хозрасчетом и рынком. Как же у нас еще мало знаний, насколько плоскостно наше мышление, насколько глубоко сидит в нас идолопоклонство, социально-экономическое и политическое язычество! Я лично уже не удивлюсь, если завтра кто-нибудь предложит перевести Госплан СССР на полный хозрасчет и включить его продукцию в нормальные рыночные отношения. Радикалы потребуют и большего. Не дай бог, чтобы на хозрасчет перевели и совесть, продавали и покупали ее на рынке. Пусть хоть она навсегда останется «заурядной бюрократической разверсткой»!

Цитирую Я. Либермана: «Принцип социализма утверждает: критерий распределения один — владыка-труд. При бесплатном распределении труд оказывается в положении раба». Все по труду — это ли не требование неурезанного дохода Лассаля?

Разве накопление, способствующее росту экономики, распределяется по труду? Разве те, кто хотел, чтобы ведущим принципом социализма было распределение по труду, отрицал бесплатные или льготные блага, то есть распределение на основе общественных фондов потребления? Допустим, бесплатно сделали операцию — это тоже «заурядная бюрократическая разверстка» в присутствии труда-раба? А если в странах Запада существуют бесплатно или льготно предоставляемые блага, то означает ли это, что труд-раба они взяли себе, а труд-владыку оставили нам?

Нам предлагают строго уравнительно распределить сумму бюджетного финансирования отраслей социально-культурной сферы. Ну, уж это в большей степени «заурядная разверстка». Начнись она сейчас, я получил бы, по предлагаемому рецепту, деньги на неполное и полное среднее образование, на высшее образование, на обучение в аспирантуре. Но, может быть, проиграл бы на здравоохранении. Так, взвесив все плюсы и минусы такого строго уравнительного распределения, глядишь, и отказались бы от бесплатных благ. Так мы играем в кошки-мышки с Западом: он увеличивает количество «заурядных разверсток», а мы добровольно разоружаемся. И при этом впадаем в очередную иллюзию: оказывается, как только социально-культурная сфера будет переведена на полный хозрасчет, отпадут взятки, «стыдливые» подарки и подношения. Но автору и этого мало. Изящно каламбуря, он считает, что нам нужны не бесплатные, а «безблатные» услуги, ибо первые существуют в нынешней паскудно-бюрократической сфере. Деньги не пахнут, сказал Веспасиан, введя налог на сортиры. Прекрасная антитеза «заурядной бюрократической разверстки». Только не ясно, что нужно здесь включать в нормальные рыночные отношения.

Прошу, читатель, понять меня правильно! Все вышесказанное, конечно же, не означает, что я защищаю нынешнюю социально-культурную сферу. Она даже раньше, чем вся экономика, впала в глубокий кризис, и выбраться из него крайне трудно. И причин тому тьма. Это и остаточный принцип выделения ресурсов на ее развитие, и неэффективное использование того, что есть, и глубоко укоренившаяся ведомственность в ее развитии, которую, похоже, собираются сохранить, и т. д. Согласен и с платностью некоторых социальных услуг, но сосуществующую с бесплатностью как главным принципом ее развития! Нельзя обижаться на то, что машина не ездит, потому что в ее баке нет бензина. Как нельзя согласиться с Я. Либерманом, который сводит социальные гарантии к отовариванию рубля. Хотя, конечно, это один из самых важных параметров эффективности.

Но все-таки самая безобразная разверстка — бюджетные дотации. После такого патетического утверждения следует пояснение: дотации нельзя давать производителям, только — потребителям! Это разумно, и на этой основе можно приостановить рост дотаций. А дотации производителям не стимулируют роста производства и его эффективности. Конечно, трудно быть пророком в своем отечестве. Но справедливости ради нужно сказать, что на Западе используют и то и другое! Да так и должно быть. Но как же можно без роста производства и его эффективности, с помощью дотаций потребителям приостановить рост дотаций? Или мы отказываемся от идеи, что главным средством преодоления инфляции, стагфляции и дефляции является производство? Ну, а как обстоит дело с дотациями потребителям? С необходимостью предоставления льгот и пособий нуждающимся? Правда, в конце статьи автор пытался вырулить на асфальтированную дорогу. Кстати, нужно сказать, что если самой безобразной разверсткой являются бюджетные дотации, то в статье об инфляции нужно было бы сказать и об антиподе дотаций — налоге с оборота! Он до «алкогольной реформы» был БОЛЬШЕ объема дотаций... Правда, сейчас наметилась противоположная тенденция.

И еще несколько комментариев к позитивной программе Я. Либермана. «Нас тяготят сегодня не столько высокие цены относительно доходов, сколько непреодоленные затруднения в отовариваемости денег. В этих условиях искусственно затормозить рост доходов и цен значит воспрепятствовать ускорению социально-экономического развития...» Одним из главных пороков планов экономического и социального развития страны является чрезмерная ориентация на среднестатистического человека.

Ну, а как с искусственным замораживанием доходов и цен (надо полагать, розничных)? Разумеется, в экономике, так же как и в других сферах, нельзя что-либо делать искусственно. Истины ради нужно согласиться, что часто мы сами не знаем, что искусственно, что естественно. В мнении насчет реформы розничных цен мы с Я. Либерманом вроде бы сходимся. Что же касается доходов, тут дело сложней. Ибо ясно, что в течение долгих лет мы действительно искусственно поднимали уровень доходов, их динамика — чем дальше, тем больше — носила явно инфляционный характер. Доходы часто были символами воздуха. Совершенно не связанные с реальными результатами труда, они зачастую подгонялись к «приемлемому» уровню. Выплачивались просто за присутствие на работе. Именно поэтому нужно не искусственное их замораживание, а естественное согласование с ростом продукции и услуг. А главное, чтобы победить инфляцию, нужен рост производства товаров и услуг, резкое повышение их качества и расширение ассортимента. Сделать это должен тонко регулируемый рынок, а также продуманное распределение бюджетных дотаций, сокращение военных расходов и средств, которые затрачиваются на космические исследования. Хватит ходить без штанов, но в шляпе!..

Статью о преодолении инфляции автор кончил пессимистически: набравшую силу инфляцию не одолеть в одночасье. Что же, мириться с ней, как с неустойчивой погодой и менять зонтики в зависимости от того, что сегодня на дворе — дождь или солнце? А нельзя ли социально переориентировать экономику, увеличить производство товаров и услуг да повысить их качество? Можно и нужно контролировать рост денежных доходов, покончить с долгостроем, улучшить бюджет, совершенствовать инвестиционно-структурную политику. Да мало ли!..

В заключение мне хочется сделать общее замечание, основанное на изучении громадной публицистической литературы перестроечного периода. Много было хорошего. Но немало и пены, явного желания стать популярным, часто во вред научной истине. Этап кавалерийского наскока, хочется верить, уходит в прошлое. Наступает этап профессионализма, компетентности в разработке острых, еще не решенных проблем социально-экономического и политического развития нашего общества. Отнюдь не для кокетства скажу, что строгое требование повысить компетентность я в полной мере отношу и к себе.

Начало на стр. 8.

художественной традиции стало одной из главных задач творчества.

Васнецов, еще в 80-е годы обратившийся к народному эпосу, начал разрабатывать национально-традиционные мотивы не только в живописи, но и в прикладном искусстве и театральной декорации. Вместе с Нестеровым он возрождал церковную стенопись. Мастера, связанные с именем С. И. Мамонтова «Абрамцево», явившимся подлинным рассадником новых художественных идей, стремились оживить народное творчество, делали образцы для мастеров прикладного искусства, обновляли архитектуру более органичным использованием древнерусских мотивов. Переосмыслялась и традиция средневекового искусства. Здесь прямая линия шла от Врубеля через Рябушкина к Петрову-Водкину. Врубель еще не разделял искусства Древней Руси и Византии. Рябушкин сосредоточил свое внимание уже на чисто национальном проявлении русской живописи — на ее варианте XVII века. Наиболее последовательного претворения традиций иконописи достиг уже в более позднее время Петров-Водкин.

Последние годы жизни Рябушкина были трудными. Прогрессирующая болезнь истощала силы. Сознание разъедалось сомнением по поводу своего идеала, так любовно сконструированного. Этот идеал становился особенно хрупким тогда, когда Рябушкин, покидая историю, вновь возвращался к современности. В прекрасной картине «Чаепитие» (1903), написанной гуашью, художник любуется торжественностью и красотой устоявшегося обряда чаепития, уподобляет фреске маленькую картину, но одновременно постигает то, что заставило его в свое время покинуть современность ради истории: его герои не просто суровы, но и холодны, злобны, расчетливы. Эти их качества и состояния проходят как бы вторым планом — за завесой ритуального действа и воплощаются в косых взглядах, застывших лицах, остекленевших глазах.

Лирический строй мышления Рябушкина подчас подтачивается иронией, окрашивается нотами грусти, омрачается горестным разочарованием. Но оно лишь оттеняет поэзию чистой мечты художника.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

ЕДУТ. 1901.

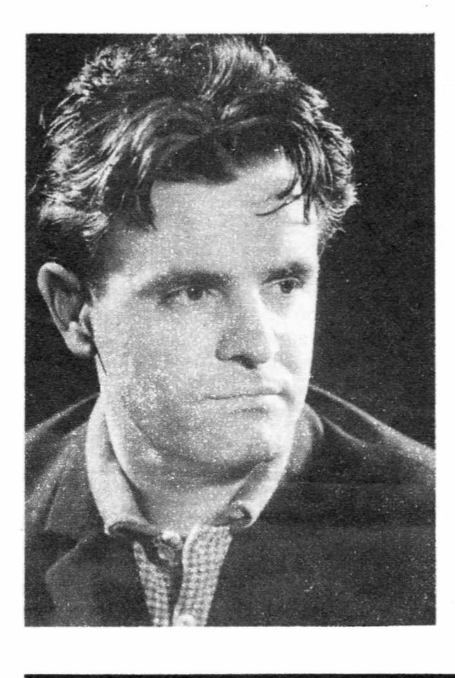
ЧАЕПИТИЕ. 1903.

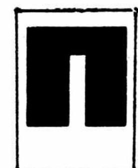
МОСКОВСКАЯ УЛИЦА XVII ВЕКА В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. 1896.

Фазиль ИСКАНДЕР

Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

РАССКАЗ МОЕГО ЗЕМЛЯКА

Пусть они на меня не обижаются, но у некоторых наших руководителей (местных, конечно) есть плохая привычка. Чуть появится в наших краях какой-нибудь негритянский деятель, так тот, можно сказать, не успеет с трапа ступить на землю, как они ему говорят:

— А вы знаете, у нас свои негры есть!

В самом деле, у нас с незапамятных времен живут в селе Адзюбжа несколько негритянских семей. Ну, живут, живут. Раньше как-то никто на это внимания не обращал. Даже и теперь неизвестно, как они к нам попали. Наверное, множество столетий прошло с тех пор. Одним словом, никто не знает.

Не то что о происхождении наших негров, мы о собственном происхождении мало что знаем. Кстати, еще в середине 30-х годов наш знаменитый ученый и писатель Дмитрий Гулиа пытался докопаться до нашего происхождения.

Иногда это говорится во время банкета, когда надо поддержать непринужденный разговор на общую тему. Услышав такое сообщение в разгар банкета, говорят, некоторые африканские деятели, особенно из демократов, начинали поспешно срывать со своего горла салфетку, понимая эту информацию как приглашение немедленно посетить своих братьев.

— Нет, кушайте, пейте,— спохватывается наш деятель,— я это просто так, к слову сказал.

Ничего себе к слову! Смотрит на приезжего негра, вспоминает про наших и еще говорит, что это просто так, к слову.

Разумеется, не все приезжие негры с такой родственной горячностью откликаются на это сообщение. Более монархически настроенные негритянские деятели, услышав такое, молчат или, что еще хуже, нагловато выпятив губу, отвечают:

— Ну и что?

— Как ну и что?— теряется наш товарищ, но сказать ничего не может — политика.

А, между прочим, все началось с Роя Ройсона. В тот год Рой Ройсон отдыхал в Крыму. Ну, отдыхает человек — ничего особенного. Так наши товарищи и туда, в Крым, проникли к Рою Ройсону и передали, что, мол, так и так, у нас с незапамятных времен живут негры.

Но, главное, говорят, спросите, как живут. «Как живут?»— спрашивает Рой Ройсон. А так живут, отвечают наши, что спросишь у них про суд Линча, они только лупают своими глазищами и говорят, что это такое, мы про такие глупости не слыхали. А спросишь про дискриминацию, опять лупают глазами, опять ничего не знают. Вот как у нас живут негры, говорят наши.

Хорошо, что вы мне это сказали, отвечает Рой Ройсон, хотя я и сам догадывался, что если уж негры живут в Советском Союзе, то только так. При этом он как будто обещал, если будет время, заехать в Абхазию и познакомиться с жизнью местных негров.

Наши, конечно, обрадовались и давай мозговать, как получше принять замечательного певца, который, по слухам, прижимая к груди живого голубя мира, с такой нежностью поет негритянскую песню, что голубь в самом деле засыпает на глазах у публики. А знаменитый певец с улыбкой смотрит на спящего голубя и, продолжая держать его на вытянутой ладони, молча, одними глазами умоляет публику аплодисментами не будить спящую птицу. Но благодарная публика с этим никак не соглашается, и голубь во время перехода аплодисментов в овацию вздрагивает и просыпается. Он поворачивает во все стороны свою головку, стараясь вспомнить, где находится.

И вот, осознав, что он среди хороших, простых людей, голубь взлетает с ладони и летит под купол, тем самым лишний раз доказывая, что он живой, а не подделанный.

Этот его коронный номер до сих пор не могут ему простить империалисты всех стран, потому что их певцы повторить его не могут. Они пытались его оклеветать, указывая, что в дыхании певца имеется наркотическое средство, при помощи которого он якобы усыпляет доверчивую птицу. Но авторитетная комиссия, созванная Обществом Красного Креста, после тщательной проверки дала заключение, что, к сожалению, ничего подобного нет, что Рой Ройсон исключительно голосом воздействует на эту древнюю музыкальную птицу. Так говорят люди, которые допущены к международной литературе по этому вопросу.

Ну вот, значит, мозгуют наши, как получше принять знаменитого певца. Среди наших негров выбрали одного подходящего во всех отношениях для такого случая: и живет зажиточно, и семья большая, и на вид справный, не какой-нибудь там мозгляк. К тому же при должности, бригадир табаководческой бригады.

Все хорошо у этого негра, только одно минус — нет собственной машины. Что делать? Быстро оформили через Совмин (наш, местный, конечно) новенькую «Волгу», как подарок передовому колхознику.

А, между прочим, про то, что Рой Ройсон должен приехать, держали в полном секрете. Зачем раньше времени языками трепать. Просто намекнули, мол, как-нибудь заедем с одним высоким гостем, а кто он, не сказали.

— Хоть с высоким, хоть с низким,— отвечал им это зажиточный негр, усаживаясь рядом с министерским шофером,— я и так вас принял бы, а теперь буду век благодарить.

— Еще бы,— сказали ему в Совмине,— поезжай и жди.

В общем, все получилось честь честью. Представьте, зеленый абхазский дворик с традиционным грецким орехом посредине, каменный дом на высоких сваях, возле дома новенькая «Волга» с задраенными окнами, чтобы куры не влетали... Вот, мол, хижина нашего дяди Тома, вот его бричка, а вот и он сам.

Кстати говоря, и без всего этого негры, как и все колхозники этого села, достаточно зажиточно живут, но наши-то меры ни в чем не знают, а прикрикнуть на них в этот исторический промежуток оказалось некому.

Одним словом, все оказалось честь честью, да вот беда — Рой Ройсон не приехал. То ли он подумал, что за наших-то негров он спокоен, вот за своих ему надо думать, то ли еще что. Да, в сущности, он точного обещания никому не давал, это уж наши тут напреувеличивали.

Одним словом, в один прекрасный день в газетах появилась информация, что Рой Ройсон уехал к себе в Америку, где, по всей вероятности, будет преследоваться, как и прежде.

Наши приуныли. Как быть? Машину подарили, а он возьми и не приедь. А тут, как назло, этот зажиточный негр и вся его черно-белая родня, не говоря о детях, как очумелые шпарят на этой «Волге» и знать не знают о Рое Ройсоне.

Я забыл сказать, что этот негр, как и многие наши негры, был женат на абхазке. Женились-то они издавна на абхазках, но могучие негритянские гены всегда побеждали и упорно давали черное потомство. Правда, в последние годы, то ли под влиянием радиации, то ли еще что, но негритянские гены, между нами говоря, стали не те. Осечки дают. Нет-нет, да и появится смуглячок. Но распределяются они неравномерно. То идут сплошняком черненькие, а там, глядишь, и смуглячок выскочил. А то наоборот.

А в одной семье, где мать была чистокровная абхазка, а отец — негр, родился мальчик, ну, совершенно белый, как козленок. Отец ребенка, думая,

То ли глядя на наших негров из Адзюбжа, то ли по каким-то другим причинам он выдвинул гипотезу об эфиопском происхождении абхазцев. Ну, выдвинул — выдвинул. Да не тут-то было.

Почему-то эта гипотеза сильно не понравилась председателю совнаркома Абхазии Нестору Лакоба. Вообще-то, несмотря на глухоту, Лакоба был остроумный человек, но эта гипотеза ему не понравилась.

— Сам ты эфиоп,— оказывается, сказал Лакоба, отрывая слуховую трубку от уха. При этом он даже, говорят, дунул в свою слуховую трубку, как бы ополаскивая ее от нечестивого звука и одновременно намекая, что дважды ополаскивать ее от одной и той же версии не собирается. Разумеется, больше об эфиопской версии нашего происхождения никто не заикался.

А между прочим, уже совсем недавно, когда газеты запестрели именем несчастного Лумумбы, я подумал: а что, если старик Гулиа был прав? Лумумба — типично абхазская фамилия. Сравните — Агрба, Лакерба, Палба, а рядом Лумумба?

Не успел я додумать это интересное научное наблюдение, как в газетах появилось мрачное имя Чомбе. (Между нами говоря, правильнее было бы сказать Чомба.) И, главное, из того же Конго. С точки зрения научной добросовестности, признав Лумумбу нашим, я должен был то же самое сделать и с Чомба. Но, спрашивается, зачем нам этот мракобес, что, у нас нет своих забот, что ли?

Пришлось, как говорится, довольно основательно наступить на горло собственной песне и оставить развитие эфиопской версии до лучших времен.

Так вот, значит, когда стали появляться в наших краях негритянские деятели из натуральных африканских государств, наши руководители при встрече с ними нет-нет да и не вытерпят, чтобы не сказать:

— А вы знаете, у нас свои негры есть.

что он мнимый отец, пришел в ярость и, схватив двустволку, ринулся в комнату, где лежала жена со своим ребенком. Между прочим, после родов она довольно долго пролежала в больнице. Одни говорят, осложнения, другие — мужа боялась, ждала, может, ребенок потемнеет.

Но ребенок потемнеть не собирался, и вот, значит, муж схватил двустволку и ринулся в комнату, где лежала жена со своим ребенком. Но тут на него навалились все, кто мог, с тем чтобы удержать его от рокового шага. Он даже в дом не смог пройти, потому что двустволку он вынес из кухни, а кухня, как у нас принято, отдельно от дома расположена.

— Даже если это было, при чем ребенок?! — кричали ему, заламывая руку с ружьем и одновременно пытаясь его стреножить. Очень здоровый был этот негр, и тем более ему было обидно.

— Ребенок ни при чем! — отвечал он сквозь зубы.— Я ее пристрелю, как собаку!

Они решили, что раз он схватил двустволку, значит, обязательно собирается убивать обоих, что было не совсем верно.

Одним словом, шум стоял ужасный. А тут еще стали вмешиваться те, что забрались на веранду, чтобы удобней было наблюдать за потасовкой и быть подальше от шальной пули.

— Пропускайте веревку между ног! — кричат одни.

— Наступайте ему на живот! — советуют другие.

Им было хорошо советы бросать. А тем, которые взялись скрутить этого могучего негра, обидно, и они им говорят:

— Спускайтесь сюда, если вы такие умные!

Те, знай, кричат свое, а спускаться и не думают. Недаром великий Руставели про таких когда-то сказал:

— Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека.

А между прочим, в это время возле роженицы сидели женщины и все время заводили проигрыватель с долгоиграющей пластинкой, чтобы она не слышала скандала. Молодая мать сначала терпела, но потом не выдержала.

— Дорогие родственницы,— сказала она,— или идите играть в другую комнату, или у меня молоко испортится.

— Лучше мы выключим совсем,— сказали женщины и остановили пластинку.

Вообще в нашем районе долгоиграющие пластинки не уважают, особенно оперы. Правда, покупают, потому что они довольно дешево обходятся.

И тут женщины, остановив пластинку, вынуждены были рассказать молодой матери про ее мужа.

— Впустите, докажу,— оказывается, сказала она и, быстро прибрав кровать, присела на ней.

Женщины побежали во двор и все рассказали.

— Хорошо,— согласился этот негр и, бросив двустволку, выбрался из веревок.

Опять поднялся шум, потому что всем было интересно посмотреть, как она ему будет доказывать. А, между прочим, те, кто, ничего не делая, с веранды наблюдал за происходящим, опять оказались в лучшем положении, чем те, кто, рискуя жизнью, связывал ревнивца. Вот вам и справедливость.

Значит, в дом набилось человек сто, а то и больше. Правда, в комнату роженицы вошло человек десять. Остальных не пустили.

— Слушайте из залы,— сказали им,— оттуда все слышно.

Но оттуда ничего не было слышно, и они стали подозревать, что их обманули.

— Почему в тишине ничего не раздается? — спрашивали они друг у друга, ничего не понимая.

— Потому что она ничего не говорит,— наконец ответил тот, что стоял у самых дверей и кое-что видел.

В самом деле, оказывается, в это время молодая мать, глядя на мужа, молча разбинтовывала пеленки на своем младенце. А отец стоит у дверей и только прожекторами полыхает, мол, посмотрим, что ты этим докажешь.

Откинув пеленки, она выставляет на ладонях шевелящееся дитя. Между прочим, кверху спинкой, но никто не понимает. Только мать этого негра все поняла, потому что мать, дорогие товарищи, она всегда остается матерью.

Это была старая, уважаемая всеми негритянка, потому что с большим мастерством гадала на фасоли. Ее так и называли — «Метательница фасоли». Метнет на стол горсть фасолин, а потом смотрит, смотрит, как они легли, и спокойно читает вашу судьбу. Между прочим, никогда ничего не скрывала. Некоторые на нее за это обижались.

— Тыквенная голова,— говорила она таким,— я только читаю твою судьбу, ты обижайся на того, кто ее написал.

Одним словом, эта мудрая женщина наклоняется к ребенку, а потом делает знак своему сыну, чтобы он подошел. Сын подходит и нехотя рассматривает невинный задик младенца. А сам ребенок в это время крутится на руках у матери, выворачивает голову и с улыбкой смотрит на родного отца.

Видя такое, некоторые женщины не выдерживают и начинают рыдать, мужчины находят поведение ребенка удивительным и довольно смешным. Хотя смешного тут ничего нет, потому что ребенок, с одной стороны, мог почувствовать родного отца, а с другой стороны, он впервые видел негра. Ведь до этого он был в больнице, а там работают только наши и притом все в белом — и сестры, и няни, и врачи.

— Зад-то как будто мой,— наконец частично признает своего сына этот упрямый негр.

Тут не выдержала его собственная мать и с ловкостью, неожиданной для гадалки, ударила его палкой по голове. Палку эту она всегда держала в руке, как старая, уважаемая всеми женщина.

— А теперь иди,— сказала она, и он молча вышел. Оказывается, у негров тоже бывают родимые пятна, хотя многие об этом не знают. Оказывается, на середине левой ягодицы этого ребенка было такое же родимое пятно, как у отца.

Тут родственники с обеих сторон начали ругать этого невыдержанного негра. А что же, говорили они, если бы этого пятна не оказалось или оно, допустим, оказалось совсем в другом месте?

И вообще, говорили многие, все это безобразие. И то, что жена знала, где находится родимое пятно мужа, тоже не украшает ее по нашим обычаям. Правда, некоторые оправдывали ее, говоря, что она могла заметить это родимое пятно, когда он купался и попросил мочалкой потереть ему спину.

Тут старые, уважаемые люди сели и стали думать, как выйти из создавшегося положения так, чтобы перед людьми из других сел не было стыдно за этот случай. И вот что они придумали.

Они придумали такую версию, что вообще ничего такого не было. Все произошло по недоразумению. Отец, как и принято по нашим древним обычаям, когда привезли сына из больницы, решил выстрелами отметить это удачное событие.

А кто-то из соседей, заметив, что он выходит из кухни с ружьем и уже зная, что у него родился чересчур белый ребенок, решил, что он будет стрелять не в воздух, а в жену. И от этого, мол, произошла вся свалка, потому что отцу не дали возможности объяснить, что к чему. Разумеется, этому никто не верил, но родственники все равно рассказывали так.

Но вернемся к Рою Ройсону и тому зажиточному негру, которому подарили «Волгу», как оказалось, без всякой пользы для дела. Стали через председателя колхоза осторожно нажимать на него с тем, чтобы он без всякого шума вернул «Волгу» подарившему ее Совмину (местному, конечно).

Председатель очень обрадовался новому решению Совмина, потому что ему было обидно, что бригадир катается на новой «Волге», а он, председатель, на старой «Победе». Товарищу из Совмина, который вызвал его по этому поводу, он предложил отобрать у бригадира «Волгу» и продать ее колхозу.

— Ты уговори ее вернуть,— отвечал товарищ из Совмина,— а там посмотрим, потому что с «Волгами» сейчас трудно.

— А как его уговоришь,— отвечал председатель,— вы лучше прикажите.

— Приказать не можем,— отвечал товарищ из Совмина,— потому что, с одной стороны, сами подарили, а с другой стороны, Африка просыпается.

— Африка пусть просыпается,— отвечал председатель,— и мы ее за это приветствуем, но эту «Волгу» надо отобрать, потому что они ее все равно разобьют.

— Поговори с ним по-хорошему,— отвечал товарищ из Совмина,— а там посмотрим.

Видно, председатель не верил, что по-хорошему что-нибудь получится, потому что действовал совсем не так, как просил его товарищ из Совмина. Он вызвал к себе бригадира и под большим секретом рассказал ему, что машину у него все равно отберут, поэтому лучше пускай он, пока не поздно, обменяет ее на его «Победу», а разницу он хоть сейчас получит наличными.

На это зажиточный негр улыбнулся ему своей характерной ослепительной улыбкой и сказал, что в деньгах он не нуждается, а нуждается в этой новой «Волге».

Председатель снова поехал к товарищу из Совмина и сказал, что по-хорошему ничего не получается. Он предложил товарищу из Совмина хотя бы временно запретить бригадиру и всем его родственникам кататься на «Волге», по-видимому, рассчитывая позже как-нибудь овладеть машиной.

— Можно через техосмотр провести,— даже подсказал он ему выход.

— Что ты,— отвечал ему товарищ из Совмина,— это даже хуже, чем совсем отобрать.

— Почему? — удивился председатель.

— Сам знаешь.— отвечал товарищ из Совмина, кивая на карту мира, висевшую на стене,— они просыпаются. А мы в это время их нации запрещаем кататься на собственной машине.

— Арбузы в Сочи возили на этой «Волге»,— пожаловался председатель.

— Ничего,— отвечал товарищ из Совмина,— в Сочи немало иностранцев отдыхает, пусть смотрят и завидуют.

— Да, но совсем сломает,— не унимался председатель,— скоро хуже моей «Победы» будет.

— Хуже твоей «Победы» новая «Волга» никогда не будет,— отвечал товарищ из Совмина, которому начинали надоедать интриги председателя.

В самом деле, этот зажиточный негр и все его родственники, как очумелые, скакали по проселочным дорогам на этой «Волге», и председателю ничего не оставалось, как с болью смотреть на эту картину.

Однажды они один на один встретились на проселочной дороге. Председатель на своей старенькой «Победе» ковылял из райцентра, а зажиточный негр летел туда, а может, и подальше куда-нибудь, кто его знает... Поравнявшись, остановились друг против друга.

— Поутихни,— сказал председатель, выглядывая в оконце,— видать, и отец твой без машины и шагу не ступал.

— Нет у тебя такой власти,— отвечал зажиточный негр, улыбаясь своей характерной ослепительной улыбкой,— чтобы правительственный подарок отнимать...

При этом он спокойно затянулся своей цигаркой, спокойно вытащил руку из окна и загасил, да что загасил, ввинтил окурок в дверцу председательской машины. Тут председатель присвистнул и, понурившись, поехал дальше. Он решил, что раз этот негр гасит окурки о дверцу его машины, значит, дело проиграно — или высокий гость уже дал телеграмму о приезде, или еще что-нибудь похуже.

На самом деле никакой телеграммы не было, просто зажиточный негр решил, что пора окончательно сломить психику председателя, что ему отчасти и удалось.

Одним словом, машина у него так и осталась. Правда, некоторые говорят, что он ее у Совмина выкупил по государственной цене, что в наших условиях, считай, даром досталась, но другие говорят, что он ее даже не выкупал, потому что подарок оставили в силе.

У нас ведь тоже наверху немало сообразительных людей. Они решили, что хоть Рой Ройсон и не приехал, но время такое, что будут наезжать другие африканские деятели, и на этот случай можно использовать зажиточного негра с его «Волгой».

И вот так получилось, что один молодой принц, страдавший политическим гамлетизмом, потому что все еще никак не мог выбрать между нашим и американским путем развития, вместе со свитой был направлен к этому негру.

Председатель и тут пытался интриговать против него. Когда ему позвонил все тот же товарищ из Совмина и сказал: «Будьте готовы, завтра к зажиточному негру привезем принца»,— тот слегка заартачился.

Он сказал, мол, стоит ли возить принца к этому негру, когда у нас есть другие, гораздо более интересные негры. Так, например, сказал он, у нас есть негр, у которого родился сын белый, как козленок, и притом наукой доказано, что это его собственный отпрыск.

— Слыхали,— резко отвечал ему на это товарищ из Совмина,— никакого политического значения не имеет... Ты лучше проследи, чтобы за столом глупости не говорили и женщины тоже сидели, а то рассядутся одни мужики.

— Сколько женщин? — спросил председатель.

— Процентов тридцать, не меньше,— сказал товарищ из Совмина и положил трубку, чтобы избежать дополнительных интриг.

Конечно, в доме этого негра принц был принят по-королевски. Все ему здесь очень понравилось: и наша острая еда, и, конечно, наше прославленное вино «изабелла». За столом много шутили, разговаривали и пели наши песни, причем принц пытался подпевать, что было особенно трогательно.

Между прочим, хозяин дома со смехом рассказал, что столько было говорено о приезде высокого гостя, что он думал, что этот гость в дверь не пролезет, а гость оказался не такой уж высокий, хотя и приятный человек.

Принцу перевели слова хозяина дома, и он нисколько не обиделся, а только посмеялся над такой наивной постановкой вопроса этого деревенского негра.

Одним словом, все было хорошо, но вдруг, когда собирались поднять заключительный тост за мир во всем мире, принц, как потом оказалось, без всякого злого умысла спросил у хозяина дома:

— Ну, а как живется неграм в Советском Союзе?

— Каким неграм? — заинтересовался хозяин.

— Как каким? — удивился принц, оглядывая местных негров, сидевших за этим же столом.— Вам?!

— А мы не негры,— сказал хозяин, улыбаясь своей характерной улыбкой и кивая на остальных негров.— Мы — абхазцы.

— То есть как? Отрекаетесь? — стал уточнять принц, еще, славу богу, через переводчика.

Тут некоторые товарищи, в том числе и товарищ из Совмина, стали прочищать глотки в том смысле, чтобы он этого не говорил, а, наоборот, во всем соглашался с принцем. Но он никак на все это не реагировал, вернее, даже начал спорить, доказывать свое, правда, по-абхазски.

Дело в том, что среди сопровождавших принца лиц один был на сильном подозрении, что понимает по-русски, хотя и скрывает это. Оказывается, на предыдущем банкете, когда ему подали литровый рог с тем, чтобы он, сказав пару теплых слов, выпил его, он растерялся и как будто по-русски прошептал:

— Ну и дела...

После того, как он выпил этот рог, с ним попытались поговорить по-русски, но он уже ни по-русски, ни по-африкански ничего не мог говорить. А на следующий день, когда ему в шутливой форме напомнили об этом, он полностью отрицал, что понимает по-русски. Так что оставалось совершенно неясным, что он этим хотел сказать и вообще говорил ли...

Словом, этот зажиточный негр уперся и ни в какую.

— Вы бы еще «Чайку» ему подарили, он бы вам тут наговорил,— оживился председатель, вспомнив про свои обиды.

— Неуместное напоминание,— сказал ему на это товарищ из Совмина, а зажиточный негр тем более подвыпил, разошелся вовсю.

— Если уж наши отцы,— сказал он с гордостью,— принцу Ольденбургскому отказали признать себя арапами, так что ж мы будем слабину давать этому африканскому принцу?!

Ну, в таком сыром виде слова его, конечно, никто и не собирался переводить принцу, но все-таки, по наблюдениям наших людей, он остался не вполне доволен. Нет, тост за мир во всем мире он, конечно, выпил, и потом его постепенно успокоили, но лучше бы этого всего не было.

Кстати, о принце Ольденбургском хозяин дома вспомнил не случайно. В самом деле, так оно и было. Принц Ольденбургский, покровитель Гагр, узнав о том, что в Абхазии есть свои негры, решил их пригласить к себе на работу. То ли хотел составить себе негритянскую стражу, то ли еще что.

Как известно, принц Ольденбургский во всем подражал Петру Великому, поэтому ему захотелось иметь своих арапов. И вот приезжает представитель наших негров в Гагры и начинает договариваться с Александром Петровичем. Между прочим, Александр Петрович предлагал им очень хорошие условия, но наш представитель наотрез отказался, потому что принц предлагал нашим службу в качестве арапов.

— Пожалуйста,— говорил наш представитель,— на общих основаниях мы у вас готовы работать, но в качестве арапов не можем, потому что мы абхазцы.

Принц Ольденбургский так и эдак его уламывал, но ничего не получилось.

— Ну, ладно,— оказывается, махнул рукой Александр Петрович,— ступай домой, раз ты такой упрямый.

— На общих основаниях — пожалуйста, дорогой принц,— оказывается, напоследок еще раз напомнил наш представитель,— а в качестве арапов не можем.

— Нет, ступай,— повторил Александр Петрович,— на общих основаниях у меня и без вас людей хватает.

И вот через множество лет повторяется аналогичная история, только теперь не знаменитому принцу Ольденбургскому, а молодому африканскому принцу приходится доказывать то же самое.

Конечно, с одной стороны, такое упрямство наших негров было неприятно нашему начальству, которое сопровождало принца в деревню. Но, с другой стороны, как абхазцы, те из них, которые были абхазцами, радовались преданности наших негров.

— Как они нас все-таки любят,— покачиваясь на мягком сиденье, растроганно вспоминали они на обратном пути патриотическое чудачество зажиточного негра.

— Да, но гибкость тоже надо иметь,— покачиваясь на тех же сиденьях, слегка ворчали представители других национальностей. У нас руководство всегда многонациональное, и это создает исключительные возможности для своевременной подстраховки взаимных перегибов.

ПЕРЕД ПОДЪЕМОМ ЗАНАВЕСА

Продолжение.
Начало на стр. 7.

вые появился пункт о том, что для выезда нужны уважительные причины. Причем какие именно причины признаются уважительными, не пояснялось. Прелесть безразмерных формулировок чиновники постигли довольно быстро и начали толковать понятие «уважительности» все произвольнее. Тем более, что сам документ вскоре оброс таким количеством секретных инструкций, что «положение о выезде» правильнее было бы именовать «положением о невыезде». Через калиточку в железном занавесе протискивались считанные люди, а во многих случаях решение о выезде принимал лично Сталин.

Этот документ действовал до 1959 года, когда было издано новое «Положение...». Оно не сделало погоды, потому что устанавливало лишь общие правила въезда и выезда, а на деле все решали многочисленные инструкции МВД... Сейчас действует третье «Положение о въезде в СССР и выезде из СССР», принятое Советом Министров в 1970 году. Дополнения к нему от 1986 года несколько расширили возможности для поездок.

Но в чем, на мой взгляд, коренной недостаток работающего ныне Положения? Обязательным условием для выезда — временного или постоянного — является наличие мотива, уважительной причины (причем надо, чтобы уважали ее не столько выезжающие, сколько выпускающие!): воссоединение с семьей, встреча с родными, заключение брака, посещение тяжелобольных родственников или мест их захоронения, решение вопроса о наследстве и т. п.

Однако еще в 1973 году Советский Союз ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 12 которого гласит: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную...», причем это право не может быть «объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других...»

В переводе с юридического языка это означает, что право покидать свою страну — естественное право, данное каждому человеку от рождения и никем не отменимое. Да, это право можно ограничить, если человек владеет государственными секретами или, например, совершил уголовное преступление и еще не отсидел перед дорогой. Но! Это право ни у кого не надо просить, его не надо никак обосновывать, мотивировать.

— Иными словами, советский человек обретает это право не потому просто, что он человек, а потому, что у него за кордоном тетя умирает? Тогда получается, что гарантом осуществления прав советского гражданина является наличие у него зарубежной тети!

— Ну да. И если у вас нету тети — извините, вы гражданин второго сорта. Причем если бы у нашей страны было свое, оригинальное понимание того права, о котором мы говорим, СССР, видимо, не ратифицировал бы Международный пакт. Став же участниками этого договора, мы уже просто обязаны его выполнять.

— Итак, уже само собой разумеется, что советские граждане должны получить право на свободное, «беспричинное» передвижение?

— Знаете, мне трудно говорить, что «само собой разумеется». Я ведь только ученый, я не решаю эти вопросы. Моя четкая принципиальная позиция: да, безусловно, у советских людей должно быть такое право. В этом-то и будет заключаться прогрессивность решения проблемы выезда по сравнению с ныне действующим Положением. Только тогда порядок въезда — выезда будет соответствовать Международному пакту о гражданских и политических правах, если он подтвердит право гражданина выехать из страны, временно или на постоянное жительство, просто на основе личного обращения, без всяких причин и мотивов. Платишь налог, получаешь загранпаспорт и едешь. Примерно такой порядок, кстати, недавно установлен в Польской Народной Республике: любой гражданин может получить загранпаспорт, действительный до 10 лет, и по нему в любое время в течение этого срока выехать из страны и вернуться в нее.

— Все же давайте уточним: вы хотите сказать, что могут допускаться — ну, в этом вашем гипотетическом, «идеальном» проекте — абсолютно любые поводы для путешествия? А если я захочу съездить в Африку убедиться, что экватор не цепляет за ноги при ходьбе? Или в Австралию — чтоб погладить по спинке медвежонка коала?

— Повторяю: это ваше личное дело. Вы вообще не должны сообщать властям цель вашей поездки.

— И приглашения не надо?

— От кого? От коалы?.. Никаких приглашений.

И это самое главное. Если же опять естественное, неотъемлемое право каждого человека на выезд надо будет выпрашивать, мотивировать неотложным сверхважным делом, подтверждать приглашением от заграничного родственника,— тогда подлинная, полноценная свобода выезда, отвечающая международному законодательству, снова будет подменена нынешней хилой, узкоограниченной свободой. Свободой по уважительной причине.

Может, нас так учат хорошим манерам? Мол, нечего ходить в гости без приглашения. Но тогда уж давайте вспомним и другие правила поведения, например: обещал — выполняй!

— А срок немотивированной отлучки?

— Насчет срока временного выезда я слышу самые разные мнения. Одно из них: не более чем на три месяца. А по истечении этого срока, мол, советское консульство может его продлить. Мне лично кажется, трехмесячное ограничение неправомерно. Ни поработать, ни поучиться такой срок не дает возможности. Продление — это все-таки реальные хлопоты, время, и главное: в каких случаях срок может быть продлен? Кроме того, «может» это не «должен». И сколько раз возможно продление? и по каким основаниям? и кто эти основания будет определять? Повторение пройденного — той же истории с «уважительными причинами». Думаю, если уж указывать максимальный срок для временного выезда, это должен быть хотя бы год.

— А по-моему, вообще не надо никаких лимитов. Ведь когда мы ограничиваем длительность пребывания за рубежом (а малым сроком и подавно), мы тем самым подталкиваем кого-то к эмиграции.

— Я тоже так считаю. Кстати говоря, западные страны предельных сроков не устанавливают. Но «ты не в Чикаго, моя дорогая», как заметил один бывший министр по другому, правда, поводу...

— Ссылки на Запад, по-видимому, приведут некоторую часть читателей в раздражение. И все же интересно: а как они там, на Западе, решают проблему охраны государственных секретов? И как этот вопрос должен, по-вашему, решаться у нас?

— По законодательству, например, США отказ в выдаче заграничного паспорта или аннулирование его могут быть продиктованы интересами национальной безопасности или внешней политики. Но в жизни это положение закона применяется крайне редко. Я специально выяснял: даже сотрудник секретных отделов НАСА всего лишь дает расписку, что обязуется хранить государственную тайну и что будет воздерживаться от поездок в социалистические страны. В капстраны можно... Более того, по договоренности с начальством ездят и в соцстраны. В случае поездки в соцстрану без ведома начальства сотруднику грозят лишь служебные неприятности.

Внутри Западной Европы люди перемещаются, как правило, без загранпаспорта — по удостоверению личности. Хранить секреты — обязанность гражданина, а не государства.

Вообще же законодательства многих западных стран устанавливают конкретный максимальный срок, в течение которого человеку, владеющему государственными секретами, может быть отказано в выезде. В разных странах он колеблется, как правило, от года до пяти лет. Считаю введение такого конкретного максимального срока — скажем, лет семь — у нас было бы очень важным положительным сдвигом, резко ограничивающим возможность ведомственного произвола.

— Семь лет — не много ли при нынешних темпах научно-технического прогресса?

— Ну, я тут не специалист. Хотя могу предположить, что НТП на Западе не отстает от нашего и что в службах, охраняющих секреты, у них тоже, как говорится, дураков нет. Уверен, что в ущерб себе Запад действовать не будет. Поэтому, возможно, семь лет — срок завышенный, и пяти вполне хватило бы. Хотя еще раз оговорюсь — здесь я дилетант.

Но главное — чтобы этот установленный максимальный срок ведомство не могло продлить! Вот в чем корень вопроса. Ведь если ведомства будут иметь право по своему усмотрению каждый раз продлять «срок невыезда» — к чему это грозит привести на практике? К тому, что человеку, владеющему — или владевшему? — секретными данными, может быть навсегда отказано в выезде. Будь он даже Мафусаил...

И еще один юридический аспект этой проблемы: ведомство ведь может допустить произвол и не выходя за пределы максимальных законных сроков. М. С. Горбачев, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, сказал, что споры, возникающие вокруг этого вопроса, в ближайшем будущем могут быть обжалованы по закону. Но каким конкретно образом лучше разбирать такие конфликты? Может быть, целесообразно создание некоего центра — арбитра по решению вопросов секретности. Это сейчас крайне важно продумать. Должен быть создан механизм, который и вопросы секретности включил бы в русло демократизации.

Однако обжалование сроков секретности — это проблема частная, а есть куда более крупная и общая. Я считаю, советские люди обязательно должны получить возможность судебного обжалования несправедливого, на их взгляд, запрещения на выезд. Сейчас ведь как? Жалобы на неправомерное запрещение выезда могут рассматриваться лишь уполномоченными на это органами внутренних дел. Возможность судебного обжалования отсутствует! Как и в других наших законах, даже тех, что приняты совсем недавно: там предусмотрены только жалобы «по начальству», все выше и выше. Закон же об обжаловании в суде неправомерных действий должностных лиц на деле разрешает обжалование лишь узкого круга определенных вопросов — остальные судебному обжалованию не подлежат. А ведь давным-давно и повсеместно признано, что единственным по-настоящему демократическим, надежным механизмом правовой защиты является судебное разбирательство. Ученые-юристы уже голос сорвали, доказывая это снова и снова, но слышимость сильно отстает от гласности. Не помогает даже Всеобщая декларация прав человека, которая говорит: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами...» Выходит, не такая уж она всеобщая, эта декларация.

— Владимир Алексеевич, сейчас людей, эмигрирующих из СССР, по закону лишают советского гражданства. Делается это избирательно, по географическому принципу — только в отношении тех, кто подает заявление на выезд в Израиль. Причем стоят эти лишения по 500 рублей с человека.

— Лишают гражданства отъезжающих в Израиль **не по** закону, а **вопреки** закону. Не только международному, но и нашему, отечественному. В Положении о порядке въезда — выезда никакого требования лишать кого-либо гражданства нет. А вот что сказано в Законе о гражданстве СССР: «Лишение гражданства СССР может иметь место **в исключительном случае по решению Президиума Верховного Совета СССР** (выделено мной — **А. А.**), если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР». Так как же, спросите вы, можно автоматически лишать гражданства целые группы советских граждан, если по закону это должно делаться в исключительных случаях, каждый раз индивидуально и по решению Президиума Верховного Совета СССР? Нельзя — по закону. Но на деле-то все определяет не закон, а «инструкция в законе» — ведомственный акт МВД, по которому гражданин, уезжающий в Израиль, утрачивает советское гражданство.

— «Утрачивает» — это когда тратит пятьсот рублей?

— Вероятно, а иначе звучало бы прямо: «лишается». Деньги берут, кстати, тоже в соответствии с инструкцией.

А нонсенс в виде лишения гражданства породил еще один нонсенс — когда люди заключают фиктивные браки с иностранцами, чтобы уехать, не лишившись советского гражданства, не сжигая за собой все мосты.

Подумайте только: какой трагедией для тысяч и тысяч людей обернулась всего лишь ведомственная инструкция! Невозможность вернуться на родину... Не много ли берет на себя противозаконный «подзаконный акт»? И не слишком ли спокойна государственная власть, отдающая людские судьбы на откуп Инструкции?

— Инструкции противоречат общегосударственным законам, законы противоречат международному праву... А нужна ли лестница из всех этих ступенек вообще? Мы ведь ратифицировали Международный пакт о гражданских и политических правах и, значит, как я понимаю, признали его законом и для СССР. Получается, что советские граждане уже сейчас могут действовать, опираясь на этот международный документ?

— Нет, не могут. В конституциях многих стран сказано, что международные законы, ратифицированные данным государством, действуют внутри страны. Например, 55-я статья конституции Франции гласит: «Договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу внутренних законов». В нашей Конституции соответствующего положения нет. И юридического механизма для практического следования международному праву пока тоже нет — к нему не приспособлены наши подзаконные акты, практика судебного разбирательства...

— Что же тогда означает для нас ратификация Международного пакта?

— Есть мнение: ратификация означает лишь наше обязательство привести внутренние законы в соответствие с международными — и уж после этого последние приобретают силу закона у нас.

Однако я и многие другие юристы считаем, что ратифицированный документ приобретает в ратифицировавшей его стране силу закона, по сути дела, автоматически и должен исполняться. Из этого положения исходит и целый ряд наших законов. Так, например, в статье 129 «Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик» предусмотрено: «Если международным договором или международным соглашением, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора или международного соглашения».

— Распространено опасение: стоит только сделать выезд свободным — и «все уедут»...

— Ох, я этот «аргумент» слышу от чиновников чуть ли не на каждом совещании, где затрагивается проблема выезда... До чего же оскорбительные разговоры! Обидно же, честное слово, за нас, советских людей. Вот всегда чиновники знают, что именно мы сделаем, дай нам только волю. Не давали слушать «голоса», не разрешали устраивать кооперативы, запрещали публично рассуждать о сексе... Теперь все это можно — ну и что, разве стали мы антисоветчиками, ворюгами и маньяками? Ну почему, почему чиновники считают, будто у нашего населения уже чемоданы уложены?

И потом, если человек имеет возможность свободно поехать за границу на месяц, или на год, или на пять лет,— зачем ему уезжать навсегда? Ностальгия — чувство не выдуманное... Не вижу ничего плохого в том, что люди поедут на несколько лет поработать и заработать в развитую страну и привезут оттуда знания, опыт, «ихнее» умение трудиться. Кому-то покажется парадоксом, но если мы установим недемократичный порядок выезда, то именно это и приведет к росту эмиграции.

Современный человек хочет жить свободно, хочет иметь постоянное право выбора. Мне кажется, если у человека есть свобода уехать,— он скорее останется... Свобода держит сильнее запрета.

Да если даже рассуждать чисто экономически, то «дверям закрытым грош цена» в прямом, денежном смысле. Ведь нам, как воздух, необходимы сейчас постоянный обмен идеями, международная конкуренция, совместная деятельность фирм...

— Я сейчас подумала: обсуждая плюсы и минусы свободного передвижения людей, мы невольно решаем весьма страшный вопрос. Что выгоднее — дать людям их естественное право или не давать? При каких УСЛОВИЯХ целесообразно соблюдать БЕЗУСЛОВНЫЕ принципы гуманизма? От самой постановки этого вопроса, от самой этой дилеммы — один шаг до сталинских «винтиков», оправдания любых средств светлой целью.

— Я, как вы поняли, за то, чтобы эту дилемму снять с повестки дня...

— Знаете, Владимир Алексеевич, мы говорим с вами уже два часа, а я никак не могу понять главного... Вы доктор наук, работаете в секторе с таким названием, в таком институте. Аргументированно критикуете существующее Положение о въезде — выезде, высказываете, на мой взгляд, дельные и демократичные предложения...

— Спасибо на добром слове, я понял, куда вы клоните. Почему мы, ученые, хотите вы спросить, не можем повлиять на ход дела?

— Впечатление, будто ученые-юристы процесс законотворчества лишь комментируют в прессе и на ТВ, но не участвуют в нем. Никто не требует облечь ученых законодательной властью, но в разработке-то различных проектов они, то есть вы, должны принимать участие! А вы говорите: «есть мнение», «я считаю», «но я только ученый», «я не решаю эти вопросы». Получается, что ученые-юристы — отдельно, а законы — отдельно?

— Как разрабатываются законопроекты? Создается рабочая группа из представителей заинтересованных министерств и ведомств. По какому принципу она формируется — лично мне неведомо. Иногда в нее входят и ученые (вернее, их вводят), в частности сотрудники нашего института. Они там вносят свои предложения, спорят, кричат, машут руками... Но, поймите, не они там главные! Потом проект утверждают руководители заинтересованных министерств и ведомств. Тут уже ученые не спорят, не кричат, руками не машут — на этой стадии они не только не главные, но просто отсутствующие лица. (Исключение составляют, пожалуй, такие глобальные законопроекты, как, например, проект «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».) Так и уходит проект в Президиум Верховного Совета без визы «от науки» — не требуется. А когда какие-то предложения ученых все-таки «проходят», мы это воспринимаем как приятный сюрприз...

Бывает и другая схема разработки проекта: ученые вообще никуда не входят — даже в рабочую группу. Но, зная, что такой-то проект подготавливается, ученые просто так, «самовольно», как бы для спокойствия души посылают заинтересованным инстанциям свои предложения. А потом «заинтересованные» присылают ученым готовый проект — это называется на «экспертизу», а на самом деле просто для порядка. Причем могут и не прислать, никто нам ничего не обязан — и тогда получить проект очень нелегко. Статус нашего экспертного заключения тоже непонятен. Допустим, мы по первому варианту какого-то законопроекта сформулировали в экспертизе свои замечания, а в новом варианте увидели, что их не только не учли, но и усугубили. Конечно, никаких объяснений, возражений против нашей позиции не высказывается. В чем же тогда смысл второй нашей экспертизы? Мы ее, правда, все равно проводим...

На всех этажах разработки законопроектов царит келейность, секретность, ведомственный диктат. Не из этой ли келейности и проистекает положение, о котором сказал Э. Шеварднадзе в недавнем интервью газете «Московские новости»: «...Получается нередко, что как только принятое руководством страны политическое решение «спускается» на иной — исполнительский — уровень, сразу начинается пробуксовка. Скажем, заявлена необходимость привести внутреннее законодательство в соответствие с международным. Политическое решение есть, и нужно претворять его в жизнь. Безусловно, проделана значительная работа, но пройдена лишь часть пути. Подчас на нем ощутимо и противодействие».

Учитывая все это, я считаю: единственный шанс создавать и вводить в действие сейчас прогрессивные, демократические, соответствующие международному праву законы — это не принимать их сейчас в виде Указов Президиума Верховного Совета, второпях, без широкого детального и гласного обсуждения (увы, это в недавние месяцы уже бывало), а отложить их утверждение до сессий Верховного Совета нового созыва. Реформированный Верховный Совет будет работать по нескольку месяцев, и в результате всестороннего, гласного объективного обсуждения (чему, я убежден, будет способствовать и новый состав депутатов) сможет принимать законы, действительно достойные советских людей.

Вообще, насколько я понимаю, после принятия поправок к Конституции Президиум Верховного Совета СССР уже не может принимать нормативные Указы. Дело в том, что до принятия Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» от 1 декабря 1988 года Президиум Верховного Совета СССР согласно бывшей статье 122 Конституции СССР был наделен правом вносить изменения в действующее законодательство СССР «в период между сессиями Верховного Совета с последующим представлением на его утверждение на очередной сессии». Эти изменения вносились Указами, содержащими правила, которые рассчитаны на длительное, многократное и всеобщее применение. Такие Указы юристы называют актами нормативного характера, в отличие от Указов ненормативных — например, о награждении определенных лиц орденами и медалями, переименовании населенных пунктов и т. п.

По новому же тексту Конституции СССР — после принятия поправок — подобное право у Президиума Верховного Совета СССР отсутствует. В этом можно легко убедиться, прочитав 119-ю статью новой редакции Конституции, где содержится исчерпывающий перечень полномочий Президиума Верховного Совета. И в статье 113 новой редакции, где изложен перечень полномочий Верховного Совета СССР, также отсутствуют какие-либо упоминания об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, вносящих изменения в действующее законодательство. С другой стороны, здесь содержатся широкие полномочия по законодательному регулированию почти всех вопросов государственной и общественной жизни, кроме тех, которые отнесены к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР (статья 108).

Из всего этого, очевидно, можно сделать лишь один вывод. После принятия поправок к Конституции СССР правом законодательствовать, то есть принимать, изменять или дополнять акты высшей юридической силы — законы, наделены у нас лишь два государственных органа — Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР. Президиум Верховного Совета СССР теперь таким правом не обладает. Его Указы и постановления могут носить отныне лишь ненормативный характер.

Все-таки хотелось бы узнать мнение тех, кто решает, кто лично трудится над решением проблемы въезда — выезда, кто вносит в это решение реальный вклад. И я предприняла еще одну попытку в Минюсте...

Позвонила первому заместителю министра И. С. Самощенко. Он распорядился, чтобы интервью мне дал начальник Управления законодательства о государственном строительстве Олег Витальевич БОЙКОВ.

Звоню Бойкову. Начальник управления очень любезен, просит дать ему день на подготовку: «Понимаете, я сам этим вопросом совершенно не занимаюсь, я должен выяснить, уточнить, в чем там дело».

После подготовки:

— Да, от нас проблемой занимается Корягин. Но если бы Корягин начал говорить — это было бы не знаю что, самореклама, что ли. И я, учтите, выскажу лишь свое частное мнение.

Наша задача — это юридическая сторона, форма, но вообще главное — это ученые, они должны высказать свои взгляды (! — **А. А.**).

— Как вы считаете, должен ограничиваться срок временного выезда?

— Конечно. А иначе стирается грань между постоянным и временным выездом. Временный ведь и отличается от постоянного тем, что есть какой-то срок. А если у нас порядок выезда на постоянное жительство будет установлен в гуманистическом духе, тогда этой проблемы не будет.

— А зачем мне уезжать навсегда, если я не хочу?

— Надо полагать, будет механизм свободного возвращения. А так грань сотрется, и непонятно будет: на какой срок, с какой целью? Я бы не пошел на то, чтобы устанавливать неопределенный срок. Все-таки должна быть определенность в отношениях.

— Но если мы сильно ограничим временный срок, то мы как бы будем подталкивать людей к выезду «на постоянно»...

— Я не готов с вами здесь поразмышлять. Я над этим вопросом по-настоящему не думал еще. Но свое мнение я вам уже сказал — повторяться не буду.

— Сейчас многих эмигрантов лишают гражданства...

— Почему? Это неправда!

— Но уезжающих в Израиль лишают гражданства.

— Ну... Это тоже не совсем так. Я просто не знаю. Я не готов ответить.

— Что вы думаете о необходимости уважительной причины для отъезда — не важно временного или постоянного?

— В этой части порядок выезда, наверное, будет подвергнут пересмотру в духе сближения с международными актами о правах человека. Что касается окончательного решения, я сейчас не знаю. А мое личное суждение таково: я думаю, нам надо было бы здесь исходить из особенностей и традиций нашей страны. Мы не можем вот так вот оставить в стороне гражданина СССР, который бы просто взял и уехал. Непонятно, на какие средства он там будет существовать, для чего? Это ведь наш соотечественник.

— Мне кажется, если у соотечественника нет денег — он туда и не поедет. А если есть деньги или он их там заработает — так и ладно!

— Так что, просто не интересоваться судьбой соотечественника? Ведь непонятно, зачем он там? (! — **А. А.**) Мне кажется, это и духу нашего общества противоречит. Вы ссылаетесь на западные страны, а там действительно никому нет никакого дела до индивидуума.

— Значит, вы считаете, нельзя отказаться от практики приглашений?

— Просто вот так бросать и не интересоваться судьбой человека, чуть ли не выталкивать человека — нет, я бы на это не пошел.

— Но если человек сам хочет?

— Я свое суждение высказал.

— Должна ли в будущем предусматриваться возможность судебного обжалования?

— Конечно, механизм обжалования решений о выезде должен быть определен — это несомненно. Другое дело — в судебном порядке или каким-то иным образом.

— Но если такие конфликты будет решать не суд — тогда, значит, их будет решать опять-таки ведомство?

— Ну, это может быть и орган межведомственного свойства.

— И последний вопрос. Журналист может хотя бы увидеть, над чем бьется министерская мысль? Или тут по-прежнему гриф «для служебного пользования»?

— Нет, грифа нет. Но это просто рабочие материалы, мнение людей.

Кто-то может сказать: а зачем вообще мы вмешиваемся в законотворческую кухню? Вполне возможно, в газетах будет напечатан для широкого обсуждения проект, который нас полностью устроит. Чего, дескать, раньше времени тревожиться...

Но покуда не принята и не освоена действительно демократическая процедура разработки проектов, то есть пока нет «закона о законах»; покуда еще в ходу приснопамятное разделение труда — кто-то думает, а кто-то решает; покуда кабинеты ведомств отделены и отдалены от доводов ученых и от постоянного контроля гласности...

Пока все это так, мы просто обязаны участвовать в разработке идей, строительстве и отладке всех этажей здания правового государства. Мы должны вмешиваться в этот процесс без приглашений. Тогда и станет ясно, кто за что. И все флаги в гости будут к нам, а мы — соответственно к ним.

ИЗ ЖИЗНИ ДУХ

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ
Павел КРИВЦОВ (фото)

За окном класса яркий солнечный свет, вороний грай, колокольный звон. А тут тихо. Идет урок, в чем-то такой же, как во многих школах. И не такой: ни в одной школе, кроме этой, не учат латынь, гомилетику, литургику. Не носят такой формы: черные брюки, черный китель. Называется эта школа духовной семинарией.

Долгие годы мы обходили ее суеверным молчанием. Она была и как будто не была в нашем мире. О ней говорили полушепотом. На тех, кто переступал ее порог, смотрели с недоумением. Но более всего в отношении к этой школе проявилось невежество. Что я знал о ней?

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На лицей непохоже. Утренний молебен в половине шестого. Идеально заправленные постели. Подшитые белые воротнички. В восемь завтрак с молитвою до и после, с девяти до половины третьего уроки, потом обед, самостоятельная подготовка, послушания, хор, ужин с чтением вслух, вечерняя молитва и в одиннадцать отбой. Правда, есть каникулы, праздник, в воскресенье показывают кино... Но первое впечатление — грех жаловаться на заорганизованность светской школы.

В коридоре поговорил с семинаристами, спросил, на что похожа семинария. Один, после армии, сравнил с «учебкой». Но это не то, добавил, «здесь нет казармы».

Не похоже и на казарму. Чертоги с лепным убранством семнадцатого столетия. Мраморные цветные полы, на стенах картины. По утрам девушки в белых халатах разносят живые розы.

Ровно в девять звенит звонок, по старинной витой лестнице спешат опоздавшие. Помощник инспектора — из тех, кого студенты весело именуют «пиджачным сословием», сверяет часы. «Уже минута прошла,— строго говорит он.— Уже две минуты». То ли преподаватель, то ли студент с пухлым профессорским портфелем, приподнимая подол рясы, торопится, перешагивая ступеньки. Помощник инспектора вздыхает ему вослед. Тот же помощник или сам инспектор (лицо тут не циркулярное, а воспитательное), остановившись в коридоре, о чем-то сердечно беседует со студентом. Не казарма и не лицей — духовная школа.

Она состоит из двух: средней специальной — семинарии и высшей — духовной академии. Еще есть ученый совет и что-то вроде аспирантуры, присуждающие звания доцента и профессора, степень магистра и доктора богословия (кандидатом можно стать и на студенческой скамье). Учатся около шестисот молодых людей от семнадцати лет и старше. Сто девушек в регентской школе готовятся стать дирижерами церковных хоров. Девятьсот человек — заочники.

Прием сюда за пятнадцать лет увеличился втрое. Я опоздал — приехал бы раньше, увидел приемные экзамены. А так только объявление при входе: «Поступающие в 1-й класс должны хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Требуется твердое и осмысленное знание наизусть следующих молитв...» Я насчитал двадцать шесть. «Это не главное»,— заметил инспектор семинарии отец Венедикт.— «А что главное?» — «Священник это не профессия»,— улыбнулся он.

Потом я не раз слышал это от других. Мне говорили, ожидая, что это понятно, само собой разумеется, в этой ли школе, в других — самые блестящие знания и способности недостаточны. Человек может много знать и уметь, но если у него в душе нет бога... Или вопроса, как у Льва Толстого: «Телеграфы, чтобы передавать что?.. Книги, газеты, чтобы распространять сведения о чем? Железные дороги, чтобы ездить кому и куда?.. Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, а продолжать жизнь зачем?»

Поэтому вступительные экзамены — это не молитвы. Скорее неделя перед ответственным решением, которую проживает абитуриент, погружаясь в жизнь духовной школы с ее дисциплиной, ограничениями, службами, книгами, общением. Это предшествующие недели и месяцы жизни в сообществе, дающем рекомендацию далеко не каждому. Наконец, это четыре обязательных собеседования, индивидуальных, один на один, которые проводят с каждым поступающим ректор, проректор, инспектор, старший помощник, выявляя не столько знания, сколько то, что имел в виду один профессор технического вуза: «Может быть, отменить экзамены? — размышлял он.— Давать свободные сочинения: почему ты сюда идешь? Зачем? Интегралам-то мы научим...»

Вот почему, думаю я, здесь почти нет случайных людей. Практически нет отсева. Нет профнепригодных в том смысле, который некогда вкладывался не в службу, а в служение. Тут учатся не ангелы. Но полагать, что идут за карьерой, баснословными доходами, по меньшей мере наивно. Восемь лет напряженнейшего учения. По распределению храм божий далеко не всегда на центральной усадьбе. Стипендия семинариста (на всем готовом) — пятнадцать рублей в месяц.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. УРОКИ

«Вы вольнослушатель?» — спросили меня студенты первого курса.— «Вроде этого».— «Мы вашу сумку положили на стул. А то... отец Феофилакт строгий».

Класс как класс. Столы, стулья, доска, мел. В углу икона, в центре кафедра.

В ходе лекции начинаешь относиться с уважением к Яну Амосу Коменскому. Классно-урочную систему он придумал триста лет назад. Что ее будут использовать для всеобщего среднего, предполагал навряд ли. Но в иных условиях она работает и сегодня. Во всяком случае, в духовной школе ею пользуются умело.

Обучение самое традиционное: пара лекций, перемена, снова пара. В семинарии опрос, отметки. Домашнее задание. Нельзя сказать, чтобы методикой здесь совсем не интересовались. Но главный вопрос педагогики для себя тут я сформулировал в виде «троицы»: Кто учит? Кто учится? И чему?

Для того, чему учим мы, скажем, в средней школе, многое действительно не нужно. Если бы можно было передавать информацию, минуя родной язык, может быть, и его в школе не было. С этой точки зрения не очень понятно, зачем — древнегреческий, латынь, древнееврейский, церковнославянский, рус-

ОВНОЙ ШКОЛЫ

ский, английский, немецкий, французский... Книги в библиотеке академии на ста языках. «И на всех читают?» — спросил я у отца Вадима.— «Нет,— признался он,— алтайского никто не знает».

Это не означает, что изучают все девяносто девять. Выбирают. Обязательны: один древний, новый и русский. Вероятно, этого достаточно, чтобы при желании овладеть другими.

Зачем нужен древний, я понял в 1-м классе на уроке... родного. Записывали предложение из тургеневских «Отцов и детей». Базаров говорит про себя, что на небо смотрит только когда зевает или хочется выругаться. «Ну, отцы мои,— спросил преподаватель,— как по-гречески человек?»

Я знал только «гомо сапиенс» будучи уверен, что этим исчерпывается человек разумный. Корня «гумус», то бишь земли, перегноя, не разглядел. А об «антропос» — тоже человеке, но устремленном вверх, просто не знал. Поэтому до такого вопроса вряд ли додумался: «Так есть ли Базаров Человек?»

Это не методические фокусы. Просто другой уровень культуры.

Не берусь судить, возможен ли он без логики, философии, литературы, искусства. Без риторики возможен. Ее нет в помине в духовной школе ни как предмета, ни как стиля преподавания. Лекции на редкость спокойные, даже суховатые. Это неожиданно: есть рясы, кафедра, молитвы, но нет театра. Никто не ломает комедии. Не рассуждает с пафосом о вещах, которые для человека столь существенны, что произносить всуе непозволительно. Нет догматизма. Это тоже странно: предмет «догматическое богословие» есть, а догматизма нет. Преподаватель ведет свою линию, не забывая о других. Ему могут возразить с места. Вежливо ответить: «Ваши аргументы чисто эмоциональные».

Вероятно, это тоже относится к культуре — умение спокойно обсуждать вопрос с разных точек зрения, корректно вести дискуссию. Те дискуссии, которые мы по привычке ведем с церковью, тут, кроме улыбки, ничего не вызывают. «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать...» Эта цитата в школьном учебнике обрывается, отцы мои,— спокойно замечает преподаватель в 3-м классе семинарии.— А у того же Вольтера: «но смешно утверждать, что устройство мира не доказывает существования верховного создателя...»

Слышно, как где-то играют гаммы. Музыка здесь предмет обязательный с первого класса по последний. И в петляющих коридорах духовной школы слышишь то отдаленный хор, то вот эти гаммы на фортепиано, а то просто пройдет студент, напевая не светскую мелодию.

Кажется, тут единственное место в стране, где осваивают всерьез древнерусскую певческую систему. Растят басы, которыми некогда славилась Россия. Передать хоры, звоны я не в силах. Но урок может быть веселым: «Баритоны, почему четверть не делаете? От штампа никак не отойдете. Братцы, у вас же такой ход красивый! Ангельскими, без первых теноров, подобно херувимам... О, Валерка, а ты як це херувим!»

На переменку звенит звонок. Не колокол, не колокольчик, с которым в мои школьные годы ходила по коридорам нянечка. Обыкновенный школьный звонок, электрический. «Не вздумайте у нас на лекции остаться,— предупреждает диакон с косичкой,— мы сами помираем со скуки».

Как и во всякой школе, тут есть проблемы. Включая знакомую: как учить в одном классе людей с разными способностями, с разным уровнем образования? А ведь тут сидят с очень разным — от школьного до университетского. Подавляющее большинство со средним, но оно тоже разное. Выпускники средних школ ряда регионов страны — в этом тут убеждаешься воочию — элементарно безграмотны, делают ужасные грамматические ошибки, «ничего не знают по истории», как заметил преподаватель отец Василий. Это неудивительно: многие годы из школы выходят люди, не читавшие Карамзина и Ключевского, не ведающие, кто такие Борис и Глеб, чем обязаны Сергию Радонежскому.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ОТЕЦ АРТЕМИЙ

Он молод, обаятелен, слегка ироничен. В нем есть какая-то пушкинская легкость. В недавнем прошлом — выпускник филфака, затем учитель одной из самых блестящих московских школ. Знаю, что оттуда у него это выражение, с которым он часто обращается к ученикам. «Друзья мои, это перед нами прямая речь. «Что есть смирение?» — вопросили мы старца. «Записали?»

Почему-то все время представляешь его в другом классе. Все то же самое: те же «друзья мои», та же улыбка, речь.

«Под смирением принято считать,— говорит он как будто не для меня, но и для меня тоже,— рабскую забитость, униженное состояние человека. Мы не рабы, рабы не мы. Мама, мыло, каша... Но между тем, как объясняют отцы пустынники,— замечает он уже без иронии,— есть такое дерево пустоцвет. Оно может быть роскошным, с обильной кроной, с устремленными вверх ветками, но пустое. А рядом — яблоня. И чем больше плодов, тем ниже ветви пригибаются к земле».

Говоря, он одновременно делает легкие наброски на доске, будто изображая на полях пером профили героев.

Потом мы прогуливаемся вдоль изгороди духовной школы, и он по моей просьбе рассказывает о себе, об этой школе и о той, номера которой просит не называть, потому что не хочет, чтобы огорчались, там ему в общем-то было хорошо. Да и какое значение имеет номер. Он преподавал в физико-математической школе, пока одна девочка не увидела, что он переступил порог храма.

«И вот,— продолжает он,— мама бежит в школу и докладывает директору, что молодой, как говорили, «обаятельный» учитель зашел в храм. И ко мне приходит комиссия из роно. Урок, как мне показалось, был неплохим. Я был уверен, что такого хорошего урока у меня еще не было. И вот меня вызывают к директору. И со знанием риторики говорят: «Много мы видели уроков и в каждом самом слабом находили здоровое начало. И сообща могли взрастить это начало, и получался учитель. А в данном случае такого мрачного впечатления, как на этом уроке, у нас никогда не было».

Так он ушел из школы.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. СЕМИНАРИСТЫ

Форма на всех одинаковая, но у одного высокие каблуки, у другого тельняшка выглядывает из-под кителя. Ходят по одному или по двое — «тусовок» тут нет. И в то же время в лицах семинаристов есть что-то общее. Набрался смелости и спросил одного. Он усмехнулся и ответил неожиданно стихами Андрея Вознесенского: «Расформированное поколение, мы в одиночку к истине бредем...»

Его зовут Андрей Кураев. Худенький, небольшого роста, в круглых очках. С виду подросток. Бывший философ-аспирант первого года. Теперь снова... на первом курсе.

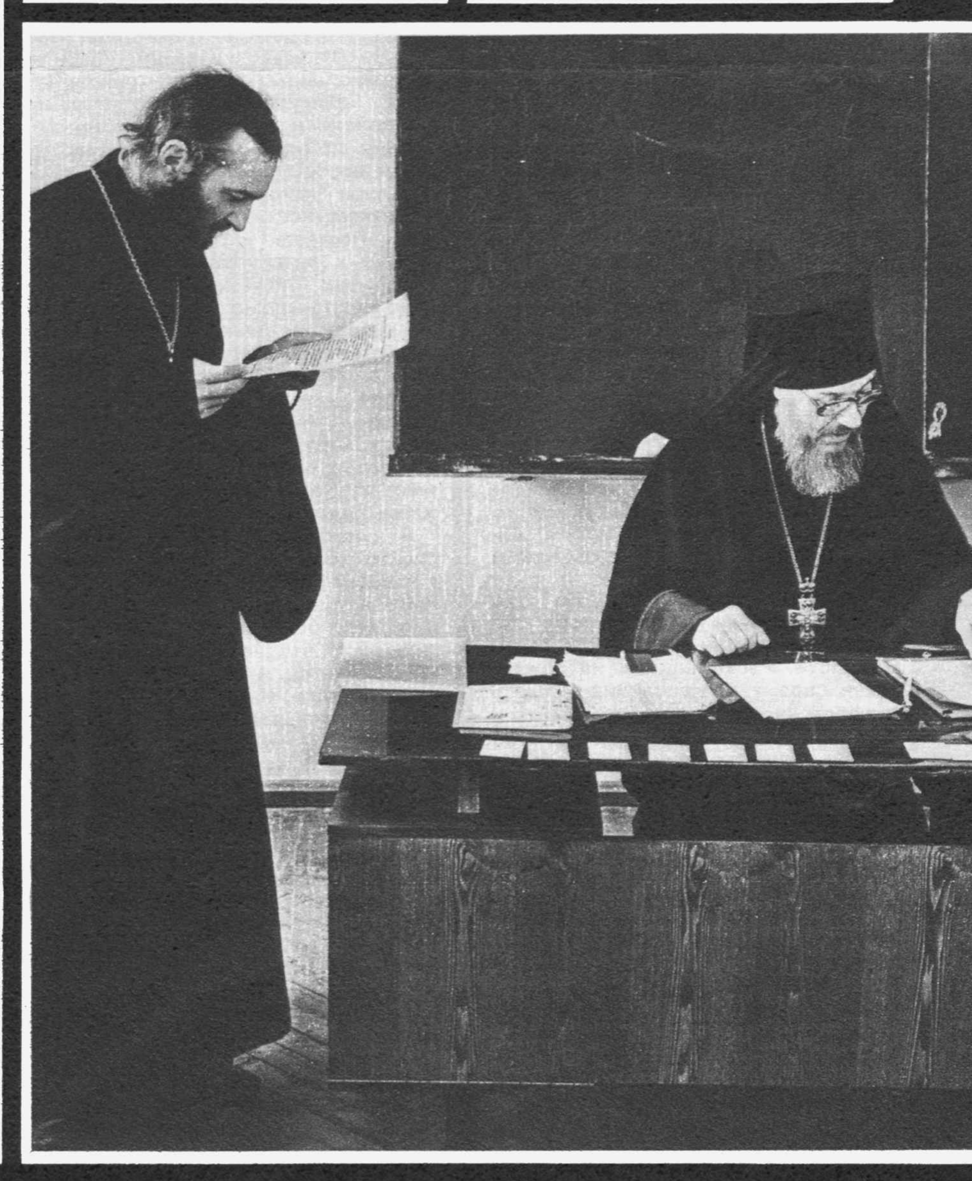
— Может быть, время толкнуло?

— Всякое время божье. Не в этом дело. Не в знак протеста мы здесь оказались.

Он уже несколько лет в этом лицее. Как попал? В университете выполнял комсомольское поручение — отвечал за атеистическую пропаганду. Каждое воскресенье студентов посылали в церковь вести наблюдения: сколько пришло народу, сколько молодежи, о чем говорят, к чему призывают. Если обнаружишь своих — отдельной графой... Так впервые оказался в храме.

Разными путями сюда приходят. Половина из нерелигиозных семей. Когда дома узнают о намерениях, обычно скандал, слезы. Бывали случаи, забирали в «психушку». В начале шестидесятых, когда закрывали церкви, на подходах к семинарии стояла милиция. Бывший семинарист, священник рассказывал: лесами пробирались, в подвалах жили. Приносишь документы в июле, а экзамены в августе — два месяца прячешься. Многие тогда решали: страдать, так за дело.

Андрей поступал уже в другое время. Это его свободный выбор. Как и почему он его сделал, я не спрашиваю. Среди семинаристов вообще не принято говорить на эти темы. Поначалу он тоже удивлялся, его это даже разочаровало. Здесь много неожиданного. Думаешь найти отшельников, а встречаешь нормальных «жизнерадостных», как выражается

Андрей, ребят. Потом тут в принципе немыслимо, чтобы одни семинаристы навязывали свои наставления другим. Словами выразить трудно, почему так. Одно мировоззрение, одни ценности. Живут на глазах друг друга. «Постепенно приходит понимание,— говорит он,— не по внешности одинаковые, мы внутренне одинаковые».

В его устах звучит странно слово «свобода». Он знает все ее философские определения, все стадии. «Ранняя стадия — это «свобода от», потом «свобода для» и «свобода во имя». К сожалению, на Руси чаще использовалась «свобода от». У Высоцкого: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?»

Что-то он читал мне и из Галича (наряду с Августином и Златоустом): «Я выбираю свободу Норильска и Воркуты...»

Я общался лишь с некоторыми семинаристами и не берусь делать обобщений. Но менее всего показалось, что это «темные», «одурманенные», «сломленные» или «корыстолюбивые» молодые люди. Сюда идут далеко не худшие, и об этом надо сказать прямо. И выбор сделан не от безделья. Скорее в раздумье. В те недели, часы жизни, когда человек решается разобраться в себе, как бы уходит от обычных повседневных вопросов и сосредоточивается на главном. Что я? Для чего я? Зачем?

Но если подумать, кто оказывается рядом в эти трудные, переломные моменты жизни с молодым человеком? Отец? Учитель? Врач? Какие книги, какие события совсем недавнего прошлого помогали обрести духовную свободу, веру? «Вера — это не давление авторитета,— говорит Андрей,— я человек маленький, буду слушаться. Вера — это прорыв. Ни на чем не основанный, никакого детерминизма. «Когда над тобою лишь веры незримое небо». А не потому что зажали в угол доказательствами».

Говоря с ним, осознаешь: если что и проворонили, так это нравственную культуру. Может с этого вообще и началось отчуждение от культуры, обескультуривание, деформация воспитания. «У меня атрофировался орган, которым верят»,— заметил один писатель. Много ли думали об этих органах подрастающего человека — не пищеварения, а веры, надежды, любви, покаяния, целомудрия? Кажется, только Сухомлинский всерьез занимался этим, а его обвинили в христианстве. И кто обвинил? Хотя, думая так, ловишь себя на том, что нравственной культуры не хватает не у них прежде всего — у тебя самого. «Вы у Артемия были на уроке? — спрашивает Андрей.— Он в «Господах Головлевых» делает маленькую поправку: вместо того чтобы сказать: «Иудушка жаден», говорит: «Иудушка одержим страстью жадности».

Маленькая поправка... Но это и есть вселенная нравственной культуры. Иудушка не тождествен своей жадности. Раскольников не тождествен своему преступлению. Видеть в любом ученике личность. Верить в лучшее в человеке. Откуда все это?

«...Сталинисты здесь не учатся. Из общества «Память» тоже, хотя, казалось бы, церковное. Принес кто-то из ребят кассету с Васильевым. «Ну как ты считаешь, что это?» — «Это не то».— «Как же так, тут же факты».— «А на себя посмотрите,— говорю.— Вы послушали это, у вас что на сердце? Раздражение. А это не христианское чувство».

«Ересь в церковном представлении — ограничение. Вместо полноты истины — обрезание. Это как костюм надел, а он тут жмет, там висит. Либо истину подрезать до себя, либо себя до истины. Истина дается на вырост...

В комнату, где мы философствуем, заходит сосед — веселый, напевает что-то. Меняет на кровати белье. Сегодня у них банный день. «Андрюха, тебе убрать? А что же вы так сидите, сходил бы за арбузом».— «Ты моложе».— «Старичок, ну сходи».— «Давай тогда до стипендии».

Сосед поставил электрический самовар и ушел. Обыкновенное студенческое общежитие, если бы не иконы на тумбочках. Иконы и книги.

«Нет, здесь передается не сумма канонов, а духовный такт, вкус. Транслируется не столько знание, сколько строй души наставника, опыт духовной жизни».

«...Чему еще учит духовная школа? Она учит вниманию. Жизнь священника — это внимание к людям. Жизнь человека — внимание к себе. Почему, думаете, он в двадцать три года может быть священником? А он в себе ежечасно разбирается. И если научился себя видеть, сможет увидеть и других, даже совершенно не зная Фрейда, Выготского, Леонтьева... Не говоря уже о том, что современному человеку нужен просто ласковый взгляд, обращенный именно к нему — не поверх глаз, к иконе...»

Андрей надевает курточку — сходить за арбузом, а заодно показать Лавру, а то я так и уеду, ничего не увидев. Забыл как будто, что семинария в Лавре.

...Ясный день, блестят купола. Толпа экскурсантов. Андрей замечает, что особо престижных иностранцев водят монахи, а наших — даже не искусствоведы. Прочитала одну книжку и водит. Но он не осуждает. «Нельзя получить богословское образование, не пожертвовав судьбой».

Относится ли эта реплика к нему самому? Не знаю. Мне кажется, что есть какая-то потайная комната, которая и для него еще не до конца заполнена. Он говорит, что у каждого есть такая комната и каждый пытается чем-то ее заполнить: один работой, другой детьми, третий еще чем-то. Но все это временно. «Хотите, продам идею? — вдруг предлагает он.— Различие двух цивилизаций. Современная ориентирована на молодежь во всем — в моде, пропаганде. А прежняя — на старость. Ушла культура умирания. Старость была временем, когда пора о душе подумать. Помните, у Бальмонта: «День только к вечеру хорош, жизнь тем ясней, чем ближе к смерти...»

До заката еще не скоро. Мы успеваем купить на рынке арбуз и поесть в забегаловке неподалеку от семинарии пельменей — любимое блюдо Андрея «на гражданке». Успеваем осмотреть Лавру изнутри и снаружи, не открыточные ее виды, а откуда-то со старых переулков Загорска, похожего в этом месте на деревню — избы, сараи...

Я чувствую, что ему хочется не просто показать Лавру, семинарию, а навести какие-то мостки, чтобы те, кому я буду рассказывать, посмотрели хотя бы чуть-чуть другими глазами на то, что здесь происходит, кто тут находится. А они такие же, не из другого мира, и так же думают, так же мучаются, так же ищут истину — на вырост.

Неделей позже я окажусь в одном из районов Нечерноземья и столкнусь с реальной жизнью тех, кто окончил семинарию и не окончил ее. И приду к выводу, что дело не в семинарии. Можно окончить академию, но жить далеко не по ее законам. А можно, будучи самоучкой, очистить от грязи храм, поднять развалины, выстроить, стоя на лесах, купол. Как рабочий, мастер. Человек духовного звания. Если он есть, если встречаешь то здесь, то там, значит, за ним духовная школа. Она тут, она проглядывает из завалов.

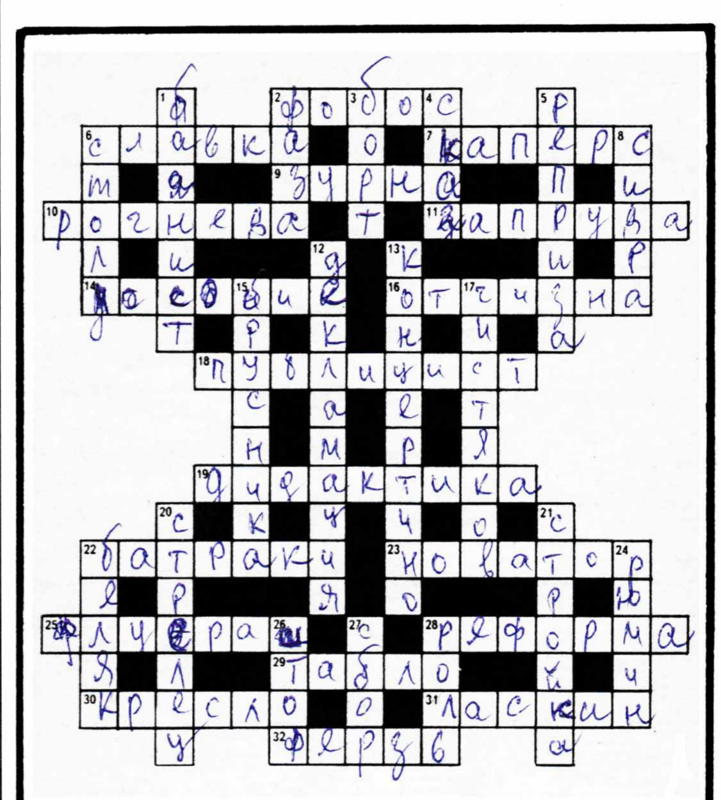
Время собирать камни, время строить.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Название серии автоматических межпланетных станций для исследования Марса и его спутников. 6. Небольшая певчая птица. 7. Южное стелющееся растение, почки которого употребляются в маринованном виде как приправа. 9. Духовой музыкальный инструмент, распространенный в Закавказье, Средней Азии. 10. Опера А. Н. Серова. 11. Плотина в виде насыпи. 14. Учебная книга. 16. Родина. 18. Писатель, автор литературных произведений по общественно-политическим вопросам. 19. Раздел педагогики. 22. Рассказ К. А. Тренева. 23. Работник, осуществляющий прогрессивные принципы, приемы. 25. Молдавский оркестр народных инструментов. 28. Преобразование, переустройство. 29. Щит со световыми надписями, сигналами на стадионе. 30. Вид широкого стула. 31. Автор текста песни «Три танкиста». 32. Шахматная фигура.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Музыкант. 2. Определенное положение Луны. 3. Боковая стенка корпуса судна. 4. Народно-поэтическое повествование. 5. Комический номер в цирке, на эстраде. 6. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Залив Средиземного моря у берегов Ливии. 12. Искусство художественного чтения. 13. Небольшое музыкальное произведение, исполняемое оркестром малого состава. 15. Северный вечнозеленый ягодный кустарничек. 17. Маршал артиллерии. 20. Зодиакальное созвездие. 21. Возведение зданий, сооружений. 22. Заяц. 24. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 26. Декоративная ткань с крупным рисунком для обивки мебели. 27. Кратковременное пребывание военнообязанных для обучения. 28. Сценический образ, воплощенный актером в спектакле, фильме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Ленинцы». 5. Овсянникова. 8. Залог. 10. «Голик». 12. «Искра». 14. Воск. 15. Ленинград. 16. Альт. 17. Роберт. 18. Свекла. 20. Онон. 21. Интеллект. 22. Грач. 23. Кукла. 24. Рында. 25. Ряска. 28. Культиватор. 29. Горький.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Клест. 2. Вызов. 4. Игналина. 6. Электроника. 7. Аквалангист. 8. Зоотехник. 9. Голубкина. 10. Генератор. 11. Караваева. 12. Индикатор. 13. Альборада. 19. Планширь. 26. Благо. 27. Штейн.

Однажды возвращались из школы поселка Жалаулы (Кегенский район Алма-Атинской области) шестиклассники и принялись играть в футбол валявшимся на берегу ручья черным войлочным мешочком, набитым чем-то тяжелым. Не успели гол забить, как войлок прорвался и посыпались из мешочка какие-то медяшки. Стали смотреть — красивые. Показали учителям, а те сообщили ученым из Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Находка оказалась настоящим кладом, состоявшим из двухсот с лишним золотых предметов. Тут были золотые бляхи в стиле круглой скульптуры, изображавшей оленей, штампованные пластины со сценами нападения хищников на травоядных животных (примерно VII—VI века до нашей эры), наконечники ремня, бляхи в виде своеобразной запятой, но особенно удивила ученых пектораль (нагрудное украшение), найденная впервые во всем регионе Казахстана, Средней, Центральной Азии и Сибири (III—I века до нашей эры). Такую вот тайну скрывала старая войлочная сумка.

Предположение ученых такое: это золото из разграбленных курганов, которыми славится Кегенский район.

Юрий ЛУШИН.
Фото автора

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663